

SOCIOTIME

Социальное время

4
2015

Научный журнал

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВПО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3. Тел. 8(8362)686800.
E-mail: sociotime@volgatech.net

Редакторы *Л. С. Емельянова, П. Г. Павловская*
Компьютерная верстка *С. Н. Эштыкова, В. В. Хренков*
Дизайн обложки *Ю. Ю. Белова*
Перевод на английский язык *С. И. Иванова, А. В. Шалаева*

Подписано в печать 14.12.2015.
Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,67. Тираж 300 экз. Заказ № 5880.

Поволжский государственный технологический университет
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Отпечатано в редакционно-издательском центре ПГТУ
424006, Йошкар-Ола, ул. Панфилова, 17

Перепечатка или воспроизведение материалов номера
допускается только с письменного разрешения редколлегии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев В.П., д-р филос. наук, проф. (ПГТУ, Йошкар-Ола) – главный редактор;
Беляев В.А., д-р политол. наук, проф. (КАИ, Казань); *Васина С.М.*, канд. ист. наук, доц. (ПГТУ, Йошкар-Ола); *Дахин А.В.*, д-р филос. наук, проф. (РАНХиГС, Н.Новгород);
Лепский В.Е., д-р психол. наук, проф. (ИФ РАН, Москва); *Низова Л.М.*, д-р экон. наук, доц. (ПГТУ, Йошкар-Ола); *Павлова А.Н.*, д-р ист. наук, доц. (ПГТУ, Йошкар-Ола);
Полутин С.В., д-р социол. наук, проф. (МордГУ, Саранск); *Фокин В.А.*, д-р пед. наук, проф. (ТГПУ, Тула); *Чумаков В.А.*, д-р филос. наук, проф. (ФинГУ, Москва);
Белова Ю.Ю., канд. социол. наук, доцент – ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Члены редсовета в регионах России:

Аршинов В.И., д-р филос. наук, проф. (ИФ РАН, Москва); *Астафьева О.Н.*, д-р филос. наук, проф. (РАНХиГС, Москва); *Бекарев А.М.*, д-р филос. наук, проф. (ННГУ, Н.Новгород); *Гавров С.Н.*, д-р филос. наук, проф. (МГУДиТ, Москва);
Войцехович В.Э., д-р филос. наук, проф. (ТГУ, Тверь); *Ильин В.И.*, д-р социол. наук, проф. (СПбГУ, Санкт-Петербург); *Кутырев В.А.*, д-р филос. наук, проф. (ННГУ, Н.Новгород), *Никитина Т.Б.*, д-р ист. наук, проф. (МарНИИЯЛИ, Йошкар-Ола);
Полищук Р.Ф., д-р физ.-мат. наук, проф. (ФИАН, Москва); *Савчук В.В.*, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Санкт-Петербург); *Солодухо Н.М.*, д-р филос. наук, проф. (КАИ, Казань); *Степанов Е.И.*, д-р филос. наук, проф. (ИС РАН, Москва); *Царегородцев Е.М.*, д-р экон. наук, проф. (МарГУ, Йошкар-Ола); *Шалаева С.Л.*, канд. филос. наук, доц. (МарГУ, Йошкар-Ола); *Щелкунов М.Д.*, д-р филос. наук, проф. (ПФУ, Казань);
Широкалова Г.С., д-р социол. наук, проф. (ННГСХА, Н.Новгород)

Члены редсовета и представители журнала за рубежом:

Акопян К.З., д-р филос. наук, проф. (Флорида, США); *Бабосов Е.М.*, д-р филос. наук, проф., академик (НАН Беларуси, Минск); *Билалов Б.*, канд. ист. наук (АИТ, Баку, Азербайджан); *Ведлер Б.*, доктор, проф. (университет г. Миттвайда, Германия);
Водопьянов П.А., д-р филос. наук, проф. (НАН Беларуси, БГТУ, Минск, Беларусь); *Зеленков А.И.*, д-р филос. наук, проф. (БГУ, Минск, Беларусь); *Ибрагимов А.*, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция); *Ильева С.*, д-р психол. наук, проф. (Софийский ун-т, София, Болгария); *Козлова З.Н.*, канд. ист. наук, доц. (БарГУ, Барановичи, Беларусь);
Перинчик М., д-р, проф. (Стамбульский ун-т, Стамбул, Турция); *Проданов Васил*, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария); *Рамтун Р.*, д-р, проф. (Ун-т Конкорд, г. Афины, США); *Тарароев Я.В.*, д-р филос. наук, проф. (ХНУ, Харьков, Украина)

SOCIOTIME

Социальное время

4
2015

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 09.03.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HPE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square. Tel. 8-8362-686800.
E-mail: sociotime@volgatech.net

Editors *L. S. Emelyanova, P. G. Pavlovskaya*
Computer imposition *S. N. Eshtykova, V. V. Khrenkov*
Cover design *Y. Y. Belova*
Translators *S. I. Ivanova, A. V. Shalaeva*

Signed in 14.12.2015.
The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 300 ind. Ordering № 5880.

Volga State University of Technology
424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square

Printed in the editorial-publishing center
of the Volga State University of Technology
424006, Yoshkar-Ola, 17, Panfilova str.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted
only with prior written permission of the editorial board

EDITORIAL BOARD

Shalaev V.P., Doctor of Philosophy (Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief; *Belyaev V.A.*, Doctor of Politology (KAI, Kazan); *Vasina S.M.*, PhD, Assoc. prof. (Volga State University of Technology); *Dakhin A.V.*, Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod); *Lepsky V.E.*, Doctor of Psychology (Institute of Philosophy of RAS, Moscow); *Nizova L.M.*, Doctor of Economics (Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola); *Pavlova A.N.*, Doctor of History (Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola); *Polutin S.V.*, Doctor of Sociology (MordGU, Saransk); *Fokin V.A.*, Doctor of Pedagogic, prof. (TGPU, Tula); *Chumakov A.N.*, Doctor of Philosophy (FinGU, Moscow); *Belova Y.Y.*, candidate of sociological sciences, Associate Professor – responsible secretary

EDITORIAL COUNCIL

Members of the editorial board in the regions of Russia:

Arshinov V.I., Doctor of Philosophy (Institute of Sciences, Moscow); *Astafeva O.N.*, Doctor of Philosophy (RANEPA, Moscow); *Bekarev A.M.*, Doctor of Philosophy (UNN, Nizhny Novgorod); *Gavrov S.N.*, Doctor of Philosophy (Moscow State University of Design and Technology, Moscow); *Voitsekhovitch V.E.*, Doctor of Philosophy (TSU, Tver); *Ilyin V.I.*, Doctor of Sociology (St. Petersburg State University, St. Petersburg); *Kutyrev V.A.*, Doctor of Philosophy (UNN, Nizhny Novgorod); *Nikitina T.B.*, Doctor of History (Yoshkar-Ola); *Polishchuk R.F.*, Doctor of Physical and Mathematical Sciences (FIAN, Moscow); *Savchuk V.V.*, Doctor of Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg); *Solodukho N.M.*, Doctor of Philosophy (KAI, Kazan); *Stepanov E.I.*, Doctor of Philosophy (Institute of Sociology of RAS, Moscow); *Tsaregorodcev E.M.*, Doctor of Economics (Mari State University, Yoshkar-Ola); *Shalaeva S.L.*, PhD, Associate Prof (Mari State University, Yoshkar-Ola); *Shchelkunov M.D.*, Doctor of Philosophy (Kazan Federal University, Kazan); *Shirokalova G.S.*, Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod)

Members of the editorial board of the journal and representatives abroad:

Akopian K.Z., Doctor of Philosophy (Florida, USA); *Babosov E.M.*, Doctor of Philosophy (NAS of Belarus, Minsk); *Bilalov B.*, PhD (AIT, Baku, Azerbaijan); *Wedler B.*, prof. (Mittweida University, Germany); *Vodopianov P.A.*, Doctor of Philosophy (National Academy of Sciences of Belarus, Belarus State Technological University, Minsk, Belarus); *Zelenkov A.I.*, Doctor of Philosophy (BSU, Minsk, Belarus); *Ibragimov A.*, Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey); *Ilieva S.*, Doctor of Psychology (Sofia University, Sofia, Bulgaria); *Kozlova Z.N.* PhD, Assoc. prof. (BarGU, Baranovichi, Belarus); *Perinchik M.*, doctor, professor (Istanbul University, Istanbul, Turkey); *Prodanov Vassil*, Doctor of Psychology, professor (Sofia, Bulgaria); *Ramtun R.*, PhD (Concord University, Athens, USA); *Tararoev Y.V.*, Doctor of Philosophy (KNU, Kharkov, Ukraine)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

<i>Аганов О. Д.</i> Социально-философские аспекты бытия российского общества в контексте вызовов современности.....	9
<i>Дахин А. В.</i> Этнокультурные миры в системе региональной стратификации общества: устойчивость, угрозы, безопасность.....	18
<i>Иванова С. И., Шалаев В. П.</i> Феномен отчуждения человека в обществе: напряжение нарастает (дискурс социально-философского наследия на Западе)..	33
<i>Полищук Р. Ф.</i> На пути к математическому моделированию истории России....	44
<i>Шалаева А. В.</i> Пространство мифа: о возможности топологического анализа мифологического мышления (<i>часть 2</i>).....	50

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Большаков А. С., Большакова А. А.</i> К проблеме мирового кризиса: его генезис, социально-экономические причины и возможные последствия	60
<i>Ганчевский Б. Г.</i> Террористические угрозы в фокусе национальной безопасности в глобальном мире.....	72
<i>Dimitar Y. Dimitrov, Svilena S. Darova.</i> Authentic leadership as a modern alternative for organizational development (Подлинное лидерство как современная альтернатива для организационного развития).....	83
<i>Зюляев Н. А.</i> Туризм и экономическая безопасность.....	89
<i>Козин В. В.</i> Взаимоотношения трудовых мигрантов и принимающего сообщества.....	93
<i>Тимова Л. Г.</i> Гражданственность как фактор национальной безопасности в условиях глобализации	98
<i>Трусов Н. А.</i> Система национальной безопасности России	103
<i>Шиманская О. К., Матина Е. Г.</i> Проблема этноконфессиональной безопасности в современной России: вызовы и риски	110

ИСТОРИЯ

<i>Бонев Радослав.</i> Координаты внешнеполитической стратегии государства в теории международных отношений	119
<i>Назмутдинов Б. В.</i> Евразийство, «Восток» и «Азия»: «восточные» устремления в трудах евразийцев (<i>часть 1</i>).....	129
<i>Фокин В. А.</i> Глобализация социальных процессов и проблемы российской социальной работы в условиях обеспечения национальной безопасности России	141

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Павлова А. Н.</i> Историческая память и способы ее формирования в современном вузе как фактор национальной безопасности.....	145
Подготовка и порядок приема рукописей.....	151

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

<i>Agapov O. D.</i> Social-philosophical aspects being of Russian society to the challenges of the present.....	9
<i>Dakhin A. V.</i> Ethnocultural worlds in the system of regional stratification of society: sustainability, threats, security	18
<i>Ivanova S. I., Shalaev V. P.</i> Phenomenen of alienation of the person in the society: pressure increases (the discourse social-philosophical heritage in the West).....	33
<i>Polishchuk R. F.</i> On the way to mathematical modeling stories of Russia.....	44
<i>Shalaeva A. V.</i> The space of myth: on the possibility of topological analysis of mythological thinking (<i>part 2</i>)	40

SOCIOLOGY

<i>Bolshakov A. S., Bolshakova A. A.</i> To the problem of world crisis: its genesis, the social and economic reasons and possible consequences	60
<i>Ganchevsky B. G.</i> Terrorist threats in focus of national safety in the global world	72
<i>Dimitar Y. Dimitrov, Svilena S. Darova</i> Authentic leadership as a modern alternative for organizational development	83
<i>Zyulyaev N. A.</i> Tourism and economic security	89
<i>Kozin V. V.</i> Mutual relations of labour migrants and accepting community	93
<i>Titova L. G.</i> The civic consciousness as a factor of the national security in the context of globalization	98
<i>Trusov N. A.</i> The system of Russian national security	103
<i>Shimanskaya O. K., Matina E. G.</i> The problem of ethnic and religious security in modern Russia: challenges and risks	110

HISTORY

<i>Bonev Radoslav.</i> Coordinates of foreign policy strategy within the theory of international relations	119
<i>Nazmutdinov B. V.</i> Eurasianism, «Orient» and «Asia»: «eastern» aspirations in the writings of eurasianists (<i>part 1</i>)	129
<i>Fokin V. A.</i> Globalization of social processes and problems of russian social work in the conditions of caring a national safety of Russia	141

PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY

<i>Pavlova A. N.</i> Historical memory and the ways of its formation in a modern higher education institution as a factor of national safety	145
Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	151

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Перед вами четвертый номер нового научного журнала «**SocioTime / Социальное время**». Журнал носит международный, междисциплинарный характер и охватывает широкий круг вопросов современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества. Учредитель журнала – Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола), а его непосредственный организатор – факультет социальных технологий ПГТУ, имеющий широкие российские и международные научные и образовательные партнерские связи. Журнал возник на пересечении крупнейших регионов России, в самом центре ее европейской части. Интеллектуальное ядро журнала представлено широким научным сообществом из-

вестных ученых, исследователей, представляющих крупнейшие научные центры России и зарубежья, вошедших в редколлегию и редакционный совет данного издания. Многие из них одновременно выступили представителями журнала в своих регионах. Таким образом, журнал изначально позиционирует себя как сетевое научное сообщество. Среди отечественных членов редсовета журнала ученые из Йошкар-Олы, Казани, Н. Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, представляющие различные академические и университетские центры России. Среди зарубежных членов редсовета представители научных центров и университетов Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии.

Ключевые разделы журнала представляют четыре основные отрасли социально-гуманитарного научного знания: философии, социологии, истории, психологии и педагогики. Первой изюминкой журнала и важнейшим элементом его концепции являются междисциплинарные и интегративные исследования в области теории, практики и методологии современного научного знания. Второй особенностью журнала, несомненно, является его человекомерный и проблемно ориентированный характер. Журнал нацелен прежде всего на исследование фундаментальных и прикладных проблем развития современного человека и общества. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в поле актуальных тем современности, в том числе таких, как глобализация и ее социальные последствия, проблемы национальной безопасности, безопасности и устойчивого развития общества и человека в современном мире. В центре внимания журнала также состояние и метаморфозы современных культур и цивилизаций.

Призмой для всех этих процессов как раз и выступают современные философские, социологические, исторические, психологические и педагогические науки, связанные с ними другие науки о человеке и обществе в их совокупном теоретическом, практическом и методологическом ресурсах. Эти и другие контексты журнала обобщены концептом – «*социальное время*». По одной из возможных интерпретаций, СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ – это время, проживаемое человеком и обществом в измерениях прошлого, настоящего и будущего, проявленное всей палитрой чувств и эмоций, ценностей и жизненных целей, различных идей и смыслов, связей, отношений, деятельности, процессов и событий и т.д., в которые человек и общество включены в своей актуальной жизнедеятельности, охватывающей все многообразие сфер человеческого бытия.

В *социально-философском смысле* социальное время охватывает собой пространство жизни человека в диалектике его внутреннего и внешнего жизненного мира сквозь сферы материальных и духовных ценностей и связанного с ними материального и духовного производства, материального и духовного потребления в обществе. Все они (и для всякого общества, и для всякого отдельного человека) одновременно являются той объективной реальностью, тем субъективным пространством бытия, что решающим образом влияет на актуальное социальное бытие (бытие человека и общества в мире). С другой стороны, в рамках не менее убедительного *культурологического подхода*, социальное время может быть представлено всей совокупностью различных по своим ценностям форм бытия человека и общества, таких как сфера цивилизации (материальных ценностей и форм человеческой жизни) и сфера культуры (духовных ценностей и форм человеческой жизни). Эти формы рассматриваются в культурологии не только как антагонизмы, но и как взаимодополняющие начала исторического развития человека и общества.

Вполне уместны и другие научные интерпретации социального времени. Например, с точки зрения *этногенетического подхода*, социальное время может рассматриваться как цивилизационное и культурное измерения в развитии этноса и социума, где этническое время – время природного, биогеохимического развития человека именно как природного, биологического существа, в то время как социумное время – время духовных и материальных ценностей, культуры и цивилизации в развитии человека и общества. Эти два времени находятся в несомненной взаимосвязи, взаимозависимости, взаимовлиянии и взаимодействии, они диалектически комплементарны друг другу. Журнал открывает пространство для различных научных опытов и в области *субъектного измерения времени*, наиболее близкого социально-гуманитарным наукам, в том числе в таких областях, как мировоззренческие и идейные процессы в пространстве бытия личности, семьи, социальных групп, этносов, обществ, государств, культур, цивилизаций и т.д., а также их актуальных метаморфоз. При этом несомненно, что субъективное время не должно рассматриваться отдельно и в отрыве от времени объективного, представленного внешними по отношению к человеку процессами, в которые он диалектически включен и относительные возможности в корректировке которых имеет как разумное и деятельное существо.

Важной составляющей журнала являются публикации, нацеленные на анализ *актуальных процессов социального времени* в его личностном и общественном, культурном и цивилизационном измерениях, в их соотнесенности с процессами метаморфоз и развития *современного социального пространства*, без которого социального времени быть не может. Весьма актуальными и значимыми для современного социально-гуманитарного знания здесь, безусловно, являются такие феномены современности, как глобализация, национальная безопасность, вызовы сложности, социальный хаос, борьба искусственного и естественного миров, проблемы утраты человеческой субъектности, объективации и отчуждения человека в современном мире и др.

Уважаемые читатели и коллеги, мы ждем Ваши работы и открыты для обсуждения и дискуссий. Журнал «**SocioTime/Социальное время**» – это, несомненно, Ваше социальное время, здесь и сейчас! Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина 3, факультет социальных технологий ПГТУ, каб. 426, 430а. E-mail: ksnt@volgategh.net. Тел. редакции – 8-8362686800.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 11.111

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ БЫТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

О. Д. Агапов

Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Статья посвящена социально-философскому исследованию актуальных вызовов современности российскому обществу и сообществу гуманитариев, а также рассмотрению альтернатив развития с опорой на принцип «мужества истины». В центре внимания автора процессы модернизации, глобализации, место в них гражданского и научного сообщества современной России.

Ключевые слова: глобализация, модели модернизации, гражданское общество, мужество истины

Постановка проблемы. Современность в социально-философском ракурсе предстает перед нами: 1) как форма социального бытия, выступающая как мировое сообщество, как состояние человеческого рода, достигшего уровня глобальных / транснациональных систем и сообществ; 2) как концепт общественного сознания, связанный с действием различных агентов мирового сообщества; 3) как уровень социально-экономических, политико-правовых, культурно-коммуникационных, технологических отношений. В конечном итоге, не будет преувеличением утверждение о современности как сфере «большого опыта», формирование которого для всех стран, а не только для Российской Федерации представляет собой проблему.

Э. Гидденс, О. Розеншток-Хюсси полагают, что правильнее говорить о том, что современность – это сообщество *пост*традиционных обществ, которые (каждое в своем режиме) вступили в Новое и новейшее время, ориентируясь друг на друга в рамках разрастающегося после Великих географических открытий *мира – экономики*. Процесс глобализации далек от завершения, несмотря на обретенные после Второй мировой войны (1939-1945 гг.) ориентиры, выразившиеся в создании ООН. Более того, «биполярный мир», бывший реальностью вплоть до распада СССР, был помимо прочего и соревнованием двух глобальных альтернатив развития человеческого рода. Появившаяся концепция «третьего пути», поиски выхода из жесткой матрицы «лагерей» развития способствовали не только движению стран неприсоединения, но и активной рефлексии гуманитарного, философского и богословского сообщества в XX в. Малые войны «холодной войны», глобальные проблемы современности, убыстряющийся темп

научно-технического развития не могли не породить общей социокультурной атмосферы кризиса. Сегодня термин «кризис» применяется для характеристики различных социальных отношений: познавательных концептов науки, философии, религии, искусства, всей цивилизации. Этимология понятия «кризис» восходит к греческому и толкуется с одной стороны как «суд», а с другой – как «открывшаяся возможность». Иначе говоря, кризис, как подчеркивает В. Н. Порус, – это «рубеж, с которого два пути: к гибели или к жизни» [1].

Мы убеждены, что кризис – это *состояние*, имеющее системный характер. Попадание одной области человеческого бытия в «разряд» кризисного ставит под сомнение все остальные. Пересмотр оснований начинает захватывать всю структуру мирового сообщества, что остро ставит проблему *предстояния* человека перед человеческим родом как целым. Кризис – это пространство **между** **миря**, где тенденции прошлого еще не исчерпались, а альтернативы будущего недостаточно полно проявились.

Необходимость проведения нашего исследования обусловлена целым рядом моментов. В первую очередь, осознанием позиции философа и ученого (шире – интеллигенции) в социальных процессах. В частности, мы солидарны с утверждением Ю. Хабермаса о том, что «интеллектуал должен пользоваться профессиональным знанием, которым он располагает, например, как философ или писатель, как социолог или физик, не будучи спрошенным, то есть не получая поручений ни с какой стороны. Не будучи беспристрастным, он должен высказываться, осознавая возможность ошибаться. Он должен ограничиваться важными темами, приводить объективную информацию и по возможности хорошие аргументы; таким образом, он должен стараться улучшать достойный сожаления дискурсивный уровень публичных дискуссий» [2, с. 24-25]. Действительно, мы, живя в эпоху экспертиз и грантосоискания, в известной мере забываем, что позиция интеллектуала / интеллигента предусматривает и гражданское измерение его профессиональной деятельности, выбранной им практики жизни. Г. Л. Тульчинский, размышляя о путях развития гражданского общества, пишет о том, что в его основании лежит **принцип разделения мира ценностей и мира фактов**. Его применение позволяет различать в поведении человека ценностно-нормативный и целерациональный аспекты, позволяет самому человеку обрести необходимую *дистанцию* от эмоционально-аффективной реакции на социальные реалии, а также перейти с уровня переживания своей социальности на уровень ее конструирования, выстраивания отношений на базе совместных интересов с другими людьми (интерсубъективная и интерактивная стороны общества).

Ученые – представители социально-гуманитарных наук – изначально «работают» на базе этого принципа, и их опыт весьма актуален для всех субъектов гражданского общества. Важно помнить о том, что в «организации социальной жизни речь должна идти о соблюдении конкретного баланса двух векторов свободы: самоопределения – трансцендентально ориентированной, устремленной к совпадению желаемого с должным, идентичности с ним, и свободы – гарантии такого самоопределения. Каждый человек – носитель трансцендентального субъ-

екта имеет собственный уникальный опыт свободы и самоопределения, идентичности. Разведение мира должного и мира сущего порождает проблему интерсубъективности: обеспечения взаимопонимания, коммуникации, политического и морального сосуществования носителей разного смыслового и ценностного содержания сознания. Это вопрос конкретных технологий и методик организации социальной деятельности: познавательной, политической, коммуникативной, когда главным становится вопрос о *балансе* между конкурирующими волями, системе защиты от самозванства и насилия, признания права на свободу воли, фактически – на уникальный опыт трансцендентного, признания такого права за каждым» [3, с. 23-25].

Во-вторых, актуальность исследования социально-философских аспектов бытия российского общества вызвана обострением международной обстановки в 2011-2014 гг., прямо связанной с формированием с начала XXI в. новой конфигурации современности, отмеченной возрастанием роли Российской Федерации, борьбой США и ЕС за абсолютную гегемонию в мире, ростом активности международных террористических организаций и т.д. Указанные обстоятельства возвращают нас к новому «витку» рефлексии, дискуссий и деятельности о месте и роли России в мире, о первостепенном и второстепенном в жизни российского социума, о методах, формах и перспективах развития политических, экономических и социокультурных институтов и структур. Мы неслучайно говорим о новом «витке» рефлексии, поскольку уже со времен Смуты, с XVII в., когда Россия вступила в Новое время всемирной истории, не одно поколение политической элиты, интеллигенции, иных субъектов российского общества стремилось достойно ответить на внешние и внутренние вызовы современности.

Реформы династии Романовых (Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, Александра II, Николая II), поддержка обществом реформ в XVII-XX вв. и сопротивление им, складывание революционной, либеральной и консервативной российской политико-исторической традиции отношения к современности как большому миру показывают, что большинство обсуждаемых российским обществом проблем, связанных с санкциями США и Евросоюза против активного внешнеполитического курса Российской Федерации, по постановке «болевых» тем, характеру интерпретации, оценкам и предлагаемым методам выхода из ситуации буквально повторяет дискуссии XVII-XX вв. Выделяются, как минимум, две противоположных друг другу партии, задающих герменевтическое поле российского общественного сознания. С достаточной долей условности в концептуальном плане можно выделить партию изоляционистов и партию космополитов, позиции которых будучи отражениями исторической реальности все же в одномерном идеологическом плане трактуют динамику развития как России, так и всемирной истории Нового и новейшего времени.

Изоляционизм и космополитизм – это *а(нти)исторические* идеологические концепты-конструкты. С одной стороны, воспроизводящие через призму своих критериев ход отечественной / мировой истории, а с другой – задающие логику

поведения определенных субъектов российского общества. Схематизм указанных подходов задает восприятие российской истории как *дурной* цикличности, повторяемости без разрешения проблем, без преобразования структуры общества. Однако это не так. Постигая историческую конкретику каждого периода в развитии российского общества, мы находим не только поражения и провалы, но и институализацию новых социальных форм, видим рост модернизационных структур, находим преобразенную новыми мировыми смыслами социокультурную реальность. Иными словами, нам сегодня необходимо преодолеть инерцию и схематизм идеологий изоляционизма и космополитизма, выйти на уровень активной рефлексии, адекватной политики интересов.

Реальная история – это открытый процесс экзистенции человека / человеческого рода, творческого поиска и становления. Сама «ткань» истории состоит из событий и ситуаций, в которых люди способны ответить на вызовы развития не только опираясь на прежние традиции, но и путем свободы. Важно помнить, что традиции и новации «хороши» не сами по себе, а в контексте разрешения проблем эпохи. Понимая, что невозможно объять необъятного, сосредоточусь на двух проблемах, связанных с дальнейшим бытием российского общества, – это судьба модернизации и гражданского общества.

Модернизация стала атрибутом современности, которую при всем богатстве подходов и нюансов и историки, и экономисты, и культурологи, и религиоведы (шире – представители социальных наук) ведут с эпохи Возрождения – Реформации – Контрреформации – Просвещения, т.е. в период XIII-XVIII вв., когда произошла серия социокультурных, экономических, религиозных революций, давших начало формированию совершенно новых социальных институтов и идей, благодаря которым сформировался особый тип отношения человека к самому себе, другим людям, природе, Богу и т.д. В. Г. Федотова пишет, что каждый исследователь, начиная анализ проблем модернизации, делает шаг «к раскрытию отношений западного и незападного, капиталистического и некапиталистического миров» [4, с. 73].

Множество подходов к проблеме модернизации не снимает бинарности *традиционное – современное*, ибо традиционные общества отличаются такими признаками: «зависимость в организации социальной жизни от религиозных и мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональности; преимущественная ориентация на метафизические, а не инструментальные ценности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, т.е. способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, ради будущего; прединдустриальный характер и докапиталистическое развитие; отсутствие массового образования; преобладание недейтельной личности; ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку; преобладание локального над универсальным» [4, с. 77].

Коренное отличие современного общества в ориентации на инновации, на светский образ жизни и науку, поступательное линейное развитие, выделенную

персональность, демократизм и массовое образование, преобладание инструментального над метафизическим и универсального над локальным. Ни одно общество не входило в современность без модернизации, где ключевой институт – это капитализм (К. Маркс, И. Валлерстайн, Ф. Бродель, Э. Гидденс), создающий новую систему отношений между людьми. Капитализм как социально-экономическая формация прошел несколько фаз своего развития, и сегодня он еще не исчерпал своего потенциала – это открытая саморазвивающаяся система. Если взять за исходный момент эпоху меркантилизма / Великих географических открытий, то первая фаза – XV-XVII вв. Далее – эпоха буржуазных революций (XVII-XIX вв.), давшая начало периоду раннего и развитого индустриализма (промышленный переворот и применение энергии пара) (до начала XX в.). Четвертый момент в развитии капитализма – вторая промышленная революция (электричество, конвейерное производство, атомная энергетика). Ближайшие к нам фазы: научно-техническая революция (40-60 годы XX в.) и постиндустриальная. Как видим, между традиционным обществом и современным *чередой социальных трансформаций* (от общества к сообществу – Ф. Теннис; от ценностно-нормативного поведения к целерациональному – М. Вебер; от органического к технологическому – Н. Смелзер и т.д.), каждая из которых делала свою «подвижку» в сторону от традиционных ценностей или институций.

Духовное и социальное пробуждение человека в Западной Европе стало *вызовом* не только для самих европейцев. Оно повлекло ситуативное развитие всего мира, порождая мощные волны глобализации и *антиглобализации*, движение за *альтерглобализацию*. На вызов Запада в XX в. прозвучал ответ России (социалистическая альтернатива) и ответ Азии, который «вызрел» в тяжелейших испытаниях догоняющего развития, сопротивления крайним формам вестернизации. Современная цивилизационная «карта» чрезвычайно пестра – в общественном сознании эпохи нет достаточно *легитимной теории* модернизации по западному алгоритму, поэтому нам сегодня в России важно, каким потенциалом обладают Китай, страны Юго-Восточной Азии, Евросоюза, США, Латинской Америки.

Отдельный интерес представляют новые индустриальные страны (НИС): Япония, Гонконг, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия, для которых характерен инновационно-мобилизационный тип развития, т.е. «с одной стороны, активно используются западные технологии и инновации, с другой – мобилизующая сила традиции, коллектива, семьи, чувства общего дома. ... Образ будущего – стремление сохранить идентичность, но войти в семью народов как развитый, конкурентоспособный регион, который остается самим собой. Есть стремление к экономической экспансии в мире, но нет цивилизационного «вызова» в силу внутренней замкнутости, невозможности предложить остальному миру сложившийся здесь тип идентичности» [4, с. 111]. История Китая в XX в. полна трагедий – борьбы за независимость, внутренних революций. В конечном итоге в 70-80-е гг. после культурной революции Мао Цзэдуна в стране установился курс Дэн Сяопина, который, на наш взгляд, вбирает в себя не только гибкую интерпретацию Мао, но и идеи, «питавшие» Сунь Ян Сена, Чан Кайши. Успешность линии

Дэн Сяопина, по мнению В. Г. Федотовой др., в том, что «китайцы при выборе модернизационной модели учитывали опыт страны и не стремились перестать быть китайцами, стать американцами и т.д.». Конкретнее, «методология китайских реформ – постепенность и учет национальных условий. Это – «золотое правило реформ», отличающее их от революций: согласовать скорость реформ со способностью людей адаптироваться к ним» [4, с. 529]. Реформы шли без изменения идентичности, но новые технологии, стандарты образования, культуры меняли общество, создавая перспективу развития без разрушения собственной культуры.

Гражданское общество. Внимательное и устойчивое внимание к теме институтов гражданского общества в начале XXI в. связано, на наш взгляд, с тем, что данный концепт выступает своеобразной квинтэссенцией интересов и надежд практических всех субъектов российского общества. Безусловно, что представления каждого из них (по различным критериям) о смысле и формах гражданского бытия отличаются, но вместе с тем следует признать: в России сложился *консенсус* в понимании необходимости раскрепощения энергии народа, в создании среды инициативы и свободы, позволяющей каждому найти свою идентичность и стратегию устройства общества.

Не будет преувеличением утверждать, что понятие «*гражданское общество*» является на сегодняшний день общим основанием для диалога власти с обществом, диалога между различными общественными организациями и партиями, диалога между консерваторами и модернизаторами, правыми и левыми и т.д. Подобное положение дел не может не радовать, особенно после более чем двадцатилетнего поиска (1986-2014 гг.) круга идей и ценностей, составляющих жизненный мир граждан России. Однако здесь есть свои риски. Например, мы согласны с позицией социолога В. В. Петухова, пишущего о том, что сам термин «гражданское общество» политически и идеологически нейтрален, и в его «недрах могут возникать и укрепляться демократические структуры и институты, но одновременно и совсем не демократические».

Действительно, сегодня намечается тенденция «прикрытия» экстремистскими группировками своей деструктивной деятельности идеями гражданского общества. Также не может не тревожить факт «продавливания» только своей трактовки гражданского общества со стороны бизнес-сообщества. Для них гражданское общество практически синоним рыночной экономики, а все богатство человеческих потребностей и интересов уместается в реестр общества потребления. ««Продвинутые», «широко мыслящие», «либерально ориентированные» руководители крупных компаний – безусловные демократы, когда речь идет о необходимости освобождения своего бизнеса от попыток опеки и вмешательства со стороны властей, но создают откровенно авторитарную систему отношений в своих компаниях». Они выступают против права трудящихся на отстаивание своих экономических интересов [5, с. 57].

Гражданское общество предполагает прежде всего **право участия** (в форме обсуждения, реализации, оценки и т.д.) граждан во всех, малых и больших, процессах общественного бытия, а для этого у них должны формироваться необходимые для этого *институты* и *компетенции*, связанные с образованием *способ-*

ности рационально, критически – конструктивно мыслить о сущности социальных тенденций, об их основаниях и пределах – *мере участия* в них.

Другим принципом гражданского общества выступает идеал *социального партнерства / соучастия*, понимаемого как форма интерактивных отношений, предметом которых выступает обретение «коммуникативных площадок» и инструментов для совместной деятельности по созданию «точек роста» для воплощения проектов и программ, направленных на формирование устойчивой базы для экономического, политического и социокультурного развития сообщества. Императивами социального партнерства выступают: мировоззренческое единство в принятии концепции «малых дел» и человекосоразмерности социума; принцип личностного отношения к различным социальным институтам (отсутствие алиби в бытии); понимание конкретных задач и возможностей исходя из личностной профессиональной и социокультурной компетенции и идентичности; знание многообразия форм и способов социальных отношений; признание альтернативности и многовариантности социального развития, его событийности, ситуационности, множественной конфигуративности.

Выводы. 1. Интеграция постсоветского общества в мировое сообщество (1991-2015 гг.) является весьма сложным процессом, обладающим мультипликационным эффектом как в рамках внешней, так и внутренней политики. Динамика этого процесса, его алгоритм, сценарии, методы и формы весьма множественны и неоднозначны. Вместе с тем анализ развития как структур российского общества, так и ведущих форм общественного сознания показывает, что на сегодняшний день сформировались контуры новой российской социокультурной идентичности граждан, осознающих свое достоинство, приоритеты, обладающих известной долей самокритики.

2. События внешней и внутренней политики периода 2011-2015 гг. выступают «точкой» бифуркации для новой российской идентичности. Мы находимся в ситуации, когда многие аморфные смыслы приобретают вполне четкую конфигурацию, способную стать концептуальной основой для развития России, как минимум, до 2030 года. Констатирование переживаемого времени как точки бифуркации означает, что средоточием эпохи выступает каждый гражданин, способный сделать личностный выбор и выстраивать свою жизнь «под знаком» этого выбора. Современность российского общества дает немало примеров как обладающих положительной динамикой, свидетельствующих о том, что самые низкие пороговые состояния кризиса постсоветского общества позади, так и фактов, говорящих о том, что достигнутая в 2000 гг. стабильность крайне хрупка и беззащитна перед натиском множества деструктивных сил.

3. Развитие культуры рефлексии, культуры личностного гражданского бытия выступает залогом поступательного развития Российской Федерации без ухода в изоляцию / самоизоляцию, поиска «врагов народа». Личностная форма бытия требует стойкости и мужества в отстаивании российского понимания ценностей и смыслов современности, ясности мышления и открытости в выстраивании форм диалога и развития сообществ различного характера.

4. Главной опасностью, усиливающей *риски неопределенности*, бросающей вызов идентичности российского общества, выступает оно само, а не реальные или мнимые противники выхода России в лидеры международного сообщества XXI века. В конечном итоге, партнеры – соперники России по современности могут использовать в информационной борьбе только те «орудия», которые находят отклик внутри российского социума. Следовательно, многое зависит от того, кто и насколько глубоко будет осмыслять проблемы развития России, кто будет принимать решения и последовательно воплощать их в своей жизни. Например, реализация принципов свободы далеко не автоматически ведет к анархии или моральному разложению.

5. Логика и исходная интенция выбора, сделанного российским обществом в начале своего развития (выборы первого Президента РФ Б. Н. Ельцина), показывает, что в своем содержании этот выбор фундирован на понимании России *arcti* как равноправной участницы мирового сообщества (В. В. Бибахин). Умаление или несоответствие этой интенции воспринимается как отход от важнейших «скреп» российского общественного сознания. В весьма непростых исторических условиях и ситуациях наши предки делали выбор в сторону открытости миру, роста и воплощения. С X в. русское / российское общество было по возможности открыто миру и само было «миром миров» (М. Я. Гефтер).

6. Ведущей задачей всех субъектов российского общества в создаваемых санкциями условиях выступает максимально ответственное бытие, созидющее и укрепляющее вертикальные и горизонтальные социальные отношения, а также сводящего «на нет» негативные факторы сословно-стратого, классового, националистического или узкоконфессионального характера.

7. Российскому социально-гуманитарному сообществу предстоит в ближайшей перспективе проявлять *мужество истины* перед лицом внешних и внутренних вызовов современности. От способности гуманитарного сообщества дать рациональный ответ на актуальные вопросы зависит возможность российского общества удержаться на уровне собственного поступательного развития или вступить на путь исторической аннигиляции. Речь не идет о провозглашении кардинальной альтернативы в духе мировой пролетарской революции. Скорее, перед нами стоит задача стать самими собой, по праву свободы и исторической преемственности, по совести и по любви.

Быть самим собой – значит экзистировать, свободно допускать наличие множества идентичности как «зачатков», альтернатив себя, с известной долей дистанцирования от каждой возможности, но и с пониманием того, что каждая из них – это линии преемственности, продолжения, ответственности. Конкретнее, в нашем выборе и личностной заботе нуждаются гражданственность, религиозность, профессиональная компетентность, солидарность. Не может быть «живых» социальных форм без личностной практики соотнесения в жизни каждого человека сущего и должного, традиционного и инновационного.

Список литературы

1. Порус В. Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 24-37.

2. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. М.: Весь мир, 2011. 336 с.
3. Тульчинский Г. Л. Проблема либерализма и эффективная социальная технология // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 23-25.
4. Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Колпаков В. А. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. 608 с.
5. Петухов В. В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // СОЦИС. 2012. № 1. С. 57.

Дата поступления в редакцию: 01.10.2015

Авторская справка

Агапов Олег Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, Институт экономики, управления и права, Казань, Россия. E-mail: agapov@nzh.ieml.ru

---

UDC 1.111

**SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECTS BEING
OF RUSSIAN SOCIETY TO THE CHALLENGES OF THE PRESENT**

O. D. Agapov

Institute of Economy, Management and the Right, Kazan (Russia)

Abstract. The article is devoted to the social and philosophical research pressing challenges of modern Russian society and the community in the humanities, as well as the consideration of alternatives based on the principle of «the courage of the truth». In the center of attention of article processes of modernization, globalization, a place in them civil and scientific community of modern Russia.

Keywords: globalization, modernization model, civil society, the courage of the truth

---

References

1. Porus V. N. Obzhit' katastrofu. Svoevremennye zametki o duhovnoj kul'ture // Voprosy filosofii. 2005. № 11. S. 24-37.
2. Habermas Ju. Mezhdju naturalizmom i religiej. Filosofskie stat'i / per. s nem. M. B. Skuratova. M.: Ves' mir, 2011. 336 s.
3. Tul'chinskij G. L. Problema liberalizma i jeffektivnaja social'naja tehnologija // Voprosy filosofii. 2002. № 7. S. 23-25.
4. Fedotova V. G., Fedotova N. N., Kolpakov V. A. Global'nyj kapitalizm: tri velikie transformacii. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2008. 608 s.
5. Petuhov V. V. Grazhdanskoe uchastie v kontekste politicheskoj modernizacii Rossii // SOCIS. 2012. № 1. S. 57.

Author's Bio

Agapov Oleg Dmitrievich, the doctor of philosophy, the professor, Institute of Economy, Management and the Right, Kazan, Russia. E-mail: agapov@nzh.ieml.ru

УДК 323.172,174; 341.231

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МИРЫ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА: УСТОЙЧИВОСТЬ, УГРОЗЫ, БЕЗОПАСНОСТЬ

А. В. Дахин

Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород (Россия)

Статья посвящена вопросам структурного строения и трансформаций современного общества в свете концепта региональной стратификации. Рассматривая современные тенденции трансформации социально-культурных пространств в современном евро-азиатском мире, автор делает акцент на роли суверенитета государств, а также на определении таких фундаментальных факторов региональной стратификации, как структуры коллективной памяти и идентичности. Показано, что в сочетании с экономическими и политическими факторами структуры коллективной памяти и идентичности могут влиять на устойчивость/неустойчивость этнокультурных миров, порождать различные формы этнокультурного радикализма и экстремизма. В заключение автор приходит к выводу, что Россия нуждается в обновлении концептуальных подходов к стратегии своего позиционирования в среде современных этнокультурных миров.

Ключевые слова: региональная стратификация политического пространства, региональная коллективная память, региональная идентичность, глобальная региональная стратификация, локальная региональная стратификация, этнокультурный мир

Состояние современного мира с его противоречивыми дипломатическими демаршами, полосами охлаждения отношений и информационными войнами привлекает внимание исследователей самых разных научных направлений. Философы воспринимают его в свете вопроса о единстве многообразного. Глобалистика понимает его в той мере, в какой он связана с действием субъектов геополитики и геоэкономики. Регионалистика – в той мере, в какой она связана с принципами взаимоотношений социальных субъектов, самостоятельный статус которых определяется территориально-географическими, административно-политическими, этнокультурными границами. Нетрудно показать, что во всех случаях дело касается со-существования в социальном пространстве различных территориально определённых социально-экономических, социально-политических акторов. Для одних социальное пространство – это поле общепланетарного масштаба, для других – это поле в масштабах отдельно взятого государства.

Глобалистика и регионалистика в этом плане своими актуальными гранями высвечивают наличие проблем, связанных с активностью субъектов, определяющими факторами социальной идентичности которых являются территория и её культура. Иначе говоря, мы имеем дело с разными аспектами одного социального явления: региональной стратификации социально-политического пространства. Различные страты этого пространства, имея/обретая субъектное начало, тянутся к сохранению/обретению суверенитета, иные стремятся ослабить или разрушить суверенное начало своих «противников». В результате складываются

сложные поля «перекрёстных» взаимных влияний и претензий различных территорий-субъектов, в которых то и дело вспыхивают более или менее сильные конфликты.

Отмеченные процессы необходимо рассматривать как проявления особого типа социальной стратификации общества. Эта разновидность в теоретическом плане разработана менее других. Широко известны теории социально-экономической, политической, профессиональной стратификации общества (Сорокин, 1992), (Радаев, Шкаратан, 1995), (Анурин, 1996) и др. Можно считать сложившимся интерес к проблеме этнокультурной стратификации (Данилевский, 1991), (Бромлей, 1983), (Арутюнян, Дробижина, 1986), (Дахин, 1998) и др. Менее всего разработана теория региональной стратификации общества (Дахин, Распопов, 1998), которая в настоящем случае наиболее востребована. Речь идет о теоретическом описании деления социального пространства, где главным критерием является фактор территориально-географической привязанности сообществ людей. В России становление этого подхода связано, в частности, с развитием политической регионалистики (Авдонин, Баранов, Дахин, 2008: 105-126), в поле зрения которой попадают преимущественно современные российские регионы, особенности их внутреннего социально-политического и экономического устройства, сравнительные исследования – российские и международные (Лифшиц, Новиков, Смирнягин, 1994), (Моммен, 1997: 12-43), (Макарычев, 1997: 44-64), (Сергунин, 1997: 130-149) и др.

Политическая регионалистика постепенно наводит исследования на социальные «объекты» особого рода – на территориально определённые социально-политические сообщества. Всей системой существования они привязаны к территории, они занимают то или иное географическое пространство, имеют влияние в тех или иных территориально-пространственных пределах. Данная связанность делает территориальное пространство объектом самых разнообразных социальных отношений, а также важным фактором территориально-пространственной дифференциации общества. Индикатором этой дифференциации является граница административная или государственная. Важно отметить, что граница рассматривается здесь и как неотъемлемый элемент региональной стратификации, и как знак, следствие, специфическое выражение сложных процессов оформления социально-политических пространств.

В самом первом приближении можно говорить об иерархии масштабов территориально-пространственной дифференциации общества: дворový, городской, областной (субъекты Федерации в России), субконтинентальный (масштаб традиционных национальных государств), континентальный (масштаб, сопоставимый с территориальными размерами континентов), межконтинентальный, общепланетарный. Каждый уровень – это сфера отношений соответствующих территориально-определённых социальных субъектов: на первом – это сообщества дворových пространств, на втором – сообщества городских районов, на третьем – сообщества городов и др. видов населённых мест, на четвёртом – сообщества областей и т.д. Социальные науки традиционно рассматривают в качестве центрального территориально-пространственного субъекта государство. В системе

региональной стратификации государство – это административно-политическая оболочка, которая может оформлять территориально-пространственные общности различного масштаба. Так, скажем, государство Ватикан, Сингапур – это оформленные государственной административно-политической оболочкой и обладающие государственным суверенитетом территориальные общности городского масштаба. Германия, Франция, США и др. национальные государства – наделённые суверенитетом и государственной административно-политической оболочкой территориальные общности субконтинентального масштаба; Россия (или СССР) – наделённая государственной административно-политической оболочкой и суверенитетом территориальная общность межконтинентального масштаба (занимают территории двух континентов). В сторону формата конфедерации континентального масштаба движется ЕС.

В свете концепта региональной стратификации, укрупнение территориальных единиц (когда несколько более мелких объединяются в более крупную) – это одно из конкретных проявлений процесса глобализации, предельной «планкой» которого является масштаб общепланетарный. Напротив, процессы дробления территориально-пространственной единицы на более мелкие части – это явление регионализации (распад Югославии, СССР и т.п.).

Региональная стратификация общества является его сущностной характеристикой, причём не менее фундаментальной и значимой, чем экономическая, политическая, возрастно-половая или профессиональная стратификации. Под *региональной стратификацией* общества мы, таким образом, понимаем фундаментальное и устойчивое измерение его бытия, которое проявляется, с одной стороны, как территориальная *дифференциация* его социального пространства на разномасштабные части, а с другой – как *иерархия* этих частей территориально-пространственного деления, каждая из которых наделена *субъектной силой (социальной сущностью)* той или иной мощности.

В системе современной региональной стратификации действуют две тенденции, влияющие на её конфигурацию и нередко порождающие конфликтные ситуации. Одна – тенденция универсализации социальных процессов и порядков. Следствием её становится формирование унифицированных форм социальной организации, покрывающих совокупность более мелких/слабых форм территориально-пространственного деления общества. Это тенденция, в русле которой может осуществляться укрупнение территориально-пространственных единиц (соединение нескольких более мелких в одно более крупное), полное или частичное «растворение» границ мелких территориально-пространственных образований внутри более крупных с передачей суверенитета (или его элементов) в ведение более крупных территориальных единиц, утверждающихся в контуре новой общей границы.

Другая тенденция – автономизация социальных порядков и процессов, связанная с делением более крупных территориально-пространственных единиц на более мелкие. Стремление к автономии свойственно прежде всего этнонациональным, этнокультурным, этноконфессиональным сообществам. В современном мире они подвижны намерением утвердить традиционные нормы своей социаль-

ной самоорганизации, своей «большой семьи» в формах гражданских институтов или институтов государственности. (Это лишь один из мотивов территориального самоопределения, который имеет место наряду с такими, как интересы национальных политических элит, политическая манипуляция массовым сознанием и т.п.). Другая линия связана с периодически возникающими волнами интереса «цивилизованных государств» Запада или Востока к модернизации социальной организации сообществ в странах «третьего мира» по лекалам «цивилизованного порядка». Сюда относятся и эпоха Великих географических открытий середины XV-XVI вв. (период испанских и португальских завоеваний в Африке, Америке и Азии, освоение русскими севера Азии и пр.), и эпоха колоний XVII-XIX вв. (колонизация Америки, Африки, Индии, Австралии и пр.), и современная эпоха утверждения сфер геополитического влияния (утверждение «номоса Земли» по К. Шмитту или глобальной «демократизации» по Ф. Фукуяме). В таких случаях, как правило, обнаруживаются явные признаки несовместимости местных этнических форм самоорганизации с «цивилизирующими» формами и нормами предлагаемого извне государственного устройства. В современную эпоху светских демократических государств модернизацию связывают с «общечеловеческими» принципами демократического выбора, гражданского равенства и пр., которые, однако, вступают в конфликт с местными традиционными этноукладами – такими, как адат, шариат и т.п. Попытки модернизации часто оборачиваются затяжными конфликтами.

В России одним из событий, свидетельствующих о противоречиях автономизации, является предпринятая в середине 1990-х гг. попытка радикального мусульманского крыла чеченского сообщества вывести Чечню из состава России и оформить регион в виде независимого государства, основанного на принципах шариата. Запад рассматривал эти процессы в качестве части своей стратегии глобальной «демократизации». Поэтому, в частности, в 1996 г. ОБСЕ чрезвычайно активно участвовала в организации и проведении «демократических выборов» президента в Чечне. Выборы прошли, президентом был избран А. Масхадов, формальные демократические процедуры при этом были более-менее соблюдены. Но других признаков «демократического порядка» в «новой» Чечне не было ни видно, ни слышно. Более того, «демократически» избранный президент А. Масхадов вынужден был отстаивать свое лидерство перед «полевыми командирами» (Радуев, Басаев и др.) совсем недемократическими средствами: в 1998 г. для восстановления нового правопорядка и борьбы с преступностью (с похищениями людей, прежде всего) Масхадов даже предпринимает попытку мобилизации под свои знамена резервистов, так что регион в какой-то момент приблизился к рубежу гражданской войны. Показательна в этот период судьба двух чеченцев, осуждённых к публичному расстрелу по закону шариата в сентябре 1997 г. Не менее характерна для таких ситуаций и активность шариатского суда в Чечне 1998 г., решавшего вопросы внутреннего государственного устройства этого субъекта РФ (быть или не быть Верховному Совету, институту президента, закону о люстрации и т.п.). Иначе говоря, вырвавшая на свободу *радикальная* этноконфессиональная стихия чеченской автономизации проявила свою несовмести-

мость с институциональным государственным порядком как таковым (общество оказалось на грани гражданской войны, анархии). Аналогичные процессы происходят в первом и втором десятилетиях XXI века при «демократизации» Ирака, Ливии, Египта, Сирии и др. государств этого региона. Во всех таких случаях внутренние импульсы радикальной автономизации были усилены внешними глобальными «ресурсами демократии» со стороны США и НАТО.

В этом круге проблем остановимся далее на вопросе о сущностных истоках и содержании внутренней пассионарной, автономной активности этнических (этнонациональных, этнокультурных, этноконфессиональных) сообществ.

Этнокультурные миры региональной стратификации

В самом широком смысле известный консерватизм этнических сообществ, их сопротивление процессам глобализации связаны со стремлением сохранить традиционные уклады своего повседневного общежития. В этом стремлении присутствуют оттенки, утверждающие исключительность, уникальность собственной культуры, собственных традиций, что уже само по себе со стороны может восприниматься как проявление «национализма» или «этнического превосходства». А если стремление к сохранению своей уникальности сопряжено с радикальными или экстремистскими, экспансионистскими способами его достижения – в этом случае национализм, религиозный фундаментализм и идея превосходства становятся угрожающей реальностью для всех «инородцев» и «неверных».

Источник мотивированного сопротивления этнических сообществ различным процессам глобализации связан с загадкой этнического консерватизма. Почему человеческие сообщества вопреки, казалось бы, здравому («цивилизованному») смыслу держатся за архаические формы совместной жизни и, более того, считают их чем-то священным и демонстративно культивируют их в своей среде? Это не понятно особенно с точки зрения либерализма, рассматривающего индивидуальную свободу, индивидуальную выгоду и индивидуальный успех в качестве естественных и фундаментальных качеств цивилизованной человеческой природы. С ответом на этот вопрос связаны не только осмысление пределов адекватности либеральных теорий общества, но необходимость более точного понимания истоков националистических идеологий и феномена региональной стратификации современного общества.

Дело в том, что структуры повседневного уклада жизни этнических сообществ базируются на субстанции их социально-исторической памяти. Или, точнее, коллективная социально-историческая память этнических сообществ действует, сохраняет своё активное состояние именно в структурах повседневного уклада их жизни: в повседневной речи (язык), обычаях, ритуальных мероприятиях, календарях памятных и праздничных дат и пр. Каждодневное воспроизведение исторически сложившихся отношений, форм общения, управления, наказания и т.п. является материалом мировоззренческого (духовного) и одновременно организационного (в пределе – политического) себя-именования, себя-выделения и себя-утверждения среди иных сообществ людей.

Рассмотрев вопросы генезиса социальной исторической памяти и ее связи со структурами личности в другом месте (Дахин, 1995), в настоящем рассуждении хочется подчеркнуть следующий аспект. Коллективная память сказывается в том, что наделяет своих носителей явственным сознанием и переживанием священной значимости своего сообщества, своего «Мы». Если позволительно будет так выразиться, то «органом» живой коллективной социальной памяти является само человеческое сообщество, воспроизводящее из поколения в поколение нормы и формы отношений и поведения, которые это «Мы» понимает в качестве «своих». С одной стороны, каждое такое действие переживается сообществом и каждым отдельно взятым человеком как «дань памяти», а потому должно быть выполнено совершенно точно, по канону, то есть так, как это «было раньше». Отсюда берёт начало *фундаментальная традиция* (в отличие от неё есть традиции конструируемые) – разветвлённая дорожная карта жизни сообщества, сотканная из взаимосвязанных точек-событий и мест памяти, каждое из которых является местом принесения «дани памяти» (исполнения «долга памяти»). Это особенная дорожная карта. Она не просто ведёт вперёд, но ведёт по кругу, как бы постоянно вращая колесо предшествующей истории сообщества так, что точки настоящего постоянно сопряжены с памятными событиями прошлого. Благодаря работе структур коллективной социально-исторической памяти сообщество имеет фундаментальную традицию, которую несёт на своих плечах как самый ценный скарб. Собственно говоря, сообщество существует как реальное сплочённое «Мы», если оно обладает этим незримым постороннему взгляду скарбом традиции. Напротив, сообщество распадается в «атомарное» состояние (аномия), становится совокупностью отдельных индивидов, если скарб традиции сброшен, «украден», уничтожен.

Действие коллективной памяти человеческих сообществ дано им в виде усвоенных всеми «с молоком матери» правил повседневного поведения, являющихся обязательным элементом их коллективной самоидентификации. Принадлежность к сообществу определяется тем, в какой мере индивид усвоил традиционные уклады жизни. Признание индивида в качестве признанного члена «большой семьи» связано с более или менее выраженными формами инициации. Проходя различные ступени/форматы инициаций, каждый индивид накапливает свой собственный «капитал» идентичностей со своим «Мы», всё более и более «укореняется» в чине его традиции, всё более и более становится носителем священного скарба. Особенность в том, что идентичность – не паспорт, который человек получает и кладёт в карман. Идентичность – это процесс, процесс участия в несении традиции, в исполнении «дани памяти предкам» на всех пунктах, отмеченных незримой дорожной карты памяти этого «Мы».

Наряду с бытовой, повседневной этнонациональной самоидентификацией (язык, одежда, ремёсла и пр.) имеет место и духовно-мировоззренческая самоидентификация, которая также опирается на действие структур коллективной социально-исторической памяти сообщества. Вопрос о том, во что верить, каких ценностей придерживаться – это в этнических сообществах отнюдь не индивидуальное дело каждого отдельно взятого человека. «Большая семья» живёт своими

святынями, и их почитание – строгая норма поведения для всех. Этническое сообщество, как правило, одновременно является и конфессиональным сообществом, поскольку в качестве «своего» мировоззрения культивирует, поддерживает, проповедует ту или иную религиозную систему.

Отношение повседневной и мировоззренческой идентичности является сильной связью, она присутствует всегда, если мы имеем дело с активным, живым этническим сообществом. Но связь содержания мировоззренческой идентичности и содержательного наполнения повседневной идентичности является более слабой, более гибкой, переменчивой. Содержательное наполнение мировоззренческой идентичности может порождать причудливые сочетания, когда сообщества, имеющие один и тот же повседневный уклад (принадлежащие к одной этнонациональной группе, традиции), придерживаются совершенно различных мировоззренческих традиций. Например, среди славян одни, как правило, имеют православную мировоззренческую идентичность, другие – католическую, третьи – староверы и пр. У этнографических групп албанцев есть сообщества с разной мировоззренческой идентичностью: среди гегов есть мусульмане и католики, среди тосков – мусульмане и православные, арнауты исповедуют православие, а албанцы арберешы – католики. В целом в традициях XI-XIX вв. албанцы примерно на 70 % мусульмане, остальные исповедуют христианство (православие или католицизм). Или, например, среди иранских народов есть осетины, которые имеют православную мировоззренческую идентичность, пуштуны – с сунитско-исламской мировоззренческой идентичностью, курды, проповедующие воззрения ислам-сунитского, шиитского толка, ислам-алевиизм, а также езидизм и христианство.

Мировоззренческие святыни, предметы верований, с одной стороны, и этнонациональные бытовые уклады повседневной жизни, с другой стороны, образуют своеобразный объемлющий строй коллективной памяти, предметно воплощенный в формах материальной социокультурной среды, ландшафта этнического сообщества. Убранство, устойчивость и сохранность такой среды обусловлена «крепостью» коллективной памяти сообщества и устойчивостью коллективной идентичности (себя-именования и себя-выделения) для самих себя и среди других. При этом доминирующим признаком собственной идентичности сообщества может быть один или несколько компонентов объемлющего строя коллективной памяти: обычно это или язык, или способ хозяйствования (оседлый или кочевой образ жизни), или система верований, или территория «родины предков» (Иерусалим для иудеев и христиан, Мекка для мусульман и т.п.), или различные комбинации названных и иных элементов.

Феномен символического себя-выделения всегда сопровождает социальную стратификацию общества. Применительно к современному светскому обществу его описал П. Бурдьё (с помощью понятия «габитус»). Смысл в том, что устойчивое сообщество людей всегда стремится обрести некие «знаки отличия» своего сообщества от других. При этом сами «знаки» составляют круг особо почитаемых и ценимых (вплоть до возведения в степень священных) объектов или ка-

честв, а «материал», в котором они воплощены, может быть (особенно в эпоху постмодерна) самым разнообразным (одежда, причёска, бижутерия или ювелирные украшения, сленг, интерьер жилища, особый календарь праздничных и памятных дат и пр.).

Для этнических сообществ характерно то, что одним из материалов, в котором воплощается их себя-именование и себя-выделение является территория проживания, ландшафт земли, с которой коллективное «Мы» связывает своё происхождение или бытие. Существует фундаментальная взаимосвязь между действием коллективной социально-исторической памяти этнических сообществ, их территориальной (географической) самоидентификацией и пассионарными толчками автономизации. Эта связь важна для понимания того, что если в сообществе сильны этнические механизмы коллективной памяти, которая сплачивает их вокруг собственного «Мы», воплощённого в тех или иных ценностях и святынях повседневной и мировоззренческой жизни, то в этом сообществе есть фундаментальный антропный источник этнокультурной (или этноконфессиональной) автономизации. Здесь будет присутствовать незримая связь сообщества со «своей» территорией, здесь всегда будет территория, связь с которой является неотъемлемой частью мировоззренческого священного скарба сообщества. К этому могут добавляться мотивы экономического, технологического или политического обособления, что усиливает влияние фундаментального фактора антропной памяти и идентичности.

Напротив, если населяющее территорию сообщество не имеет сильных этнических структур общего коллективного памятования, то источников устойчивого антропного этнокультурного или этноконфессионального регионализма здесь не будет. Импульсы регионализации могут возникать в этом случае лишь на основе иных форм социальной стратификации (деление на касты или классы) и могут быть связаны прежде всего с мотивами экономической, технологической, политической или природной регионализации.

Этнокультурный регионализм обусловлен материковыми породами культурного слоя планеты, в котором, как в озоновом слое, появляются дыры, но который пока ещё существует благодаря работе антропных структур живой коллективной памяти человеческих сообществ. Действующие на территории проживания различных сообществ святыни и ценности, устои и порядки повседневного общежития обладают здесь – на этой территории «Мы» – статусом социальной исключительности. Они не подлежат обмену, не подлежат купле и продаже, они не подлежат универсализации и глобализации, т.е. не «конвертируются», не взаимозаменяемы с аналогичными, казалось бы, элементами «цивилизации», привезёнными с других территорий.

Этнокультурный регионализм и пассионарные всплески автономизации фундаментально могут быть обусловлены, таким образом, тем, что: а) повседневная жизнь человеческого сообщества строится на каркасе объемлющего строя коллективной памяти, содержательно наполняет внутреннюю сферу коллективных переживаний своего «Мы»; б) эта внутренняя жизнь всегда порождает и поддерживает элементы порядков социальной исключительности, которые во-

площаются в различных формах себя-именования и себя-определения сообщества для-себя и для-других, что в целом создаёт устойчивый чин элементов идентичности; в) среди обязательных «материалов», в которых воплощается идентичность выступают «заветная» территория, а также её предметно-пространственная природная, бытовая и архитектурная среда.

Не только в этническом пространстве могут быть обнаружены импульсы обособления, противостоящие тенденциям глобализации. Есть ситуации *социокультурной автономизации*, основу которой образуют современные светские сельские или городские сообщества. Городские сообщества, как правило, представляет собой конгломераты из представителей разных этнических, конфессиональных, национальных групп. Основой идентичности такого сообщества выступают общая история города и её сбережение в коллективной памяти горожан, а также общественные запросы различных групп горожан на получение городских благ и механизмы их удовлетворения.

Процесс формирования структур коллективной памяти города иной, нежели у этнокультурного сообщества. Он связан с историей становления городского сообщества (как правило, из этнокультурной группы), а также с коллективными действиями различных кластеров горожан на территории города (вече или иное городское собрание, городские подати или повинности, выборы в представительные институты городского самоуправления, восстание, общегородская система транспортных, информационных коммуникаций и пр.). В разные эпохи города становились территориями идентичности разных доминирующих в социальном пространстве города групп. В эпоху мифо-династических государств городские сообщества менялись от античного полиса, где городское ядро образовывали группы свободных граждан, до городов Римской империи, где основу составляли группы, аффилированные в систему власти империи. Для эпохи религиозно-династических государств свойственно иное: в средневековом европейском городе ядро образуют группы католических священников, ремесленников и торговцев, более или менее сплочённых вокруг представителей местной правящей династии, в Новое время – группы, консолидированные вокруг представителей национальной правящей королевской династии. В эпоху светских тоталитарных государств город образуют группы, консолидированные вокруг местного представителя диктатора, а в современную эпоху светских демократических государств – активные группы населения, солидарные с разнородными по внутреннему составу политическими и экономическими элитами. Доминирующая городская группа считает территорию города частью «своей» социокультурной (социально-политической, социально-экономической) идентичности, а поэтому стремится распорядиться ею согласно своему усмотрению, дискриминируя интересы других групп городского населения и их отношение к «своему» городу.

Современный город, архитектурная городская среда в большей или меньшей степени являются территорией со-существования идентичностей, что при определённых условиях может выступать одним из факторов конфликта социально-политического. Архитектурно-градостроительная среда, которая естественным

образом выступает частью городской коллективной социально-исторической памяти, становится также и сферой противоборства местной идентичности с влияниями глобализации. Идентичность местного сообщества стремится сохранять «родные с детства места» неизменными, а открытая экономика и коммерческие сети стремятся перестроить «архаические» территории под нужды глобальных торговых, товарных потоков.

Социально-экономические науки знакомы с этой проблематикой в связи с вопросами современной урбанистики, а искусствоведческие, архитектурные и культурологические – в связи с изучением феномена провинциальной культуры и архитектуры. Так, архитектурно-планировочная среда – это не только функционально-пространственное, но и нравственно-эстетическое выражение территориальной привязанности городского сообщества к «своему» (так мыслят местные жители) городу (Дахин, 2006: 164-179).

Глобальная региональная стратификация общества (глобальное разделение труда, экономическая специализация территорий и пр.) стремится к воплощению в материальных инженерных и архитектурных формах, планировках городов глобальных проектов и программ, подчиняя ландшафт городской территории требованиям экономического рационализма, меркантильной выгоды или политики унификации. Защитная реакция городского сообщества, противодействующая требованиям глобализации, может принимать формы социокультурного регионализма, тяготеющего к сохранению социально-архитектурной, визуальной, эстетической неповторимости и исключительности территории. При этом различные доминирующие кластеры городского сообщества могут занимать противоположные позиции: одни могут стоять на консервативных позициях, за всемерную защиту местной идентичности, а другие – на позициях модернизации, за повсеместное проникновение в город элементов глобализации. Если сильнее «консерваторы», то города стремятся сохранять или восстанавливать своё архитектурное историческое «лицо», неповторимые облики своих улиц и природных ландшафтов. Если сильнее «модернизаторы», то города меняются в сторону типовой или местечковой вычурной застройки, утрачивают свою фундаментальную традицию и историческую самобытность.

Изучая городские пространства, вслед за современной урбанистикой, отметим то, в поле исследований городского развития существует традиционное разделение архитектурно-планировочного пространства на «городское» и «сельское» или, точнее, на «столичное» и «провинциальное». В основе названного деления лежит один из принципов региональной стратификации, принцип, в соответствии с которым всякая пространственно определённая общность имеет территориально, а в случае с архитектурной средой – предметно и эстетически выраженные «центр» и «периферию». При этом важно подчеркнуть, что и «центр» (столица), и «периферия» (провинция) – это наиболее распространённые понятия, относящиеся к ведению теории региональной стратификации. Они указывают на наличие двух постоянных «величин» региональной иерархии, которые всегда обособлены друг от друга территориально, социально, экономически, политически и эстетически, но при этом и связаны друг с другом.

Вызванная глобальной модой, модернизация может становиться детонатором конфликта локальных идентичностей по линии «столица – провинция». В тех случаях, когда столица региона начинает разрушать традиционные порядки внутренней социальной самоорганизации и структур коллективной исторической памяти регионального сообщества, провинция может выступить в качестве противодействующего субъекта. А если между столицей и провинцией уже существовал конфликт идентичностей (например, этнонациональных), то модернизационный политический переворот в столице может стать источником резкого политического или гражданского противодействия со стороны провинции. Пример можно найти в современной Украине, где с 1991 г. тлел конфликт идентичностей Киева (столицы) и юго-восточных провинций (Крым, Донецкая, Луганская области и др.). После политического переворота в Киеве в феврале 2014 г. возникла угроза силового подавления традиционных форм местной идентичности на территории названных провинциальных областей Украины. На эту угрозу провинция ответила всплеском автономизации, принявшим, в конечном счёте, форму вооруженной защиты местного социального порядка, существовавшего до политического переворота в Киеве. В Крыму провинциальные защитники смогли опереться на поддержку сил российской военно-морской базы, а в Луганской и Донецкой областях они могли рассчитывать в основном на свои силы. В ответ на этот всплеск провинциальной автономизации официальный Киев принял решение о силовом способе утверждения нового социального порядка на территории сопротивляющейся провинции и объявил о начале «антитеррористической операции» на территориях Луганской и Донецкой областей. В результате обострившийся конфликт идентичностей между столицей и провинцией принял форму гражданской войны.

Региональные отношения идентичностей «столица – провинция» в том или ином виде могут притягивать к себе процессы, связанные с глобальным уровнем социально-политических отношений. Это «притягивание» происходит особенно активно, если конфликт идентичностей столицы и провинции политизируется и дислоцирован на территории, являющейся сферой конкуренции глобальных акторов, которые стремятся реализовать на конкретной территории собственные геополитические цели. В упомянутой выше ситуации с Украиной такими глобальными акторами выступают, с одной стороны, США, НАТО и ЕС, а с другой – Россия и страны Таможенного союза (Беларусь, Казахстан).

Ключевым является следующее: как государство-транзитёр российского газа в Европу, Украина на протяжении всего постсоветского времени является зоной пересечения геозкономических интересов ЕС и России. А как территория потенциального расширения НАТО на восток, с одной стороны, и, с другой стороны, как страна, где со времён СССР и на основе соответствующих постсоветских двусторонних договорённостей расположена военно-морская база России, Украина находится в зоне пересечения геополитических интересов США (НАТО) и России. Поэтому политический переворот в Киеве сопровождался участием в событиях представителей ряда стран ЕС, США и России. В начале 2013 г. руководство ЕС активно призывало Президента Украины подписать договор о вхожде-

нии страны в зону свободной торговли с ЕС, а руководство России одобрило выдачу Киеву кредита в \$15 млрд и предоставление скидки по газу, предлагая Украине дорогу в Таможенный союз (Габуев, Сидоренко, Сурначива, 2014).

В ходе эскалации украинского политического кризиса в ноябре 2013 – январе 2014 г. официальные представители стран Запада (послы США, Франции, Испании, Германии в Украине, помощник госсекретаря США В. Нуланд, сенаторы США К. Мерфи, Дж. Маккейн, верховный представитель ЕС К. Эштон, министры иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер, глава МИД Голландии Ф. Тимменманс, министр иностранных дел Литвы Л. Линкявичюс, спикер сейма Литвы Л. Граунжинене) активно и публично поддерживали оппозицию власти В. Януковича на площади (майдане) Независимости в её стремлении добиться досрочного прекращения полномочий президента Януковича. Официальная Москва в это же время непублично консультировала В. Януковича в целях противодействия попыткам досрочного отстранения его от президентской власти (Путин, 2014б), (Хойл, 2015).

После политического переворота в феврале 2014 г. страны Запада обеспечили активную публичную, информационную и финансовую поддержку захватившим власть силам в лице А. Яценюка, А. Турчинова и В. Кличко, а затем и в лице нового президента П. Порошенко. Россия оказала помощь бежавшему от репрессий президенту Януковичу при осуществлении его скрытной эвакуации из Украины в Россию (об этом рассказал В. Путин в фильме А. Кондрашова «Крым. Путь на Родину», 2015 г.), ресурсами своей военной базы обеспечила сохранение социального порядка, создав условия для проведения референдума о независимости Крыма (Путин, 2014б), частично поддержала референдумы в Донецкой и Луганской областях, неофициально поддержала вооружённое сопротивление со стороны групп активного протеста на этих территориях против новой дискриминационной политики официального Киева, а также обеспечивала гуманитарную помощь населению восточных районов Украины, пострадавших от гражданской войны. В отличие от России, Казахстан и Беларусь не принимали участия в действиях, осуществлявшихся Россией, но предлагали свои услуги в качестве «третьих стран» для проведения миротворческих переговоров сторон конфликта в Украине и вовлечённых внешних акторов («нормандская четвёрка»). Кроме того, если официальная Москва публично не возражает против добровольного участия граждан России, в т.ч. находящихся в отпусках военнослужащих, в боестолкновениях на востоке Украины на стороне самопровозглашенных Донецкой и Луганской республик (Путин, 2014а), то Казахстан публично пресекает такое участие своих граждан (Николаев, 2015). Уже летом 2014 г. различие позиций России, с одной стороны, и США, ЕС – с другой, породило волну санкций США и ЕС против России и ответные российские санкции против ЕС. Отношения России и Запада вступили в полосу новой холодной войны. Таким образом, на примере украинской ситуации 2013-2015 гг. видно, как локальный региональный конфликт идентичностей, возникший на линии «столица – провинция», может индуцировать конфликтные напряжения на более высоких «этажах» глобальной региональной стратификации.

Список литературы

1. Авдонин В. С., Баранов А. В., Дахин А. В. Политическая регионалистика в современной России: ретроспектива и перспектива становления // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007) / ред. колл.: О. Ю. Малинова (отв. ред.), С. В. Патрушев, Я. А. Пляйс, В. В. Смирнов. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН), Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 105-126.
2. Анурин В. Ф. Политическая стратификация: содержательный аспект // Социс. Социологические исследования. 1996. № 2. С. 83-89.
3. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М.: Мысль, 1986.
4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
5. Габуев А., Сидоренко С., Сурначива Е. Кто влиял на украинскую политику Кремля // Коммерсант. 2014. 03.03. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2416461>(проверено 05.08.2015).
6. Данилевский Н. Я. Европа и Россия. М.: Книга, 1991.
7. Дахин А. В. Понятие гуманитарных и технологических факторов социальной стабильности. Гуманитарные факторы стабильности: социологический подход // Гуманитарные и технологические факторы стабильности в России: Наука – образование – политика. М.: РГГУ, 1998. С. 24-33, 88-108.
8. Дахин А. В. Город как место памятования // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительный альманах / Д. Н. Замятин – ред. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2006. С. 164-179.
9. Дахин А. В. Феноменология универсальности в культуре. Н. Новгород: ННГУ, 1995.
10. Дахин А. В., Распопов Н. П. Проблема региональной стратификации в современной России // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 132-144.
11. Лифшиц А. Я., Новиков А. В., Смирнягин Л. В. Региональная стратегия России // Региональная политика. 1994. № 6. С. 27-56.
12. Макарычев А. С. Региональные элиты и федеральный центр: противостояние, сотрудничество, компромиссы // Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад. Н. Новгород: ННГУ, 1997. С. 44-64.
13. Моммен А. Истоки современного российского регионализма. Критический анализ // Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад. Н. Новгород: ННГУ, 1997. С. 12-43.
14. Николаев К. Декорации не изменятся // Новые известия. 16.03.2015. URL: <http://www.newizv.ru/world/2015-03-16/216515-dekoracii-ne-izmenjatsja.html>
15. Путин В. 2014а. Большая пресс-конференция В. Путина. 18.12 // Президент России. URL: www.kremlin.ru (проверено 05.08.2015).
16. Путин В. 2014б. Прямая линия с Владимиром Путиным. 17.03 // Президент России. URL: www.kremlin.ru (проверено 05.08.2015).
17. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1995.
18. Сергунин А. А. Внешние факторы регионализации России // Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад. Н. Новгород: ННГУ, 1997. С. 130-149.
19. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
20. Хойл Б. Телефонный звонок Путина повлечёт за собой прекращение кровопролития на Майдане // InoPressa. 26.02.2015. URL: http://www.inopressa.ru/article/26feb2014/times/ukraina_putin (проверено 05.08.2015).

Дата поступления в редакцию: 07.10.2015

Авторская справка

Дахин Андрей Васильевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии, Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород. Россия. E-mail: nn9222@yandex.ru

---

UDC 323.172,174; 341.231

ETHNOCULTURAL WORLDS IN THE SYSTEM OF REGIONAL STRATIFICATION OF SOCIETY: SUSTAINABILITY, THREATS, SECURITY

A. V. Dahin

Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of Presidential Academy of National Economics and Public Administration, Nizhny Novgorod (Russia)

Abstract. The article is focused on aspects of structural conditions and transformations of contemporary society in the light of the concept of regional stratification. Analyzing modern trends of transformations of cultural, economic and political spaces of today Euro-Asian world, the author underlines mission of a state sovereignty and also describes some basic factors of regional diversity, in particular, collective memory's structure and identity. It is showed, in combination with economic and political factors, the collective memory and identity can influence on processes sustainability/un-sustainability of the ethno-cultural spaces and generate radical and extremists challenges. In conclusion the author think, Russia in need in modernization of its approaches in strategy of positioning of Russia among the modern ethno-cultural spaces.

Keywords: regional stratification of political space, regional collective memory, regional identity, global regional stratification, local regional stratification, ethno-cultural spaces

---

References

1. Avdonin V. S., Baranov A. V., Dakhin A. V. Politicheskaya regionalistika v sovremennoy Rossii: retrospektiva i perspektiva stanovleia [Regional political studies in contemporary Russia: Retrospective vision and prospective development] // Politicheskaya nauka v Rossii: problemy, napravleniya, shkoly (1990-2007) [Political science in Russia: Troubles, directions, schools (1990-2007)] / editors: O. U. Malinova (head), S. V. Patrushev, Y. A. Plais, V. V. Smirnov. M.: RAPN, ROSSPEN, 2008. P. 105-126.
2. Anurin V. F. Politicheskaya stratifikatsiya: soderzhatel'nyi aspekt [Political stratification: essential aspect] // *Sotsis. Sociology studies*. 1996. № 2. P. 83-89.
3. Arutiunian U. V., Drobizheva L. M. Mnogoobrazie kul'turnoi zhizni narodov SSSR [Diversity of culture life of the USSR nations]. M.: Mysl', 1986.
4. Bromlei U. V. Etnos i etnografiya [Ethnos and ethnography]. M.: Nauka, 1973.
5. Gabuev A., Sidorenko S., Surnachiva S. Kto vliyal na ukrainську politiku Kremlia [Who had influence on the Kremlin's policy in Ukraine] // *Kommersant*. 03.03.2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2416461> (accessed 05/08/2015).
6. Danilevski N. Y. Evropa i Rossia [Europe and Russia]. M.: Kniga, 1991.
7. Dakhin A. V. Poniatie gumanitarnykh i tekhnologicheskikh faktorov sotsial'noi stabilnosti. Gumanitarnye faktory stabil'nosti: sotsiologicheskii podkhod [Definitions of humanitarian and technological factors of social sustainability. Humanitarian factors of social sustainability: sociological approach] // *Gumanitarnye i tekhnologicheskie faktory stabil'nosti v Rossii: Nauka – obrazovanie – politika* [Humanitarian and technological factors of sustainability in Russia: Science – education – policy]. M.: RGGU, 1998. Pp. 24-33, 88-108.
8. Dakhin A. V. Gorod kak mesto pamiatovaniya [A city as the place of memory] // *Gumanitarnaia geografiya: nauchnyii kul'turno-prosvetitel'ski al'manach* [Humanitarian geography: scientific and cultural-educational miscellany] / D. N. Zamiatin. Ed. Vol. 4. M.: Institut nasledia, 2006. P. 164-179.

9. Dakhin A. V. Fenomenologia universal'nosti v kul'ture [Phenomenology of universality in culture]. N. Novgorod: NNGU, 1995.

10. Dakhin A. V., Raspopov N. P. Problema regional'noi stratifikatsii v sovremennoi Rossii [Aspects of regional stratification for contemporary Russia] // Polis. Political studies. 1998. № 4. P. 132-144.

11. Lifshits A. Y., Novikov A. V., Smirniagin L. V. Regional'naia strategiya Rossii [Regional strategy in Russia] // Regional policy. 1994. № 6. P. 27-56.

12. Mfkarychev A. S. Regional'nye elity I federal'nyit centr: protivostoianie, sotrudnichestvo, kompromissy [Regionalelitesvs the federal center: opposition, cooperation, compromises] // Sravnitel'nyi regionalizm: Rossia – SNG – Zapad [Comparative regionalism: Russia – C.I.S. – the West]. N. Novgorod: NNGU, 1997. P.44-64.

13. Momen A. Istoki sovremennogo rossiiskogo regionalizm. Kriticheski analis [The origins of modern Russian regionalism: Critical Reassessment] // Sravnitel'nyi regionalizm: Rossia – SNG – Zapad [Comparative regionalism: Russia – C.I.S. – the West]. N. Novgorod: NNGU, 1997. P. 12-43.

14. Nicolaev K. Dekodatcii ne izmeniajutcia [Decorations are not changed] // Novyeizvestia. 16.03.2015. URL: <http://www.newizv.ru/world/2015-03-16/216515-dekoracii-ne-izmenjatsja.html> (accessed 05/08/2015).

15. Putin V. Bol'shaia press-konferentsia V. Putina [V. Putin's main press-conference]. 18.12.2014a // Prezident of Russia. URL: www.kremlin.ru (accessed 05/08/2015)

16. Putin V. Priamaia linia s Vladimirom Putinyim [Direct line with Vladimir Putin]. 17.03.2014b // Prezident of Russia. URL: www.kremlin.ru(accessed 05/08/2015).

17. Radev V. V., Shkaratan O. I. Sotsial'naia stratifikatsia [Social stratification] M.: Aspect-Press, 1995.

18. Sergunin A. A. Vneshnie factory regionalizatsii Rossii [External factors of Russia's regionalization] // Sravnitel'nyi regionalizm: Rossia – SNG – Zapad [Comparative regionalism: Russia – C.I.S. – the West]. N. Novgorod: NNGU, 1997. P. 130-149.

19. Sorokin P. A. Hcelovek. Teivilisation. Obschestvo [A man. Civilization. Society]. M.: Politizdat, 1992.

20. Hoil B. Telefonnyi zvonok Putina povlekza soboi prekrashchenie krovoprolietia na Maidane [Putin's telephonenumber brings topping of bloodshed on the Maidan] // InoPressa. 26.02.2015. URL: http://www.inopressa.ru/article/26feb2014/times/ukraina_putin (accessed 05/08/2015).

Author's Bio

A. V. Dahin, Dr., Prof., head of department of philosophy and political science, Nizhny Novgorod Institute of Management, branch of Presidential Academy of National Economics and Public Administration, Nizhny Novgorod. E-mail: nn9222@yandex.ru

УДК 141.5

**ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ:
НАПРЯЖЕНИЕ ВОЗРАСТАЕТ
(дискурс социально-философского наследия на Западе)**

С. И. Иванова, В. П. Шалаев

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)

Представлен аналитический анализ феномена отчуждения в истории мировой философской мысли. Рассмотрены различные философские концепции и подходы, имеющие ключевое значение для трактовки термина «отчуждение» человека. По мнению авторов, современное общество, главными характеристиками которого можно считать тенденцию нарастающей гиперсложности, глобализацию, западофикацию и технократизацию всех уровней социальной жизни, является самым отчужденным со времен начала социальной истории человека. Современное отчуждение характеризуется как резко возросшим многообразием этой проблемы, так и качественно выросшей степенью ее глубины. Со времен английского философа Т. Гоббса, одним из первых описавшего проблему отчуждения в западной мыслительной традиции, отчуждение достигло в наши дни своей кульминации. Ее формы стали более тонкими, изощренными, проникающими и в то же время более массовыми, обретая в обществе массового потребления, созданном гением западной рациональной цивилизации, свою завершенную форму. Современный человек, с одной стороны, обладает неограниченными возможностями, но с другой – загнан в рамки несвободы от своих же собственных изобретений: массовой культуры, электроники, финансов, компьютерных технологий, самыми изощренными и регулируемые со стороны бизнеса потребностями. В статье анализируется широкая амплитуда философских взглядов на причины отчуждения. Рассматриваются идеи К. Маркса, считавшего причиной отчуждения разделение труда и эксплуатацию человека в обществе, Г. Гегеля, видевшего в отчуждении акт самопознания абсолютной идеи через свое инобытие, Ж.-П. Сартра, причиной отчуждения личности считавшего негативное влияние общества, разрушающее свободу и творчество человека, данные ему от природы. Конец XX–начало XXI века под влиянием западной формы глобализации породили новые формы отчуждения личности. В связи с этим рассматриваются идеи А. Швейцера, одним из первых в европейской культуре сформулировавшего общественное обвинение массовой культуре, потребительству, техницизму и сциентизму XX века, порожденных западным обществом. Констатируется, что историческая антология понимания феномена отчуждения необходима для разработки современной философской концепции и выработки конкретных путей решения этой проблемы, тиражируемой в глобальном западофицированном обществе в форме разрушающего традиционные социальные институты фактора.

Ключевые слова: философия отчуждения на Западе, эволюция, человек, общество, глобализация, философская теория общества, современность

Развитие техники и технологий (всего того, что древние греки называли «техне» – искусственно созданное) продвинуло современное человечество на качественно новый уровень цивилизации, открыло необычайные возможности в развитии личности и общества. Распространение благ цивилизации своими истоками, несомненно, имеет западную инверсию истории, распространяемой в мире усилиями нового глобального экономического, политического, культурного порядка, воплощенного в глобализации. Но вместе с тем глобализация и повсеместное использование технических инноваций необычайно повысили накал противоречий в области проблемы развития и отношений в системе «человек –

человек» и «человек – общество», настолько, что возникла потребность в создании новых помогающих социальных институтов, среди которых выделяется институт социальной работы [см. 8; 10; 13]. В новом социокультурном пространстве время движется неизмеримо быстрее, интенсифицируется процесс социального взаимодействия, приобретая невиданную ранее динамику. Создается пространство общего бытия, которое уплотняется и становится более однородным (унифицированным). Человек чувствует и все чаще осознает себя загнанным в ловушку потребительской цивилизации. Не имея возможности отказаться от продуктов и «благ» глобализации, он становится жертвой своих собственных творений.

Особым контекстом современных проблем человека и общества, носящих многомерный социально-экономический и социально-культурный характер, и является проблема отчуждения. Тема отчуждения человека и общества поставлена мыслителями уже в XVII веке, например в трудах английского философа Т. Гоббса, в том числе в его знаменитой работе «Левиафан». Но впервые как научная категория понятие «отчуждение» ясно было сформулировано в XIX веке, в трудах немецкого философа и экономиста К. Маркса и его сподвижника и промышленника Ф. Энгельса, в том числе в главном труде К. Маркса «Капитал», ставшем настольной книгой теории и практики экономического развития капитализма до настоящих дней. Но только сейчас эта тема достигла статуса глубинной и всеобщей в понимании процессов, происходящих с человеком и обществом, в том числе в экономической сфере.

С позиций экономической философии К. Маркса под отчуждением понимается объективный социальный процесс, присущий классово антагонистическому обществу, характеризующийся превращением деятельности человека и её результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Отчуждение выражается в господстве овеществленного труда над трудом живым, в превращении личности в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих социальных групп и классов, в отсутствии рационального и этического контроля над условиями, средствами и продуктом отчужденного труда, со стороны занятых трудовой деятельностью людей. Отчуждение является исторически преходящей формой опредмечивания человеком своих способностей и связано с овеществлением и фетишизацией социальных отношений. Отчуждение получает и определённое психологическое выражение в сознании индивида (разрыв между ожиданиями, желаниями человека и нормами, предписываемыми антагонистическим социальным порядком, восприятие этих норм как чуждых и враждебных личности, чувство изоляции, одиночества, разрушение норм поведения и т. п.).

Одним из первых, обративших внимание на феномен отчуждения, в домарксовской европейской философии был английский философ XVII века Т. Гоббс. Ему принадлежит обоснование государства как результата деятельности людей, согласившихся на создание третьей силы, которой вверена охрана безопасности людей, в ситуации их противостояния друг другу. Власть государства над человеком стала, по мнению Т. Гоббса, той необходимой жертвой со стороны человека, которая будучи воплощенной во внешних, вне- и надличностных институтах, гарантировало ему (человеку) эту безопасность друг от друга, но при этом отня-

ло у него все естественные права, кроме, быть может, права на жизнь. Именно этим государство и стало тем чуждым, подавляющим творческие способности человека институтом, что властвует над его существованием. С точки зрения Т. Гоббса, до возникновения государства люди находились в состоянии «войны всех против всех» [2, с. 138]. Угроза всем погибнуть в этой войне, по мнению Т. Гоббса, и вынудила разум в конце концов прийти к заключению, что нужно искать согласие на путях отказа от своих прав. Такое отречение, или отчуждение, отмечает Т. Гоббс, является добровольным актом. Главным мотивом и целью отречения личности от естественного права «быть свободной», или отчуждения ее, стала гарантия безопасности человеческой личности.

Другой предшественник К. Маркса, немецкий поэт, теоретик просвещения Ф. Шиллер в конце XVIII века одним из первых обратился к анализу отчуждения, имеющего причиной разделение труда, сопутствующее наступлению капитализма. Его исходная позиция состояла в утверждении, что природа человека изначально целостна и включает в потенции самые разнообразные способности; реализуя лишь некоторые из них, человек не обретает подлинного счастья; ощущение же неполноты самореализации (если, конечно, он способен осознать это) делает его несчастным. Разделение общественного труда духовно калечит человека. Будучи вечно прикованным к отдельному малому кусочку целого, указывает Ф. Шиллер, сам человек становится куском. Отмечая расколотость человека, его способностей и видя корни этого в разделении труда, он уподобляет современное ему общество искусному часовому механизму, в котором из соединения бесконечного множества безжизненных частей возникает в целом механическая жизнь. В «Письмах об эстетическом воспитании» Ф. Шиллер указывает, что в обществе все дробящегося профессионализма и непрерывно дифференцирующегося разделения труда происходит нарастание расчлененности того, что ранее было целым и единым: государство и церковь, законы и нравы, средство и цель, наслаждение и работа и т.д. Одно становится чуждым другому, а отчужденное все более гнетет то, от чего нечто отчуждается. Где же выход? С точки зрения Ф. Шиллера, лишь искусство может преодолеть раздробленность человека, восстановить его целостность [21].

Проблема отчуждения разрабатывалась на философско-идеалистической основе и в последовавшей за этим немецкой классической идеалистической философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель). Отчуждение в немецкой классической философии нередко сопрягалось с духовными целостностями, отчуждавшими (порождавшими) от себя (из себя) противоположные структуры. Гегель впервые стал тем, кто придал проблеме отчуждения новое звучание, которое отсутствовало раньше, придав ему характер сущности бытия. Он вписал отчуждение в систему развития целого Абсолютной идеи как ее необходимую и существенную часть. Он обосновал, что отчуждение – это фундаментальное свойство Абсолюта в его способности самопознания через создание инобытия. Отчуждение – это превращение, момент развития, происшествие опыта самопознания Абсолюта. Гегелевская Абсолютная идея и ее самопознание через творческие акты инобытия пронизаны принципом диалектического развития через противоположности.

Собственно именно Гегель является создателем основных законов и принципов диалектики. Однако его диалектические законы, лежащие в основе феномена

отчуждения, суть свойство именно идеального, но не материального мира. Создание Природы и Человека суть акт творческого самопознания Абсолютной идеи, но не процесс развития материального мира самого по себя и из себя самого. В учении о субъективном духе Гегель показывает становление сознания, результаты которого отчуждаемы в форме государства, религии, искусства и т. п. По Гегелю, Абсолютный Дух преодолевает отчуждение посредством познавательной деятельности; индивидуальное познание проникает через отчужденные формы в сущность развивающегося Абсолюта и сливается с ним в высшем единстве [1].

Представитель немецкого антропологического материализма XIX века и критик Гегеля Л. Фейербах много внимания уделил разработке антропологической философии человека и критике религии. Он считал, что в представлениях о Боге человек воплотил свою сущность; она оказалась отчужденной и ему противостоящей. Л. Фейербах полагал, что религиозное отчуждение разрушает личность человека. «Чтобы обогатить Бога, – говорил он, – надо разорить человека; чтобы он был всем, человек должен сделаться ничем» [6]. Религиозное отчуждение, считал философ, должно быть преодолено на основе любви человека к человеку, перехода каждого к «религии любви». Если и может быть какая-либо положительная форма религии, считал Л. Фейербах, то это должна быть именно религия любви.

В экономической философии середины – второй половины XIX в. К. Маркса, проблема отчуждения непосредственным образом связана с анализом частной собственности и товарного производства. Идея коммунизма, позже политически заостренная, трактовалась им под углом зрения гуманистической природы человека и как средство избавления от отчуждения. Всю историю человечества, отмечал К. Маркс, характеризуют подневольность и принудительность труда, пронизывающие все предшествующие общественно-экономические формации. Человек должен был бы, по логике вещей, удовлетворять в труде свою самую подлинно человеческую потребность – потребность в творчестве. Однако труд служит для него лишь средством к удовлетворению самых элементарных потребностей. Во все предшествующие коммунизму эпохи к труду относились как к проклятию, его исполняли с отвращением, от него бежали, как от чумы. В частности, в процессе капиталистического производства, в процессе труда – этой самой человеческой из потребностей – рабочий, по К. Марксу, не чувствует себя человеком, он выступает здесь лишь как подневольное животное, как живая машина. Сама трудовая деятельность наемного рабочего будучи физиологически неотделимой от его тела оказывается в этих условиях отчужденной от него, поскольку она находится уже в распоряжении владельца средств капиталистического производства. Тем самым капитализм подавляет способности человека, калечит его духовную сущность, не позволяет развиваться ему как творческому существу. Капитализм как система социально-экономических отношений (отношений производства и распределения производимых благ) выступает как чуждая человеческой сущности сила, поэтому отношение к нему человека труда антагонистично [10].

К. Маркс связал проблему отчуждения с развитием материальной действительности общества, которая развивается диалектически через противоречия, порождение и развитие противоположностей. Он был убежден, что вместе с разрушением частной собственности и классов, разделяющих и противопоставляющих человека человеку, отчуждающих его от его собственных творческих начал,

в форме принудительной эксплуатации, человек придет к иной более справедливой форме общественных отношений – обществу коммунизма, в котором труд, основанный на общественной форме собственности и высоким уровне технологий, станет творчеством и счастьем в жизни человека.

На почве антропологической философии Л. Фейербаха и социально-экономической философии К. Маркса, на волне социально-экономических проблем в развитии западного общества, в XX веке вырастает и оригинальная философия критического экзистенциализма. Исходным пунктом онтологических размышлений французского философа-экзистенциалиста Ж.-П. Сартра стало убеждение в существовании отличного от человека и несводимого к его бытию (понимаемому Сартром как внутреннее бытие личности или ее свобода) мира внешних вещей, с которым, однако, человек настолько неразрывно связан, что его следует определить как чуждое его свободе и творчеству бытие-в-мире. Сама свобода выражается не в том, чтобы поставить цель, а в том, чтобы сделать выбор. Изначальный выбор не осмыслен, он возникает неизвестным образом с первого момента появления человека на свет. При этом если в ходе дальнейшей жизни человек сознательно ставит перед собой такие цели, которые идут вразрез с изначальным выбором свободы, то они, как утверждает Сартр, обречены на неудачу: «Мы есть свобода, которая выбирает, но мы не выбираем быть свободными; мы осуждены на свободу» [4, с. 116].

При этом изначальный выбор (или свобода) всегда противостоит сомнительным желаниям человека, не позволяющим ему развивать свою личность, означаям тотальное отчуждение человека. Это противостояние – некий неумолимый рок, от которого невозможно освободиться. Хотя Сартр и заявляет, что человек постоянно возобновляет свой выбор, но речь идет у него, по сути дела, лишь о постоянном повторении все новых ситуаций изначального выбора, неразрешимого в рамках бытия в обществе. Каждый человек знает себя изнутри как субъективное состояние свободы и бытия. Но «внешний» взгляд «Другого» не в состоянии проникнуть в эту субъективность, так что для него всякий человек выступает в роли объекта как вещь среди вещей, а не как свободное бытие. Тем самым взгляд Другого «крадет», по выражению Сартра, свободное бытие людей. И это относится к каждому. Каждый из нас «крадет» и отчуждает свободу других людей [4, с. 207].

Пессимистические выводы Сартра чрезвычайно актуализированы и востребованы на фоне нарастающего отчуждения людей в современном технократическом, потребительском и манипулятивном обществе, где общественная среда всегда фактор использования свободы отдельного человека в каких-либо внешних по отношению к нему целей и интересов. Сартр необычным образом отразил нарастающие в западном обществе эпохи капитализма противоречия между свободой и необходимостью, объективирующейся общественной средой (в том числе государством, бизнесом) и личностью. В работах Сартра запечатлены мысли человека XX века, обеспокоенного нарастанием садизма и насилия в обществе как проявлений отчуждения человека от самого себя, результатом которого становится его превращенный и отчужденный протест в борьбе за свою свободу. Эта тема уточняется и развивается в рамках теории префигуративной культуры, проблемы префигурации, основанной на процессе смены (рокировки) статусов

полов и поколений в современном обществе. Особенно сильно префигурация как превращенная форма отношений в обществе ударила по отношениям мира детства и мира взрослых, породив процессы «вражды», «антагонизма» и насилия между поколениями [18; 19]. Близкой экзистенциальному пониманию отчуждения, безусловно, можно считать и оригинальную теорию объективации человека в философии Н. Бердяева, понимающего под объективацией процесс утраты человеком свойств субъекта и превращение его в объект манипуляции и насилия со стороны каких-либо внешних сил.

XX-XXI столетия существенным образом расширили диапазон отчуждения в современном мире. Глобализация, западофикация, разрушение традиционных социальных институтов, гипертрофированное развитие потребительства, технизм и индивидуализм чрезвычайно расширили состав причин и форм отчуждения [8; 10; 13-16]. Этот рост многообразия зафиксировали в той или иной форме многие из современных философов, психологов, социологов, деятелей культуры как на Западе, так и в России. В то же время за счет разрушения традиционных социальных институтов, сформированных в истории человеческого рода в качестве институтов самоорганизации и самозащиты человека (прежде всего традиционной морали, традиционной семьи, традиционной религии, кровного родства и др.) накал отчужденных форм человека в современном обществе чрезвычайно возрос. К исследователям этого феномена относятся Э. Дюркгейм, О. Шпенглер, М. Вебер, Г. Зиммель, А. Швейцер, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Э. Фромм, Х. Хайдеггер, К. Хорни, Г. Маркузе, Х. Арендт, Ж. Бодрийар и др. мыслители (прежде всего XX века в период переломной эпохи его развития).

Разворот к технизации и технологизации мира, начавшийся в активной фазе во второй половине XX столетия, был гипертрофирован, усилен и масштабно распространен в эпоху предложенного западным миром глобализационного проекта. Например, создание компьютеров и связанных с ними технологий, в том числе ИНТЕРНЕТ, решающих вопросы информатизации общественной жизни, на деле все больше втягивает человека в мир, чуждый высоких идеалов человеческой культуры. Разрушению человеческих творческих способностей и критичности мышления существенным образом способствуют и современные свободные, либеральные по своим понятиям (а на самом деле псевдолиберальные) телевидение и СМИ, которые в наше время все в большей степени пронизаны назойливой и сомнительной с этической точки зрения манипулятивной рекламой, фильмами, пропагандирующими убийства, насилие, порнографию [8; 11; 12; 16]. Формируется спектр ложных потребностей человека, привязывающих его к обществу потребления, а корректнее сказать – к обществу массового производства и массового потребления, контролируемых большим и гипербольшим бизнесом и капиталом, ангажированным ростом прибыли.

Имеется и другая ярко выраженная сторона в деятельности современных либеральных СМИ. Она состоит в том, что они стандартизируют мышление, обезличивают индивидов, превращая их в управляемую массу объективированных, отчужденных от своей человеческой сущности узко мыслящих одномерных потребителей. Представитель франкфуртской школы Г. Маркузе отмечает, что одномерное мышление систематически насаждается изготовителями политики и их

представителями в сфере массовой информации. Универсум их дискурса внедряется посредством самодвижущихся гипотез, которые, непрерывно и планомерно повторяясь, превращаются в гипнотически действующие формулы и предписания [3, с. 426]. Немецкий философ, миссионер и гуманист XX века и ярый критик развивающейся цивилизации А. Швейцер обращает внимание на антигуманный характер бытия человека, ведущий к отчуждению [20]. Нормальное отношение человека к человеку в западном обществе стало затруднительным, полагает А. Швейцер. Человек утрачивает чувство родства со своим ближним и скатывается, таким образом, на путь антигуманности.

А. Швейцер утверждает, что не только между экономикой и духовной жизнью, но также и между обществом и индивидом сложилось пагубное взаимодействие. Если когда-то общество поднимало людей, то теперь оно их подавляет. Деморализация индивида обществом идет полным ходом. Философ видел в развитии цивилизации не только положительные стороны, но и многие негативные моменты. На человека, писал он, стало отрицательно действовать все убыстряющееся движение социума, резкое усиление темпов развития общественной жизни [20]. Изменился, как он считает, весь образ жизни современного человека. В течение двух или трех поколений довольно многие индивиды живут только как рабочая сила, а не как люди, утверждает философ. Сверхзанятость современного человека во всех слоях общества ведет к умиранию в нем духовного начала. Абсолютная праздность, развлечение и желание забыться становятся для него физической потребностью. Человек ищет не познания и совершенствования, а развлечения – и причем такого, какое требует минимального духовного напряжения. Бездумье стало для человека второй натурой. Ведя разговоры с себе подобными, он следит за тем, чтобы придерживаться общих замечаний и не превращать беседу в действительный обмен мыслями. Он не имеет больше ничего своего и даже испытывает в некотором роде страх, что от него может потребоваться это свое.

Постоянная спешка, интенсификация совместного труда приводят к тому, что мы, беспрестанно и при самых разнообразных условиях встречаясь друг с другом, держимся отчужденно по отношению к себе подобным. Обстоятельства нашего бытия не позволяют нам относиться друг к другу как человек к человеку, отмечает А. Швейцер [20]. К факторам, ведущим к духовному оскудению личности, можно отнести и рост специализации во всех сферах человеческой деятельности (в производстве, науке, управлении), усиление технизации общества, быстрый рост безликого естественнонаучного знания, растущее влияние этой безличности на личность человека и т.п. Техницизм и сциентизм подчинили себе мировоззрение и философию настолько, что, например, философия все больше становится лишенной этического начала, утрачивает функцию рефлексии о целостном человеке и обществе, вырождаясь в схоластику, далекую от реальных общественных процессов и общественных проблем, превращаясь в науку, подобную «флосу», узкоспециализированную и техницистски настроенную [8]. Ярким симптомом отчуждения в современном глобализованном, потребительском обществе стала массовая культура, которая, как своеобразный наркотик, позволяет людям забывать свое прошлое, не думать о будущем, бежать от ответственности перед обществом и природой, жить исключительно сегодняшним днем, на

поводу самых простых потребностей и идей. При этом процессы глобализации служат тем двигателем, который распространяет ценности массовой культуры, ценности общества потребления в пространстве всего мира, лишая культуру и искусство различных стран и народов их национального и нередко глубоко нравственного содержания.

Анализ феномена отчуждения в пространстве современной философии и общественной науки необходим для адекватного и ответственного диагноза происходящего с современным человеком и обществом, прежде всего в области причин и решения существующих духовно-нравственных проблем современного социума. Используя критический философский опыт, современный человек, несомненно, получает больше шансов в решении проблем отчуждения, объективации, становится способен минимизировать негативное влияние глобализации, потребительства и технократизации. Ему дается шанс выработки более сбалансированной, адекватной и гармоничной стратегии дальнейшего развития во все более динамичном и противоречивом мире. Несомненно, что для этого философия должна стать еще более активной и действенной, но также несомненно и то, что вначале она все-таки должна стать более адекватной, критичной и более близкой насущным проблемам человека.

Она должна стать более близкой своей изначальной миссии – миссии глубокого исследования первоначал человеческого бытия, целостного и критического видения мира человека и его процессов [8]. Эта критичность должна быть распространена прежде всего на понимание экономического отчуждения человека в современном обществе, являющегося базисом всех надстроечных (неэкономических) отношений. Ведь бытие определяет сознание человека в его повседневности, а не наоборот. При этом у современных, включенных в господствующее общество массового производства и массового потребления наблюдателей и участников все больше оснований опасаться нарастания отчуждения – настолько, что можно говорить о феноменах одиночества и бегства от свободы (Э. Фромм), экзистенциального вакуума (В. Франкл), антропологической катастрофы (М. Мардашвилли) и т.д.

Оригинальные формы отчуждения в современном обществе мы находим в сфере все более сложной иерархии социально-экономических статусов человека, на разных уровнях его организованности. Ярким примером тому является возрастающая иерархия социально-экономических статусов стран и народов в глобальном мире, где одни страны во все большей и изощренной степени живя за счет других, их природных и человеческих ресурсов, продолжают увеличивать свое благосостояние и свободы. Такова, в частности, система современного разделения труда и финансово-экономического управления миром, основанная на порожденном Западом и ставшим интернациональным мировом капитализме.

Процессы социально-экономической иерархизации мира, обрекающие одни страны на роль лидеров культурного и цивилизационного развития, а других – на роль сырьевого и трудового ресурса, – показательный пример того, что глобализация как новая интегративная форма общественного бытия народов есть в то же время и глобальная форма отчуждения народов в общем мировом социально-экономическом пространстве, в том числе как западофикация и колонизация мира [17]. Но это уже тема другого исследования.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 216 с.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесловие, примеч. А. А. Юдина; сост. предисл. В. Ю. Кузнецова. М.: Издательство АСТ, 2002. 526 с.
4. Сартр Ж. П. Избранные произведения. М.: Издательство политической литературы, 1992. 348 с.
5. Соловьев В. А. Исторические дела философии // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 64-72.
6. Фейербах Л. Сущность религии 1845 [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям: сайт. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/ATH/substanc.txt>
7. Фромм Э. Человек одинок // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 230-233.
8. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций: монография. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.
9. Шалаев В. П. Мировоззрение как фактор национальной безопасности в условиях западофикации глобального мира // Регионоведение: научно-публицистический журнал. 2008. № 3. С. 272-278.
10. Шалаев В. П. Философские основы социальной работы: учебное пособие. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2007. 252 с.
11. Шалаев В. П. Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки) // Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на евразийском пространстве / под ред. В. Е. Лепского. М.: «Когито-Центр», 2014. С. 132-144.
12. Шалаев В. П. Система «Человек – Человек»: новые вызовы и старые проблемы (несколько тезисов о человеческой сущности): синергетический подход // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2014. № 5 (169). С. 73-78.
13. Шалаев В. П. Дуализм глобализации: общество потребления или общество спасения? // Вестник экономики, права и социологии. Казань, 2007. № 1. С. 158-162.
14. Шалаев В. П. Глобализация, постмодерн, бифуркационный человек – маркеры переходной истории // Сервис плюс. 2008. № 2. С. 96-105.
15. Шалаев В. П. Западофикация как фактор национальной безопасности и устойчивого развития (образовательный контекст): опыт философско-синергетического анализа // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2011. № 5 (143). С. 80-84.
16. Шалаев В. П. Социальные институты, медиа, коммуникации: на путях метаморфоз к манипулятивному обществу (опыт философско-синергетического анализа) // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2011. № 5 (152). С. 83-86.
17. Шалаев В. П. Человек и общество в глобализированном мире: метаморфозы, вызовы, перспективы: монография. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. 288 с.
18. Шалаева С. Л. Мир детства и мир взрослых перед вызовами глобального общества // Регионоведение. 2009. № 2. С. 258-263.
19. Шалаева С. Л. Феномен детей индиго: конструирование мифа или реальность префигуративного общества (социально-философский анализ) // Конфликтология. 2014. Т. 1. С. 165-175.
20. Швейцер А. Проблема этики в ходе развития человеческой мысли [Электронный ресурс] // Библиотека Гумера – гуманитарные науки: философия: сайт. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schweitzer/ Prob_Etik.php (дата обращения 10.10.2012).
21. Шиллер И. Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: Директ-Медиа, 2007. 200 с.
22. Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge U.P., 1971; 2nd ed., 1976.

Дата поступления в редакцию: 12.10.2015

Авторская справка

Иванова Светлана Игоревна, аспирант кафедры социальных наук и технологий, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия.

E-mail: ivanova_si@hotmail.com

Шалаев Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия. E-mail: shalaevvp@volgatech.net

---

UDC 141.5

**PHENOMENON OF ALIENATION OF THE PERSON
IN THE SOCIETY: PRESSURE INCREASES
(the discourse social-philosophical heritage in the West)**

S. I. Ivanova, V. P. Shalaev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Abstract. In article the analytical analysis of a phenomenon of alienation in the history of world philosophical thought is carried out. Various philosophical concepts and the approaches having key value for treatment of the term "alienation" of the person are considered. According to authors, the modern society as which main characteristics it is possible to consider a tendency of accruing hypercomplexity, globalisation, a westernisation, worship the technics at all levels of social life, is the most aloof since the beginning of social history of the person. Modern alienation is characterised both sharply increased variety of this problem, and qualitatively evolved degree of its depth. Since the English philosopher T.Gobbs, one of the first the alienation which have described a problem in the western cogitative tradition, alienation has reached today the culmination. Its forms became more thin, refined, getting and at the same time more mass, having found in a society of the mass consumption created by the genius of the western rational civilisation the complete form. The modern person on the one hand possesses unlimited possibilities, but with another is tired out in frameworks несвобо́ды from the own inventions - mass culture, electronics, the finance, computer technologies, the requirements most refined and regulated from business. In article the wide amplitude of philosophical sights at the alienation reasons is analyzed. K.Marks considering the reason of alienation division of labour and operation of the person in a society idea, G.Gegel seeing in alienation the certificate of self-knowledge of absolute idea, through the other life, G.P. Sartre the reason of alienation of the person of the society considering negative influence, destroying freedom and the creativity of the person given to it by nature. End XX beginning XXI century, under the influence of the western form of globalisation was generated by new forms of alienation of the person. Thereupon, A.Shvejtser ideas by one of the first in the European culture formulated public charge to mass culture, a worship for consumption, the power of technics and a spiritless science of the XX-th century, generated by the western society are considered. It is ascertained that the historical anthology of understanding of a phenomenon of alienation is necessary for working out of the modern philosophical concept and development of concrete ways of the decision of this problem duplicated in a global westernized society in the form of the factor destroying traditional social institutes.

Keywords: philosophy, alienation, evolution, a person, a society, globalisation, the philosophical theory of a society, the present

---

References

1. Gegel' G. V. Fenomenologija duha. Filosofija istorii. M.: Jeksmo, 2007. 880 s.

2. Gobbs T. Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. M.: Mysl', 2001. 216 s.
3. Markuze G. Jeros i civilizacija. Odnomernyj chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva / per. s angl., posleslovie, primech. A. A. Judina; sost. predisl. V. Ju. Kuznecova. M.: Izdatel'stvo ACT, 2002. 526 s.
4. Sartr Zh.P. Izbrannye proizvedenija. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1992. 348 s.
5. Solov'ev V. A. Istoricheskie dela filosofii // Voprosy filosofii. 1988. № 8. S. 64-72.
6. Fejrbah L. Sushhnost' religii 1845 [Jelektronnyj resurs] // Lib.Ru: Biblioteka Maksima Moshkova pri podderzhke Federal'nogo agentstva po pečati i massovym kommunikacijam: sajt. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/ATH/substanc.txt>
7. Fromm Je. Chelovek odinok // Inostrannaja literatura. 1966. № 1. S. 230-233.
8. Shalaev V. P. Aktual'naja sinergetika: chelovek i obshhestvo v jepohu global'nyh transformacij: monografija. Joshkar-Ola: PGTU, 2013. 184 s.
9. Shalaev, V. P. Mirovozzrenie kak faktor nacional'noj bezopasnosti v uslovijah zapadofikacii global'nogo mira // Regionologija: nauchno-publicisticheskij zhurnal. 2008. № 3. S. 272-278.
10. Shalaev V. P. Filosofskie osnovy social'noj raboty: uchebnoe posobie. Joshkar-Ola: MarGTU, 2007. S. 252.
11. Shalaev V. P. Mirovozzrenchesko-obrazovatel'naja zapadofikacija kak ugroza innovacionnoj bezopasnosti i innovacionnomu razvitiju Rossii v global'nom mire (filosofskie zametki) // Problemy sociogumanitarnogo obespečenija innovacionnyh processov na evrazijskom prostranstve / pod red. V. E. Lepskogo. M.: «Kogito-Centr», 2014. S. 132-144.
12. Shalaev V. P. Sistema «Chelovek – Chelovek»: novye vyzovy i starye problemy (neskol'ko tezisov o chelovecheskoj sushhnosti): sinergeticheskij podhod // Trudy BGTU. Istorija, filosofija, filologija. 2014. № 5 (169). S. 73-78.
13. Shalaev V. P. Dualizm globalizacii: obshhestvo potreblenija ili obshhestvo spasenija? / Vestnik jekonomiki, prava i sociologii. Kazan', 2007. № 1. S. 158-162.
14. Shalaev V. P. Globalizacija, postmodern, bifurkacionnyj chelovek – markery perehodnoj istorii // Servis pljus. 2008. № 2. S. 96-105.
15. Shalaev V. P. Zapadofikacija kak faktor nacional'noj bezopasnosti i ustojchivogo razvitija (obrazovatel'nyj kontekst): opyt filosofsko-sinergeticheskogo analiza // Trudy BGTU. Istorija, filosofija, filologija. 2011. № 5 (143). S. 80-84.
16. Shalaev V. P. Social'nye instituty, media, kommunikacii: na putjah metamorfoz k manipulativnomu obshhestvu (opyt filosofsko-sinergeticheskogo analiza // Trudy BGTU. Istorija, filosofija, filologija. 2011. № 5 (152). S. 83-86.
17. Shalaev V. P. Chelovek i obshhestvo v globalizirovannom mire: metamorfozy, vyzovy, perspektivy: monografija. Joshkar-Ola: PGTU, 2015. 288 s.
18. Shalaeva S.L. Mir detstva i mir vzroslyh pred vyzovami global'nogo obshhestva // Regionologija. 2009. № 2. S. 258-263.
19. Shalaeva S. L. Fenomen detej indigo: konstruirovanie mifa ili real'nost' prefigurativnogo obshhestva (social'no-filosofskij analiz) // Konfliktologija. 2014. T. 1. S. 165-175.
20. Shvejcer A. Problema jetiki v hode razvitija chelovecheskoj mysli [Jelektronnyj resurs] // Biblioteka Gumer – gumanitarnye nauki: filosofija: sajt. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schweitzer/Prob_Etik.php (data obrashhenija 10.10.2012).
21. Shiller I. F. Pis'ma ob jesteticheskom vospitanii cheloveka. M.: Direkt-Media, 2007. 200 s.
22. Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge U.P., 1971; 2nd ed., 1976.

Author's Bio

Ivanova Svetlana Igorevna, the post-graduate student of chair of social sciences and technologies of Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.

E-mail: ivanova_si@hotmail.com <mailto:ivanova_si@hotmail.com>

Shalaev Vladimir Pavlovich, the Doctor of Philosophy, the professor, the dean of faculty of social technologies of Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.

E-mail: shalaevvp@volgatech.net <<mailto:shalaevvp@volgatech.net>>

УДК 94 (470)

НА ПУТИ К МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ

Р. Ф. ПолищукФизический институт им. Лебедева РАН, Москва (Россия)

В статье с философских и синергетических позиций исследуются возможности математического моделирования истории социума как сложной самоорганизующейся системы. Как основа такого моделирования рассматриваются жизненные ресурсы социума. Распределение жизненных ресурсов социума имеет в середине вид нормального гауссова распределения со степенным распределением Парето по краям, которое вызывается флуктуациями указанных параметров. Автор обобщает возможности использования математического моделирования в научном анализе развития социальных систем.

Ключевые слова: математическая история, синергетика, сложность, самоорганизованная критичность, распределение Парето

Начнём анализ с диалектического подхода к моделированию эволюции социума как сложной системы. Вот что говорит о диалектике философ А. Ф. Лосев [1, с. 378-379]: «Если задаться целью начинать диалектику с наипростейшего и максимально лишённого качественного содержания, то это будет, конечно, отнюдь не «Я» и не «Бытие», но «Одно». Как показывает диалектика, это Одно требует для себя Иного, превращаясь тем в Сущее (Бытие), и синтезируется с ним в Становление. Такова эта изначальная самая общая, самая непререкаемая диалектическая триада: (1) Одно, (2) Сущее (Бытие), (3) Становление. Как я уже много раз выводил, эта триада превращается в тетракиду, если мы зададим себе вопрос о сущности её третьего элемента. Что такое Становление и каковы условия его существования? Подобно Одному и Бытию, оно тоже, чтобы реально быть, нуждается в отличие от всего прочего, от *своего* Иного, которое было бы ему *противоположно* и – в дальнейшем – синтезировалось бы с ним. Так возникает четвёртый диалектический момент – *Ставшее* (Сущность, Субстанция) или Наличность, Факт, который первым трём противостоит как стихия, *осуществляющая*, реализующая, субстанциализирующая их, а они ему противостоят как общая триединая стихия Смысла. Но, по общему правилу, эти две стихии не только различны и противостоят, но должны быть синтезированы и отождествлены. Должна появиться категория, которая будет и Фактом, Ставшим, и это Ставшее, и этот Факт должны понести на себе стихию триединого Смысла; они должны как бы разносить, *излучать* этот Смысл, выводить его из замкнутого состояния, выражать его вовне, изводить его в окружающее (ещё пока не наличное, но уже диалектически возможное) инобытие. На ней, конечно, отразится каждая из предыдущих категорий, и потому она будет очень сложной, но пока нет нужды входить в эти детали; и мы можем назвать её общим именем *Энергии* (или энергии Сущности, понимая под сущностью выве-

денную уже тетракиду целиком)... Диалектика должна требовать и внедиалектических структур бытия; иначе она обращается в рационализм и панлогизм, то есть перестаёт быть абсолютной диалектикой. Но это абсолютное Сверх, абсолютно неведомое никакому восприятию и мысли, никакому диалектическому рассуждению и являющееся подлинной сокровенной сущностью Бытия, полной апофатической Бездной и Мраком для разума, заново перестраивает и нашу *Энергию*. В ней должен быть подчёркнут этот момент апофатизма. Именно в ней – потому что она есть Выражение, Образ Сущности, Имя Её. Стало быть, тут-то и надо вспомнить, что это есть Выражение Невыразимого, Образ Неведомого, Имя Неминуемого и Преименитого».

Теперь возьмём первую попавшуюся газету. Вот статья Евы Меркачёвой «Кровавая битва за золото «Партии» об убийстве миллиардера на 4-й странице газеты «Московский комсомолец» от 2 октября 2015 года: «...организаторы и исполнители решили поменяться ролями». Речь о том, что организаторы отъёма денег у миллиардера пресекли претензии исполнителей «стать первой скрипкой в этом оркестре», и те в отместку его убили. Налицо пример работы тезисов диалектического материализма о единстве и борьбе противоположностей и превращении вещей в их противоположность. Закон природной динамики – нащупывание некоего экстремума суммированием вкладов и затрат различных действий, в простом случае – минимизация затрат энергии («Энергии» Аристотеля и Лосева). Социум включён в естественную Природу и демонстрирует своё деление на социальных хищников и социальных жертв, а рассудок прагматичного человека просто эффективнее экономит усилия, чем слепой инстинкт разных прочих животных. Человек с его разумом как характеристическим свойством естественно включён в Природу. Вся динамика физических систем, включая социальные системы, управляется принципом минимизации затрат (экстремума интеграла действия физической системы). Фейнмановский интеграл по путям эволюции физической системы показывает, как Природа нащупывает наиболее вероятный путь эволюции: все виртуальные траектории накладываются друг на друга, компенсируя отклонения в разные стороны и порождая эволюцию, отвечающую экстремуму действия (в механике это интеграл от лагранжиана системы по времени между двумя её состояниями). Вариация фейнмановского интеграла по путям даёт уравнения Эйлера-Лагранжа, частным случаем которых являются уравнения Ньютона, Эйнштейна, Дирака и вообще всего корпуса физики.

Если на начальной поверхности задать все параметры системы и их ростки (данные Коши), то принцип экстремума действия определит не только всю её будущую эволюцию, но и всю предшествующую историю. Поэтому Лаплас и ответил Наполеону на вопрос о месте Бога в его системе, что он в этой гипотезе не нуждается. Лапласовский детерминизм диктует предопределённость эволюции систем и позволяет предсказывать движение небесных тел, солнечные и лунные затмения и многое другое. Но как тогда быть с проблемой свободы человека и человечества? Лапласовский детерминизм диктует их полную неменяемость.

Но тут дело в бифуркациях. Мы знаем, что качающийся маятник старинных часов без подзавода в конце концов останавливается и занимает положение минимума его потенциальной энергии. Но если представить себе поставленный строго вертикально математический маятник с опорой внизу, то он от малейшего толчка влево или вправо начнёт двигаться в соответствующую сторону и будет энергично колебаться до остановки в нижнем положении из-за потерь энергии на трение. Здесь дело в неустойчивости начального положения, которое является точкой бифуркации в множестве возможных эволюций маятника. Множество возможных бифуркаций превращает мир в *океан ветвящихся возможностей*, и от человека и человечества зависит выбор будущего. При этом все закономерности носят вероятностный характер, и во власти человека только одно: употребить имеющиеся ограниченные ресурсы так, чтобы увеличить вероятность благоприятного исхода.

Есть ещё одно отрицание лапласовского детерминизма. Дело в том, что он несовместим с квантовым принципом неопределённостей, отрицающим возможность одновременного точного задания состояния физической системы (например, мгновенного состояния Вселенной, которая расширяется) и её импульса, указывающего, куда скакнёт система в следующий момент времени. Если плоскость разбить на треугольники (каждый задаётся тройкой длин его сторон, то есть точкой трёхмерного пространства), то можно геометрию плоскости представить точкой счётно-бесконечномерного пространства, размерность которого равна числу сторон всех треугольников. Беря сколь угодно маленькие треугольники, можно сколь угодно точно аппроксимировать геометрию плоскости. Смысл обращения к скелетной геометрии в том, что при непрерывной деформации плоскости в произвольно искривлённую плёнку отвечающая ей двухмерной 2-геометрии точка как её геометродинамическая координата будет тоже смещаться непрерывно в пространстве всех возможных 2-геометрий. Мгновенное состояние Вселенной можно аппроксимировать разбиением её 3-пространства на тетраэдры (каждый эквивалентен шестёрке длин его рёбер, точке 6-мерного пространства).

Точная геометродинамическая координата Вселенной в силу указанного квантового принципа неопределённостей Гейзенберга (а ведь мы живём в квантовом мире) делает совершенно неопределённым её геометродинамический импульс. Поскольку все теории строятся операционально, с отсылкой в конечном счёте на показания физических приборов (прежде всего линеек и часов), это означает, что на самом деле понятие времени просто отсутствует и квантовая размерность пространства-времени с сигнатурой $(-+++)$ равна не четырём, но трём $(+++)$, так что уравнения общей теории относительности Эйнштейна эволюции Вселенной в пространстве-времени описывают геодезическую (линию экстремальной длины) в бесконечномерном пространстве 3-геометрий. Таков выход из ситуации, предложенный Джоном Арчибальдом Уилером [2]. На квантовом уровне времени просто нет, и мир на самом деле есть своего рода кинофильм с неподвижными пространственными кадрами, сменяющимися с планков-

ской частотой 10 в степени примерно 43 раз в секунду: динамика сменяется множеством статических состояний.

Шокирующий вывод Уилера о пределе применимости понятия времени при переходе на квантовый уровень толкнул автора данной заметки на восстановление понятия времени ценой утраты одного пространственного измерения. Действительно, если начальное состояние 3-пространства Вселенной считать набором 2-плёнок, то можно точно проследить эволюцию одной из них, заметающей 3-поверхность с сигнатурой $(-++)$ ценой утраты одной пространственной координаты, нумерующей 2-плёнки начальной поверхности. Сумма и разность координат $t \mp x$ времени и пространства (скорость света, переводящая секунды в сантиметры, считаем равной единице – так должно быть в естественных природных единицах измерения) образуют два так называемых световых времени: мировая линия воображаемого светового наблюдателя имеет нулевую длину и идёт вдоль светового конуса, являющегося границей временных и пространственных векторов-смещений в пространстве-времени. Поскольку сумма и разность световых времён образуют обычное время и обычное пространственное измерение, эти два световых времени, отвечающих движению светового наблюдателя в противоположных пространственных направлениях, не могут существовать одновременно. Мы предположили, что на квантовом уровне реализуется то сумма, то разность световых времён. Такова суть нашей гипотезы флуктуирующей сигнатуры пространства-времени, восстанавливающей равноправие пространственного и временного измерений нашего мира [3]. Собственным значением квантового оператора скорости является только плюс-минус скорость света, и все частицы рождаются в световом состоянии, но из-за систематического взаимодействия с бозоном Хиггса их 3-импульсы систематически меняют знак, и в среднем из-за светового дрожания частиц они обретают ненулевую в среднем массу покоя и пространственную локализацию, определённую с точностью до планковской длины (примерно 10 в степени минус 33 сантиметра). Эти физические факты свидетельствуют о пределе применимости понятий и наполняют конкретным физическим смыслом философские рассуждения Лосева о диалектической природе и диалектической связи различных понятий на примере категорий (универсально широких понятий) пространства и времени.

При анализе статистических данных произвольной природы используются распределения объектов по какому-либо признаку. Здесь типично гауссово распределение, в котором плотность вероятности обнаружить объект с величиной признака x представляется выражением [4]

$$\rho(x) = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(x-\mu)^2}{2\sigma^2}}, \quad (1)$$

где σ^2 – дисперсия, μ – параметр смещения, равный математическому ожиданию x . Плотность вероятности здесь положительна для всех действительных значений x , но площадь под указанной бесконечной кривой графика указанной функции конечна (равна, как и должно быть для полной вероятности, единице),

поскольку кривая экспоненциально быстро прижимается к оси абсцисс. Примерами нормального гауссова распределения служат эргодические системы (например, бильярд Больцмана), броуновское движение в гармоническом потенциале, а также типовое распределение членов общества в зависимости от их биологической активности [5, с. 294]. В равновесном состоянии большинство составляют «гармоничные» люди со средней активностью с добропорядочным консерватизмом и трезвостью мысли. Левый хвост распределения образуют малоактивные люди социальной периферии, правый (процентов 7) – «пассионарии» по Л. Н. Гумилёву. Их активность мешает спокойному течению жизни, и общество либо их нейтрализует, либо канализирует их активность в сферу культуры (искусство, наука). Из этой среды выходят политические лидеры, военачальники, реформаторы и путешественники. В целом равновесное состояние этнических систем характеризуется их адаптацией к природно-климатическим и ландшафтным условиям среды обитания. При этом преобладающие «гармоничные» люди вытесняют пассионариев на социальную периферию, как и малоактивных членов общества.

В конце прошлого века Вильфред Парето обратил внимание на то, что во множестве реальных ситуаций объекты при больших значениях x распределены по степенному закону с показателем Парето α [6]:

$$\rho(x) \approx \rho_0 x^{-\alpha}. \quad (2)$$

В теории вероятностей под распределением Парето обычно упоминается несколько иная его форма:

$$\begin{aligned} \rho(x) &= (\alpha - 1)x_m^{\alpha-1}, x \geq x_m; \\ \rho(x) &= 0, x < x_m. \end{aligned} \quad (3)$$

Реально Парето как социолог и экономист обнаружил указанное распределение людей по доходам или накоплениям при больших значениях x . Позднее Дж. К. Ципф [7] обнаружил, что аналогичная зависимость проявляется при оценке частоты употребления слов любого языка. Затем подобная степенная зависимость была найдена в целом ряде физических, биологических и социальных систем.

Интегралы от моментов $M_m = x^m \rho(x)$ распределения (3) расходятся на бесконечности при $m \geq \alpha - 1$. При $\alpha > 2$ первый момент интегрируется, но интегралы от более высоких моментов расходятся. Однако в реальных физических ситуациях актуальные бесконечности отсутствуют и находятся факторы, ограничивающие аргумент x его предельным значением. При малых значениях аргумента имеет место какое-то другое распределение, переходящее в распределение Парето. Оно не точно, но с хорошим приближением описывает распределение признаков в широком диапазоне аргументов x .

Список литературы

1. Лосев А. Ф. Личность и абсолют. М.: Мысль, 1999.
2. Мизнер Ч., Торн К., Уилер Д. Гравитация. Т. 3. М.: Мир, 1977. 447 с.

3. Полищук Р. Ф. Гипотеза флуктуирующей сигнатуры квантового пространства-времени: тезисы VIII Российской гравитационной конференции, 25-28 мая 1993 г. Пушино. Москва, 1993. 176 с.
4. Гаусса закон. Математическая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1977. 896 с.
5. Парето Вильфредо. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988. 969 с.

Дата поступления в редакцию: 19.10.2015

Авторская справка

Полищук Ростислав Феофанович, доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Физического института Российской академии наук, Москва.
E-mail: rpol@asc.rssi.ru

UDC 94 (470)

**ON THE WAY TO MATHEMATICAL MODELLING
STORIES OF RUSSIA**

R. F. Polishchuk

Physical institute of Lebedev of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Abstract. The article from the philosophical and synergistic points of view investigates the possibility of mathematical modeling of the society history as a complex self-organizing system. As a basis for such modeling vital resources of society are considered. The distribution of vital resources the society has in the middle kind of a normal Gaussian distribution with exponential distribution Pareto at the edges, which is caused by fluctuations of the specified parameters. The author proves the possibility of using the mathematical modeling in the scientific analysis of social systems.

Keywords: mathematical history, synergetics, the complexity, the self-organised criticality, distribution of Pareto

---

References

1. Losev A. F. Lichnost' i absoljut. M.: Mysl', 1999.
2. Mizner Ch., Torn K., Uiler D. Gravitacija. T. 3. M.: Mir, 1977. 447 s.
3. Polishchuk R. F. Gipoteza fluktuirujushhej signatury kvantovogo prostranstva-vremeni: tezisy VIII Rossijskoj gravitacionnoj konferencii, 25-28 maja 1993 g. Pushhino. Moskva, 1993. 176 s.
4. Gaussa zakon. Matematicheskaja jenciklopedija. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1977. 896 s.
5. Pareto Vil'fredo. Sovetskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1988. 969 s.

Author's Bio

Polischuk Rostislav Feofanovich, the doctor of physical and mathematical sciences, the main research assistant, Physical institute of Academy of Sciences of the Russian Federation, Moscow. E-mail: rpol@asc.rssi.ru

ПРОСТРАНСТВО МИФА: О ВОЗМОЖНОСТИ ТОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ (часть 2)

А. В. Шалаева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
(Россия)*

Статья посвящена исследованию мифологического мышления и его существенной характеристики – мифологического пространства. Категория пространства рассматривается как заданная мифической историей и порядком онтологическая категория. Используется топологический метод как метод исследования мифологического пространства, частично заимствованный из отрасли математики – топологии, частично почерпнутый из опыта использования топологии в гуманитарных исследованиях. Приводятся существенные черты мифологического мышления.

Ключевые слова: мифологическое мышление, мифологическое пространство, топология, топологический поворот, онтология мифа

В рамках рассмотрения мифа исследователи часто прибегают к рассмотрению специфики мифологического пространства и времени. При этом последние обычно предстают в качестве категорий, определяющих пространственно-временную организацию ритуального (мифологического) события. Рассматриваемые таким образом пространство и время определяются тем, что в силу того, что они заданы мифической историей и порядком, они представляют собой категории бытия в их тотальности и способ восприятия действительности в мифе (в исследованиях эта характеристика приписывается либо достоверности имманентного мифу способа осознания пространства и времени, либо специфике мифологического мировосприятия, характерного для начальных стадий развития культуры).

В настоящей работе рассматриваются определения мифологического мышления, его характерные черты, исследуется, кому оно присуще. Представляется необходимым осуществить эту работу с использованием метода топологического анализа, с одной стороны, заимствованного из топологии как отрасли математики, с другой – почерпнутого из опыта использования топологии в гуманитарных исследованиях.

Почему возможен топологический анализ мифологического мышления?

Для начала обратимся к центральным для настоящего исследования понятиям. Здесь в поле нашего зрения – понятия мифа, логоса, мифологии, мифологического мышления (иногда – сознания), такие концепты, как «человекообразующая машина мифа», «общее сакральное подразумевание». Понятие «миф», чье основное значение – «слово» или «рассказ», невозможно рассматривать отдельно от понятия «логос». Соответственно в поле нашего исследования входит и понятие «мифология». Поэтому наши вводные замечания к топологии мифа разворачиваются в ситуации напряженности связи между двумя понятиями-полюсами: по-

нятиями философии и мифа, или, как эта пара укоренилась в культуре, *logos* и *mythos*, рационального и сакрального, трансцендентального и трансцендентного, человеческого и нечеловеческого. При этом наряду с дихотомией рационального и сакрального рассматривается специфика определяющего по отношению к данным понятиям перехода от мифа к логосу. Особенность этого перехода заключается в том, что переход этот не был скачком от иррационального к рациональному, но выявил смену порядков (логик), каждый из которых логичен и упорядочен сообразно собственным основаниям, имеющим качественное отличие. Рациональное, *logos*, первоначально выступит фоном, на котором можно, отличив от него сакральное, *mythos*, рассмотреть его; для равновесного и неодностороннего рассмотрения будет использован и противоположный ход. Также рациональный характер будет присущ и методу рассмотрения, исследовательской оптике.

Разрабатывая тематику мифа (как, впрочем, и любую другую тематику, находящую отклик в повседневности), исследователь вынужден «пройти между Сциллой и Харибдой». С одной стороны, он подходит к своему предмету с научной точки зрения, с точки зрения метода, определяет и ограничивает, указывает на пределы и границы его существования. С другой стороны, исследователь неизбежно сам оказывается в ситуации переживания предмета исследования, обнаруживает его в собственном опыте, то есть имеет предметом собственного исследования себя самого, аспект собственной интеллектуальной жизни. Отношение науки и действительности, если рассматривать науку включенной, встроенной в действительность, выступает таким образом, что наука оказывается рефлексией реальности внутри самой реальности: «Наука является особым отношением к действительности, встроенным в саму действительность, т.е. наука есть рефлексированное отношение реальности “к самой себе” и “в самой себе”» [18, с. 5]. Конечно, здесь представлена идеальная модель науки, но в том и состоит необходимость идеала, что он ставит цели и расширяет возможные пределы исследования, которое по необходимости должно быть не единственно методологически выверенным, но и лично переживаемым. Потому при анализе имеющихся исследований по данной тематике и источников стоит иметь в виду, что каждый исследователь приводит свою классификацию работ и концепций по той теме, которую он исследует, ревниво относится к своей тематике, описывая других исследователей, с ней работавших, пусть и в прошлом, отбирая зачастую именно ту ветвь, которая ведет к подтверждению и оправданию его собственных идей.

Особое внимание следует уделить рассмотрению онтологических оснований существования мифологического пространства во времени, а также топологическому анализу времени и пространства мифа. В первую очередь, стоит отметить, что при топологическом анализе речь идет не о пространстве как таковом, пространстве как свойстве объектов, характеристике предметного мира, пространстве в понятии нововременной, классической рациональности, но, скорее, о трансформации пространства, которая может быть обнаружена в событии бытия и сознания пространства. При этом сознание нужно понимать таким образом, что это не столько сознание трансцендентального субъекта или характеристика субъ-

ективности, индивидуальное восприятие в психологии, сколько специфическая форма (скорее коллективного) сознания, или, обращаясь к немецкой терминологии – осознанное бытие (*das Bewusstsein, das bewusste Sein*), особенным образом осознанное бытие. Совместное рассмотрение мифологического пространства с топологическим осуществляется не на основании математической строгости понятия «топология», но скорее на основании теории четырехмерности реальности, теории, согласно которой реальность существует в виде четырехмерного единства трех измерений пространства и четвертого – времени. Указанный способ рассмотрения указывает на однопорядковость пространственных и временного измерений при том, что временное встраивается в пространственные. Такое пространство мифа необходимо рассматривать с точки зрения его качественной определенности, в отличие от количественной, специфического способа объединения в нем сакрального и профанного представления пространства. Пространство здесь выступает как определяющая категория мифологии.

Не оказывается ли особенная организация сознания (как осознанного бытия) пространства именно мифологическим сознанием, условием для того, чтобы назвать нечто мифом? Для этого топологию мы рассматриваем как методологический ресурс гуманитарных наук. Так, топологический анализ дает возможность указать одновременно и на локальность, и на внепространственность, на временность и вневременность мифологического мышления. Здесь можно говорить о топологической организации мифологического мышления в культуре, когда мифологическое мышление выступает как неизменяющаяся точка при непрерывных преобразованиях пространства и ландшафта сознания.

Для исследования мифологического мышления с точки зрения ресурсов топологии необходим опосредующий метод, способ или путь, его оформляющий. По мысли Лосева, миф необходимо рассматривать исключительно исходя из самого мифа, пребывая в нем и принимая на себя роль и сознание самого мифологического субъекта, то есть диалектически [14, с. 32]. Такая позиция полной включенности в регион мифологического таит в себе опасность появления тотальной системы, в которой всякая ее часть окажется мифом или чем-то, имеющим к нему отношение. Как известно, «все» склонно оборачиваться в «ничто», поэтому такое исходное положение для исследования стоит оставить за рамками данной работы. Мы изберем метод критического рассмотрения, феноменологического анализа, с некоторыми элементами интерпретации метода математической топологии в духе гуманитарных дисциплин.

Во многом первые и прорывные исследования мифа велись в «недрах науки о древнем мире – классической филологии» [6, с. 33]. Можно выделить ряд школ и направлений в изучении мифа с точки зрения археологии, этнологии, филологии, антропологии, культурологии, философии, антропологии, социологии, психологии, психоанализа, семиотики, структурализма. Их традиционное разделение описывает, например, А. Ф. Лосев в соответствующей программной статье из «Большой Советской Энциклопедии», А. Л. Топорков в работе «Теория мифа в филологической науке XIX в.» [19], Е. М. Мелетинский в «Поэтике мифа» [15], на классификацию последнего в своем описании опираются О. А. Донских и

А. Н. Кочергин в книге «Античная философия: мифология в зеркале рефлексии» [5], А. В. Исаева в диссертации «Миф в философии Э. Кассирера» [7] и др.

Можно сказать, что академические исследования мифа появляются еще в эпоху Возрождения, когда превалировала аллегорическая интерпретация мифов. Необходимо обратить внимание на фундаментальный труд Дж. Вико [4], в котором автор использует исторический подход к мифу и в его рамках намечает широкие исследовательские горизонты мифического [7, с. 4]. Наиболее значимые филологические и философские исследования мифа появляются начиная с XIX в. В работе Ф. В. Й. Шеллинга «Философия мифологии» [22], представляющей собой лекции по введению в философию мифологии, доказано, что возникает мифология на стыке традиций немецкого идеализма и романтизма. В этих лекциях Шеллинг впервые дает обоснование сущности мифологии и раскрывает философские предпосылки ее исследования. Фундаментальные инвестиции в философское изучение мифа привнес и Э. Кассирер своим трудом по феноменологии мифа, языка и символа «Философия символических форм» [8-10], «Мифологическое, эстетическое и теоретическое пространство» [2], а также своей последней крупной работой «Миф государства» (*The Myth of the State*) [1].

Дальнейшее развитие исследований мифологии различные авторы представляют по-разному, что было отмечено выше. Мы кратко изложим основные традиции и тенденции изучения мифологии на основании соединения позиций нескольких авторов по отношению к интерпретации истории исследования мифологии.

XX век выработал многочисленные типы рефлексивного отношения к мифу. Выделяются различные школы интерпретации мифа, отталкивающиеся от различных предпосылок исследования, например [7, с. 40-83]: лингвистическая интерпретация (М. Мюллер, А. Кун, Р. Барт); анимистическая интерпретация (Э. Б. Тайлор, Г. Спенсер); ритуалистическая интерпретация, в которой миф анализируется с точки зрения ритуальных церемоний, как форма бытия, включающая целостную практическую реальность и определяющая основы человеческих общностей, образец правил поведения в таком мире – ритуал (Дж. Фрейзер, У. Робертсон-Смит, Дж. Харрисон, Ф. М. Корнфорд, С. Хьюман и С. Хук). Социологическая и функционалистская интерпретации развивались в работах Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, Б. Малиновского. Структуралистская интерпретация задается вопросом не об истинном содержании мифа, а о том, в чем его когерентность, внутренняя логическая связь и рациональность (К. Леви-Строс). Психоаналитические интерпретации толкуют мифы как способы объективации психических комплексов и архетипов коллективного бессознательного (З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фромм, Дж. Кэмпбелл). Миф интерпретируют и в терминах сакрального, нуминозного опыта (Р. Отто, К. Кереньи, М. Элиаде, С. Зенкин). Большой вклад в развитие теории мифа внесли отечественные исследователи М. М. Бахтин, В. В. Иванов, М. А. Лифшиц, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, А. А. Потебня, В. Н. Топоров. В ряде своих трудов, которые послужили основой для нашей работы, к мифу обращаются Ф. Х. Кессиди («От мифа к логосу»), Е. М. Мелетинский («Поэтика мифа»), М. И. Стеблин-Каменский («Миф»),

О. М. Фрейденберг («Миф и литература древности»), Я. Э. Голосовкер («Логика мифа»), В. М. Пивоев («Мифологическое сознание как способ освоения мира»), М. К. Мамардашвили («Лекции по античной философии»), А. В. Ахутин («Поворотные времена»), А. М. Пятигорский («Мифологические размышления»).

Данная работа призвана поставить вопрос о том, как возможен миф с философской точки зрения не единственно с позиций логики, языка и истории, но и с точки зрения топологии (из определяющего бытие и сознание пространства/ места/ точки/ силового сцепления). Поэтому в трудах, на которые опирается настоящее исследование, мы будем стремиться выделить те моменты и идейные ходы, тот материал, который наиболее близко соотносится с пониманием мифа как особенного бытия и сознания этого бытия. В мифе прямым образом еще не разворачиваются ни бытие, ни сознание, они в нем только зарождаются в своих первых формах, но для простоты изложения мы будем называть бытием и сознанием мифа то, что в качестве их предпосылки в мифе уже содержится. Топологический анализ мифологии – это, кроме того, анализ пространства сознания, в котором разворачивается мифологическое мышление.

Мифологическое сознание. Следовало бы, поскольку мы говорим о способе и основании реальности мифа, обратить внимание на его бытийные характеристики и связанную с ними гносеологию. Однако речь не может идти непосредственно о мифологическом сознании, поскольку специфика его в том, что оно не существует самостоятельно, отдельно от мифологического бытия. В противном случае оно было бы только абстрактной конструкцией, иллюзией, своего рода утопией, которая существует в пустом пространстве. Напротив, миф – всякий раз совершенно конкретная, действительная, качественно определенная вещь, поэтому и мифологическое сознание – не что иное, как сознание бытия, реальности мифа, и само это сознание целиком пребывает здесь и теперь. Таким образом, стоит говорить о мифологическом сознании, которое тождественно собственному бытию.

Курт Хюбнер делает интересное замечание относительно последовательности этапов интерпретации мифа: от предварительной истины через уравнивание рациональности науки и мифа к выявлению в нем божественной реальности. «Сперва трансцендентализм засвидетельствовал наличие своего рода предварительной истины мифа на начальном уровне; потом структурализм сделал утверждение о равноценности формальной рациональности науки и мифа; и, наконец, нуминозная интерпретация мифа высказала претензии на выявление в нем божественной реальности. (Причем неважно, что эти этапы не следуют в строгой временной последовательности, но отчасти возникают одновременно)» [21, с. 79-80]. Указанные моменты истории интерпретации мифа свидетельствуют о том, что рядом с расширением и углублением культурно-исторических исследований продолжалась и философская рефлексия мифа, стремящаяся к обоснованию аспектов его истинности.

Исследование мифа, а также мифологического мышления в основном производится в каждом случае на совершенно определенном материале, и от выбора

этого материала зависят точка зрения и метод исследования. Можно выделить, например, такие отправные пункты для исследования мифа:

1) миф греческий, изложенный в эпосе и трагедиях, обернувшийся в греческий логос (его важнейшая черта – полемика с логосом), а затем в классический и позднее в неклассический идеалы рациональности (А. В. Ахутин, М. К. Мардшвили, К. Хюбнер);

2) миф отличных от греков народов, например, римского, египетского, индийского, германо-скандинавского, славянского (хотя каждый из перечисленных корпусов мифов требует особенного внимания и отношения, все целиком по уделяемому им вниманию исследователей они сопоставимы с объемом внимания к греческой мифологии) (А. М. Пятигорский);

3) миф первобытных племенных обществ, «примитивных людей», доступный эмпирическим наблюдениям этнологов первобытного общества (К. Леви-Строс, Л. Леви-Брюль, М. Элиаде);

4) современный миф, в первую очередь, политический, медиа-миф, миф в литературе как предмет исследователей современного общества (Р. Барт, С. Зенкин, Д. Эдельштейн, Б. Лернер).

Философское рассмотрение мифа предполагает исследование его предельных границ, того, что он есть сам по себе. Такое философское рассмотрение должно удерживать во внимании все упомянутые выше способы определения мифа и одновременно усматривать общую перспективу сопоставления разнообразного материала исследований мифа, которая дает возможность назвать все многообразие этих феноменов именно мифом. Именно такой способ рассмотрения укажет то основание (онтологическое и гносеологическое), которое приписывает некоему феномену имя мифа.

Рассмотрим различные способы понимания мифа, исходя из различия понимания мифологического пространства.

Ф. В. Й. Шеллинг во «Введении в философию мифологии» дает такое определение мифологии: «Слово мифология, как известно, пришло к нам от греков; греки разумели под ним, в самом широком смысле, целое, образованное характерными для них сказаниями и повествованиями, в главном и основном выходящее за пределы исторического времени» [22, с. 163]. Философское исследование, по мысли Шеллинга, поднимается над всяким простым фактом, а в случае с мифологией – над «существованием мифологии», и ставит вопрос о природе, о сущности мифологии. Полное понятие мифологии состоит в том, что мифология – не только учение о богах, но и история богов, или, как сказали бы греки, теогония (в первом корне последование, или генеалогия, во втором – рождение). Однако этот иной порядок вещей многообразно связан с миром человека, обуславливает его, сообщается с ним, предшествует ему – и не в смысле времени исторического, но в смысле наделения человеческого мира возможностью быть, и быть именно таким образом, которым он есть.

Говоря о связке и различении сакрального и профанного мифологического пространства, обратимся к работам М. Элиаде. Священное значение как один из основных моментов мифа, в понятии Элиаде, позволяет предмету превращаться в

нечто иное, и в то же самое время этот предмет остается самим собой, предметом окружающего космического пространства (мирского, на контрасте с понятием которого автор вводит понятие священного) [23, с. 19]. Элиаде говорит о «живом» мифе, «реальном событии», бесконечно повторяющемся воспроизведением начала в ритуале, придающем значимость человеческой жизни. Миф, кроме того, предстает в качестве категории современной жизни: в частности, в средствах массовой информации.

Под мифом мы понимаем не просто слово, рассказ или историю высшего, сакрального мира, но особенный порядок речи и сознания, в котором каждое событие представляет собой звено единого ряда событий и происходит в своей собственной пространственно-временной определенности. Из этого понимания мифа вытекает и отношение к переходу от *mythos* к *logos*. Обычно этот переход рассматривается как скачок от иррационального к рациональному, от чувственного к разумному по формуле Ф. Х. Кессиди [11].

В отношении перехода от *mythos* к *logos* возьмем за основу мысль Л. Кулубарциса и А. В. Ахутина. Первый говорит о том, что термин *mythos*, ведущий свою историю из греческой архаики, означал там «вовсе не повествование, а определенный разрешенный способ речи, который производит определенный эффект» [13, с. 58], а *logos* есть скорее архаическая форма, налагающая правила высказывать вещи последовательно, одну за другой. Л. Кулубарцис, таким образом, выдвигает идею перехода от одного рационального *logos* к другому, иначе организованному. А. В. Ахутин несколько иначе, но в том же направлении освещает специфику перехода от *mythos* к *logos*. Он говорит о том, что привычная схема движения – от мифа к логосу мешает заметить двусторонность этого движения.

Для мифа бытие обретает форму пребывания, целиком ощущаемого процесса, осваиваемого изнутри, без внешней точки рассмотрения. И греческая философия, по мысли К. Хьюбнера, унаследовав свои основные проблемы от мифической эпохи и так и не сняв миф радикально, в принципе исходит из единства идеального и материального, нацелена на познание идеи, высшей, божественной истины, которая, хотя и существует в ином мире, является лишь опосредованной материальной жизнью, то же самое можно сказать и о концепции перводвигателя, который, сам не пребывая в движении (будучи в состоянии покоя), не будучи материальным, как первопричина способен приводить в движение все существующее.

Существенные черты мифологического мышления. Мифологическое отношение доступно в любом настоящем, в том числе в современности (как и сознанию вообще) настолько, насколько мы можем оказаться в позиции такого отношения, насколько это отношение будет нам известно, доступно и достоверно для нас.

Мифологическая позиция определяется следующим образом: во-первых, мифологическая речь, или слово в собственном акте утверждает все бытие сразу, внутренне непротиворечивым для себя образом. Во-вторых, одновременно существуют сакральное и профанное измерения пространства и времени, при том су-

шествуют в двуединстве: в обыденное измерение вклинивается то, что происходит в акте творения, в исходном первоначале, сопричастное ему [20, с. 13; 21; 23], все в той или иной мере поддается возведению к сакральному первоначалу, потому такой профанный мир зацикливается в своей принадлежности к сакральному, и этот момент мифологического сознания непосредственным образом относится к ритуалу, поскольку именно в его прерогативе бытует процесс восстановления утрачиваемого первоначального сакрального единства мира. В-третьих, пространственно-временная определенность наделяет тождеством, синхронией и единосущностью разнородные вещи и события, обозначает единственно сущие здесь и теперь, везде и всегда качества (в сопричастии и единосущии, не в изображении, но по сути первобытный человек может «научить» животное, на которое он охотится, не сопротивляться, а предку – показать свою привязанность, расположить к себе и попросить то, что им требуется – Л. Леви-Брюль). В-четвертых, *mythos* не противоположность *logos*, но представляет собой особого рода порядок, обладающий собственной логикой. В-пятых, мы всегда уже застаем миф готовым, он есть [17, с. 67]; миф локален, распределен по ландшафту, связан с мелочами обыденной жизни [3, с. 98] и уютен [12, с. 92-93]; миф – иррациональный остаток рациональности [16, с. 52].

Любому сознанию может быть доступно мифологическое сознание (с оговоркой, что это сознание одновременно тождественно бытию, реальности, действительности, не низводится до сказки или вымысла), если принять четырехмерную теорию реальности, в которой время выступает четвертым измерением пространства, сознание способно увидеть возможность слияния пространства и время в единую пространственно-временную точку «здесь и теперь».

Список литературы

1. Cassirer E. *The Myth of the State*. New Haven: Yale University Press, 1946.
2. Cassirer E. [1931]. *Mythischer, ästhetischer und theoretischer Raum* // S. Günzel, J. Dünne (Eds.) *Raumtheorie: Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006. S. 485-501.
3. Ахутин А. В. *Поворотные времена*. СПб.: Наука, 2005.
4. Вико Дж. *Основания новой науки об общей природе наций*. Москва–Киев, 1994.
5. Донских О. А., Кочергин А. Н. *Античная философия: Мифология в зеркале рефлексии*. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КРАСАНД, 2010.
6. Зелинский Ф. Ф. *Эллинская религия*. Минск: Экономпресс, 2003.
7. Исаева А. В. *Миф в философии Э. Кассирера: автореф. дисс. ... канд. филос. наук*. Саратов, 2011.
8. Кассирер Э. *Философия символических форм*. Т. 1: Язык. М.; СПб., 2002.
9. Кассирер Э. *Философия символических форм*. Т. 2: Мифологическое мышление. М.; СПб., 2002.
10. Кассирер Э. *Философия символических форм*. Т. 3: Феноменология познания. М.; СПб., 2002.
11. Кессиди Ф. Х. *От мифа к логосу*. М., 1972.
12. Козолупенко Д. П. *Мифопоэтическое мировосприятие: монография*. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009.
13. Кулубарцис Л. *Как еще можно осваивать философию античности?* // *Логос*. 2011. № 4. С. 45-62.
14. Лосев А. Ф. *Диалектика мифа*. М.: Академический проект, 2008.

15. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1995.
16. Положенцев А. М. «По лицу бездны»: очерк натурфилософии культа. СПб.: Алетейя, 2007.
17. Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций. М.: Европа, 2007.
18. Романенко Ю. М. Онтология мифа: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
19. Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997.
20. Топоров В. Н. О ритуале: введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / сост. Л. Ш. Рожанский. М.: Наука, 1998.
21. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996.
22. Шеллинг Ф. В. Й. Введение в философию мифологии // Сочинения: в 2 т. Т. 2: пер. с нем. / сост., ред. А. В. Гулыга; прим. М. И. Левиной и А. В. Михайлова. М.: Мысль, 1989.
23. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Дата поступления в редакцию: 11.09.15

Авторская справка

Шалаева Анастасия Владимировна, преподаватель Школы философии, факультет гуманитарных наук; стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева (ИГИТИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: anastasiashalaeva@gmail.com

UDC 140.8

THE SPACE OF MYTH: ON THE POSSIBILITY OF TOPOLOGICAL ANALYSIS OF MYTHOLOGICAL THINKING (part 2)

A. V. Shalaeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Abstract. The paper is devoted to the concept of mythological thinking and its special characteristic – mythological space. The category of space is considered as ontological and stated in mythological history and order of myth. We introduce the topological method as a method for studying the mythological space, partly borrowed from the branch of mathematics – topology, partly drawn from the experience within the scholarship. The paper provides the essential features of mythological thinking.

Keywords: mythological thinking, mythological space, topology, topological turn, ontology of myth

---

References

1. Cassirer E. The Myth of the State. New Haven: Yale University Press, 1946.
2. Cassirer E. [1931]. Mythischer, ästhetischer und theoretischer Raum // S. Günzel, J. Dünne (Eds.) Raumtheorie: Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006. S. 485-501.
3. Ahutin A. V. Povorotnyie vremena. SPb.: Nauka, 2005.
4. Viko Dzh. Osnovaniya novoy nauki ob obschey prirode natsiy. Moskva–Kiev, 1994.
5. Donskih O. A., Kochergin A. N. Antichnaya filosofiya: mifologiya v zerkale refleksii. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: KRASAND, 2010.
6. Zelinskiy F. F. Ellinskaya religiya. Minsk: Ekonompress, 2003.
7. Isaeva A. V. Mif v filosofii E. Kassirera: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Saratov, 2011.

8. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form*. T. 1: Yazyik. M.; SPb., 2002.
9. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form*. T. 2: Mifologicheskoe myshlenie. M.; SPb., 2002.
10. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form*. T. 3: Fenomenologiya poznaniya. M.; SPb., 2002.
11. Kessidi F. H. *Ot mifa k logosu*. M., 1972.
12. Kozolupenko D. P. *Mifopoeticheskoe mirovospriyatie: monografiya*. M.: «Kanon» ROOI «Reabilitatsiya», 2009.
13. Kulubartsis L. *Kak esche možhno osvivaivat filosofiyu antichnosti? // Logos*. 2011. № 4. S. 45-62.
14. Losev A. F. *Dialektika mifa*. M.: Akademicheskii proekt, 2008.
15. Meletinskiy E. M. *Poetika mifa*. M., 1995.
16. Polozhentsev A. M. «Po litsu bezdnyi»: ocherk naturfilosofii kulta. SPb.: Aleteyya, 2007.
17. Pyatigorskiy A. *Chto takoe politicheskaya filosofiya: razmyishleniya i soobrazheniya*. Tsikl lektsiy. M.: Evropa, 2007.
18. Romanenko Y. M. *Ontologiya mifa: uchebnoe posobie*. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006.
19. Toporkov A. L. *Teoriya mifa v russkoy filologicheskoy nauke XIX veka*. M.: Indrik, 1997.
20. Toporov V. N. *O rituale: vvedenie v problematiku // Arhaicheskii ritual v folklornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh / sost. L. Sh. Rozhanskiy*. M.: Nauka, 1998.
21. Hyubner K. *Istina mifa*. M.: Respublika, 1996.
22. Shelling F. V. Y. *Vvedenie v filosofiyu mifologii // Sochineniya: v 2 t. T. 2: per. s nem. / sost., red. A. V. Gulyiga; prim. M. I. Levinoy i A. V. Mihaylova*. M.: Myisl, 1989.
23. Eliade M. *Svyaschennoe i mirskoe*. M.: Izd-vo MGU, 1994.

This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE), 2015.

Author's Bio

Shalaeva Anastasia Vladimirovna, lecturer at the School of Philosophy, Faculty of Humanities; research intern at the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGIT) National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: anastasiashalaeva@gmail.com

УДК 328.161

К ПРОБЛЕМЕ МИРОВОГО КРИЗИСА: ЕГО ГЕНЕЗИС, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А. С. Большаков¹, А. А. Большакова²

¹Балтийская академия туризма и предпринимательства, ²Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (Россия)

В статье раскрываются генезис, причины и возможные, в т.ч. социальные, последствия мирового кризиса; показываются факторы и источники формирования нелегальных мирохозяйственных отношений; раскрывается роль, место и значимость ненаблюдаемой экономики в мире и РФ. Обозначается сущность, роль и место глобальной культуры и экономики, социальных институтов общества в формировании кризиса и нелегальных мирохозяйственных (социальных) отношений.

Ключевые слова: мировой кризис; генезис, причины и последствия кризиса; ненаблюдаемая экономика, мирохозяйственные отношения, нелегальные мирохозяйственные (социальные) отношения, мировая экономика, глобализация, глобальная культура, глобальная экономика, социальные институты общества

Анализируя выступления и публикации в отношении генезиса, социально-экономических причин и последствий мирового кризиса, можно выделить следующие основные проблемные узлы, вокруг которых идет научный спор: 1) кризис можно было прогнозировать/кризис нельзя или очень сложно было прогнозировать; 2) кризис полезный (выгодный) для будущих экономик/ бесполезный (невыгодный) для будущих экономик (в какой мере и каких стран, лиц и элит?); 3) управляемый/неуправляемый (и в какой мере управляемый?); 4) относительно краткосрочный/относительно долгосрочный (более 3-5 лет); 5) сознательно и кем-то спровоцированный/хаотично возникший; 6) причины явные/причины скрытые.

В отношении длительности в 2015 г. можно констатировать, что кризис относительно долгосрочный. Называются разные цифры его активной фазы окончания: от 2016 до 2030 г. и более. Также уже можно сказать, что кризис носит комплексный характер и затрагивает различные сферы: экономическую, политическую, институциональную, социальную и культурную; финансовую, банковскую и производственную; сферу торговли, мировой торговой логистики, спроса и потребления.

Хочется надеяться, что последующие тезисы и рассуждения помогут ответить на многие сложные вопросы, касающиеся генезиса, социальных и экономических

причин, факторов и последствий мирового кризиса. Уже сейчас можно констатировать, что данный кризис будет иметь значимые социальные последствия.

По мнению аналитика «Калита-Финанс» Андрея Гангана [1], нынешний кризис будет полезен не для банков, а для всей финансовой и социальной системы в целом, обеспечивающей нормальное функционирование товарного сектора, а вместе с ним и положительный рост экономик промышленных стран. «Финансовый кризис может стать неким «санитаром леса», где слабые и неконкурентные банки подвергнутся ликвидации либо вынуждены будут искать возможности объединения с более крупными и устойчивыми финансовыми институтами». Известно, что процессы реорганизации и интеграции в сложные для национальных экономик времена – явление довольно частое. Проводя целенаправленные банкротства, диверсифицируя материальные, финансовые и трудовые ресурсы, промышленные компании, финансовые институты и банки добиваются определенной синергии. Вопрос состоит в том, способна ли власть проводить независимую антикризисную политику, затрагивая интересы элит, или представители этих элит будут «дирижировать» процессами антикризисного управления во власти. Ведь не секрет, что новые «антикризисные» организации (например, по работе со средствами стабилизационного или резервного фондов) создаются лишь с целью совершения каких-либо финансовых афер по отмыванию средств финансовых или промышленных групп, тесно связанных с властью. Стало уже понятно, что в числе основных причин мирового финансового кризиса – халатное (а может быть, и преступное?) отношение крупнейших финансовых институтов, конкретных лиц и элит к работе с финансовыми рынками и рисками. В итоге «надулся и лопнул деривативный пузырь», не обеспеченный реальными осязаемыми товарами и услугами. К этому следует добавить, что многие ведущие экономики мира (например, США) вели политику, соответствующую узким эгоистичным интересам западных элит, особо не задумываясь о мировых последствиях. Личные интересы активно доминировали над общественным благом, и никакие общественные демократические институты (парламенты ведущих государств, Совет Европы, власть Евросоюза и пр.) не смогли скорректировать данную тенденцию. Более того, «демократические» институты Запада усложнились и расширялись, увеличивались объёмы потребления финансовых ресурсов властных элит. Любое излишнее усложнение системы приводит к снижению её эффективности и необходимости реорганизации. Мировой финансовый кризис и «просигнализировал» о данных тенденциях.

Сущность тенденций такова, что к началу XXI века мы получили качественную новую экономику – экономику, ориентированную на работу с виртуальной стоимостью – стоимостью деривативов (ценных бумаг 1,2,3,...n очереди), не обеспеченных стоимостью реальных активов. Если в начале и середине XX века экономические теории строились на базе понятий «стоимость осязаемого товара», «стоимость услуги», «стоимость актива» (которые можно было измерять), то к концу XX – началу XXI века стал активно расширяться рынок принципиально новых товаров – виртуальных активов, которые имеют «рыночную» стоимость, обеспеченную псевдорейтингами банков и финансовых институтов, но не обес-

печиваются реальной стоимостью измеряемых материальных и нематериальных активов.

Манипулируя рейтингами американских и западных банков и финансовых компаний, стало возможным манипулировать стоимостями деривативов, объемы которых росли не по дням, а по часам и секундам. «Банки настолько увлеклись эмиссией сложных структурных деривативов и перераспределением рисков, что полностью начали игнорировать все базовые принципы риск-менеджмента. В итоге мы получили крупнейший за последние десятилетия кризис ликвидности и недоверия, а финансовые институты, «перераспределявшие» риски, либо обанкротились, либо списывают миллиардные убытки», – поясняет Ганган [1]. Деривативная пирамида стала рушиться. Еще более остро и точно эту мысль выразил избранный 27 января 2009 г. Патриарх Всея Руси Кирилл, оценив кризис в своей рождественской проповеди как «суд над стремлением богатеть любыми средствами, забывая, что подлинные ценности, в том числе и деньги, есть результат человеческого труда, а не финансовых схем и операций» [4].

В контексте вышеизложенного возникает правомочный вопрос: существуют ли ответственные за мировой финансовый кризис, или все это произошло случайно, с помощью «невидимой руки рынка» Адама Смита. И на этот вопрос мы получаем весьма недвусмысленный ответ: «Мировой финансовый кризис – дело рук 25 человек» [3]. В газете «Гардиан» на главной полосе: «Отцы кризиса»: поименный список. Британцы решили поименно назвать виновников финансового кризиса. Авторами нынешнего кризиса оказались как видные представители бизнеса, так и крупнейшие политики. Одним из главных виновников газета называет Алана Гринспена (бывший глава Федеральной резервной системы США), именуемого «оракулом» или «маэстро». Именно он обвиняется в том, что допустил масштабный рост стоимости «ипотечного (деривативного) пузыря», случайно (или умышленно?), занижая процентные ставки ипотечных займов. Видный миллиардер Уоррен Баффет назвал его действия «финансовым оружием массового поражения». Но и сам Уоррен Баффет также оказался в списке The Guardian в номинации тех, «кто предвидел наступающий кризис» (знал будущие последствия и делал на этом деньги).

Соседние позиции с отмеченными персонами делят Джон Сорос, бывший руководитель Standard & Poor's Кэйтлин Корбет, глава американского хедж-фонда Джон Полсон. Непосредственными виновниками кризиса газета The Guardian называет руководство страховой компании American International Group Inc., а также руководство крупнейших американских и британских банков Lehman Brothers, Goldman Sachs, Merrill Lynch, Northern Rock, Bank of England, Halifax Bank of Scotland, Royal Bank of Scotland, Bradford & Bingley, Northern Rock, Bear Stearns и др. Из политиков помимо Джорджа Буша здесь оказались и Билл Клинтон, Гордон Браун, бывший сенатор от Техаса Фил Грэм. Именно эти политики лоббировали интересы Уолл Стрит и Сити, открывавшие возможность получать кредиты и ссуды на покупку жилья под необеспеченные гарантии и необеспеченные проценты.

На этом фоне в 2015 г. весьма иронично выглядят заявления наших политиков. «Выход российской экономики из международного финансового кризиса

начнется в конце 2009 года и начале 2010 года», – сказал премьер-министр РФ Владимир Путин 27 января в интервью агентству Bloomberg [2]. Он также отметил, что кризис заставляет Россию действовать более рационально, применять новые технологии, оптимизировать производство, повышать качество персонала, заниматься переподготовкой кадров. «Все это настраивает нас на то, чтобы выйти из кризисного периода более зрелыми, имеющими лучшие перспективы развития», – сказал Владимир Путин. По его словам, с восстановлением мировой экономики и естественные преимущества России в сырьевых секторах экономики «должны по-новому заиграть». Российский премьер-министр выразил готовность в отечественных сырьевых секторах переходить к современным, более высокотехнологичным способам производства. В 2009 г. на заседании Государственной Думы РФ членами правительства были озвучены уже другие цифры: мировой кризис продолжится в течение 3 лет, радикально сдержать его будет невозможно, но противостоять можно и нужно! Из приведенных выше разносторонних мнений видно, что власти для контроля ситуации вынуждены нередко «гипнотизировать» население позитивной информацией по причине недопущения паники, по причине необходимости сохранения своих собственных должностей. Телевидение и радио (за редким исключением) вынуждено проводить «позитивную» информационную политику с целью недопущения беспорядков, подобных на Болотной площади в Москве и в Украине.

В 2015 г. проявления кризиса в РФ усугубились западными санкциями против нашей страны. Потребление снизилось, цены и инфляция, процент безработных увеличились, курс рубля упал, выплаты РФ по долгам уменьшились или вообще прекратились (например, выплаты долгов Украиной). Объёмы внешней торговли, инвестиции в нашу страну также уменьшились. Позитивным остался, видимо, один фактор: внешний долг нашей страны вырос незначительно и не сильно обременяет внутреннюю экономику, чего не скажешь, например, о Греции, Италии, Испании, Португалии (странах Южной Европы и др.). На этом фоне в 2014-2015 гг. происходят значимые политические и идеологические конфликты: в Северной Африке, на Ближнем Востоке, во Франции. Исламская идеология обозначила себе право создания Исламского государства (ИГ), которое начало вести агрессивную войну против географически близких государств. Причины конфликта очевидны: неблагоприятная демографическая ситуация (высокая плотность населения), бедность, отсутствие социальных лифтов и слабо коррумпированных политических институтов. Официальная идеология ИГ базируется на идеи справедливости для всех, что недостижимо не только на Востоке (там экономическая и политическая стабильность всегда обеспечивалась сильной авторитарной властью), но и в Западной Европе, где идеи справедливости, одетые в форму парламентаризма, извратили сами себя, создав вокруг себя организации и элиты, паразитирующие на результатах осязаемого труда. Относительными исключениями здесь являются Германия, Франция и Великобритания, решающая проблемы других, более слабых стран Западной Европы.

К социально-экономическим причинам и генезису кризиса следует добавить ещё один, весьма значимый, фактор нестабильности – *нелегальные мирохозяй-*

ственные (социальные) отношения физических и юридических лиц, элит (социальных страт) и даже стран.

Нелегальные мирохозяйственные (социальные) отношения часто рассматриваются как следствие несовершенства институциональных, правовых и экономических механизмов и институтов, как проекция дифференцированности общественных институтов, производных от национальных и глобальной культур. Существуют также мнения, что нелегальные экономические и мирохозяйственные отношения замещают несовершенные, конфликтные отношения формальной экономики, «помогают» ей выживать в условиях несовершенной конкуренции, несовершенной системы перераспределения доходов и капиталов, несовершенного ценообразования, противоречий и конфликтов. В отечественных и зарубежных источниках системное, *социокультурное* представление о нелегальных, неформальных, скрытых мировых экономических отношениях и проблемах начинает только формироваться. Понятия «теневая», «контрабандная», «криминальная» экономика постепенно дополняется иными терминами: ненаблюдаемая, открыто не контролируемая, двойная, неформальная экономика и др. Исследователи предпочитают анализировать эти понятия по отдельности. Одна из первых работ, посвященная контрабанде, была опубликована в России в 1985 г. (Зеленский Ю. И. Контрабанда – язва империализма. М.: Международные отношения, 1985). Комплексных системных исследований по криминальной глобализации экономики в российской литературе почти нет, если не считать отдельные исключения, например, книгу В. С. Овчинского «XXI век против мафии, или «Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности» (М.: ИНФРА-М, 2001), а также некоторые диссертации начала XXI века, рассматривающие достаточно узкие аспекты данной проблемы. В зарубежных источниках образцом системного и комплексного подходов к нелегальным (теневым) аспектам мирохозяйственных отношений может считаться подготовленный в 2000 г. Советом Национальной Безопасности США доклад «International Crime Threat Assessment» [5].

В качестве примера роли и значимости «ненаблюдаемой» экономики в РФ представим следующие статистические данные, приведенные до 2002 г. (табл. 1, 2) [6, 7]. Надо учитывать, что многие позиции нелегальной экономики в эти таблицы не сведены и являются конфиденциальной информацией.

Таблица 1

Валовая добавленная стоимость ненаблюдаемой экономики в России в 2002 г. [6]

Сферы деятельности	Доля ненаблюдаемой экономики в отрасли	В т.ч. теневая	В т.ч. неформальная
Производство товаров, в т.ч.:	19,7	6,5	13,1
Промышленность	10,5	8,0	2,5
Сельское хозяйство	76,9	3,0	73,9
Строительство	11,0	4,7	6,3
Производство услуг, в т.ч.:	33,9	23,2	10,7
Транспорт	19,5	15,3	4,2
Торговля	51,6	35,8	15,8
Общая коммерческая деятельность	51,7	57,7	0,0

Окончание табл. 1

Сферы деятельности	Доля ненаблюдаемой экономики в отрасли	В т.ч. теневая	В т.ч. неформальная
Жилищное хозяйство	61,7	0,0	61,7
Бытовое обслуживание	24,7	-	24,7
Здравоохранение	35,4	16,7	18,6
Образование	21,9	6,8	15,1
Культура и искусство	18,1	16,7	1,4
Управление	96,4	4,5	91,9
Доля в ВВП	22,1	12,6	9,5

Таблица 2

Доля теневой экономики в ВВП России, % [7]

Доли теневой экономики	1990	1992	1994	1996	1998	2000	2002
Доля теневой экономики в ВВП по данным МВД	10	27	39	46	40-50	-	-
Доля теневой экономики по данным Госкомстата	10	10	10	23	22-25	22-25	22-25

По официальным данным Международного статистического комитета СНГ в 2002-2003 гг. доля «ненаблюдаемой» экономики в ВВП оценивалась в Армении, Грузии, Молдове, Узбекистане в диапазоне 29-33 %; в Казахстане, России, Таджикистане, Туркменистане – 22-27 %; в Азербайджане, Кыргызстане, Украине – 17-19 %; в Белоруссии – 11% [8]. Примерно на таком же уровне оценивалось значение «ненаблюдаемой» экономики и в 2005 г., «от 10 % в Беларуси до 30 % в Таджикистане» [9]. Это означает, что в странах СНГ до одной трети ВВП представляет собой расчетную величину, которая должным образом не учтена в официальных документах, следовательно, не включенную в правовую систему стран и ограниченно включенную в воспроизводственный процесс национального хозяйства. Соотношение между теневой и неформальной экономикой в России в целом и по отраслям производства приведены в статье И. Д. Масаковой [6, с. 4].

Следует заметить, что термин «ненаблюдаемая» экономика широко употребляется в научной литературе, но не отражает всей смысловой палитры этого понятия. «Ненаблюдаемая» экономика предполагает ее «ненаблюдение» гражданским обществом (в большинстве своем), но ни в коей мере не предполагает ее «ненаблюдение» спецслужбами и физическими и юридическими лицами, заинтересованными в ее процветании. Именно поэтому корректнее, по нашему мнению, говорить о нелегальных мирохозяйственных отношениях, скрытых от измерения их гражданским обществом и не отражаемых в открытых официальных финансовых и других подобных документах.

Нелегальные «ненаблюдаемые» мировые экономические и социальные отношения следует разделить на три группы:

- 1 – «ненаблюдаемые» официальными гражданскими государственными экономическими отчетными институтами;
- 2 – «ненаблюдаемые» этими институтами, но наблюдаемые частично спецслужбами, экспертами, исследователями;
- 3 – открыто не наблюдаемые, но прогнозируемые (они контролируются только физическими и юридическими лицами, включенными в эти нелегальные, неформальные, теневые отношения).

Очевидно, что между этими группами экономических отношений существуют органические взаимосвязи. Информация из одной группы может перетекать в другие оставшиеся группы, видоизменять динамику, структуру, управление и правила ведения бизнеса ненаблюдаемой экономики (сектора экономики) в целом. Задача государства – организовать мониторинг этих трех составляющих, выявить и оценить преимущества и ущерб от функционирования нелегальных бизнесов, создать приемлемые условия для их легализации. Например, потенциал наркобизнеса можно использовать в медицинских и других целях государств, делая закупки по фиксированным ценам и по легальным правилам. Нелегальные миграционные процессы также можно встроить в систему квот на трудовые ресурсы, перераспределить миграционные потоки по специально разработанным правилам на группу развитых государств и т.д.

По данным журнала «Экономическая теория преступлений и наказаний» [10] и иных журналов и источников [11, 12 и др.], можно выделить двойную структуру развития нелегальных мирохозяйственных отношений и явлений в мировом хозяйстве (табл. 3). В этой таблице отражены основные компоненты легального и нелегального мирового хозяйства. Здесь по сути отражается двойная структура мирового хозяйства, компоненты которого взаимовлияют друг на друга и взаимообуславливают мировую экономику в целом, ее динамические характеристики, локальные и глобальные экономические кризисы.

Таблица 3

Двойная структура современного мирового хозяйства

Основные компоненты легального мирового хозяйства	Основные компоненты нелегального мирового хозяйства
Международное движение товаров для окончательного потребления	
Легальная торговля легальными товарами	Контрабанда – нелегальная торговля нелегальными (наркотики, оружие) и легальными (сигареты, автомашины) товарами
Международное движение факторов производства	
Легальная миграция рабочей силы	Нелегальная миграция, торговля людьми
Легальное движение сырьевых ресурсов (полезные ископаемые, древесина и др.)	Контрабанда сырьевых ресурсов (нефть, алмазы, останки редких животных и др.)
Легальное движение капиталов	Международное отмывание денег
Легальное движение информационных ресурсов («ноу-хау», патенты)	Экономический шпионаж, торговое «пиратство»
Международные экономические институты	
Легальные международные финансовые системы (международные банки, валютная система)	Нелегальные международные финансовые системы (хавала и др.)

По данным Совета Национальной Безопасности США (доклад «International Crime Threat Assessment») и другим источникам, к основным нелегальным (теневым, преступным, открыто ненаблюдаемым) мирохозяйственным экономическим отношениям следует отнести следующие [11, 13-15]: наркобизнес, нелегальная торговля оружием, контрабанда легальных сырьевых товаров, подделка товаров и товарных марок, нелегальная миграция населения и трудовых ресур-

сов, контрабанда легальных потребительских товаров, отмывание денег и сокрытие доходов, экономический шпионаж, географические «серые» зоны.

К отмеченным выше нелегальным мирохозяйственным отношениям в начале XXI века следует также отнести: глобальные экономические и финансовые сговоры, коррупционные мировые отношения в пользу узкого круга физических и юридических лиц, сращивание (интеграцию) интересов государственного аригархата с мировым бизнес-аригархатом, теневые (преступные) мировые финансовые операции, осуществляемые виртуально с помощью IT-средств, теневые (преступные) мировые биржевые операции, локальные военные конфликты, инициируемые бизнесом и лоббируемые политиками как средства реализации бизнес-интересов.

Таким образом, развитие мировой экономики как проекции мегакультуры ведет не только к позитивному хозяйственному взаимодействию разных стран мира, но и к стимулированию криминализации экономики, в том числе из-за дифференцированности национальных культур. В XXI в. предстоит искать пути эффективного регулирования развития мирового хозяйства, искать пути решения проблем бедности отдельных стран и регионов.

«Ненаблюдаемые» составляющие мировой экономики, по мнению профессора Н. В. Раскова [12], включают неформальную, скрытую (теневую) и незаконную (нелегальную) производственную деятельность. Ученый обосновывает тезис о том, что главной особенностью ненаблюдаемой экономики является то, что она не обеспечена должным образом рыночными институтами и формальными правовыми актами. Это ограничивает возможности эффективного использования ресурсов, находящихся в этой сфере. Масштабы ненаблюдаемой экономики во многом свидетельствуют о степени завершенности переходного периода в посткоммунистических странах и качестве сложившейся там рыночной капиталистической системы хозяйства. Завершенность институциональных преобразований позволит включить в единый хозяйственный оборот значительную часть ресурсов, что положительно скажется на динамике экономического роста и социальных преобразований. «Ненаблюдаемая» экономика, по мнению профессора Н. В. Раскова, – это огромный резерв эффективного развития стран с переходной экономикой. Использовать его можно, в первую очередь, посредством совершенствования институциональных основ рыночной экономики и демократических основ государственного устройства, в результате чего должно завершиться формирование единого рыночного и институционального пространства социально-экономической системы.

Но, по нашему мнению, вывод профессора Н. В. Раскова неочевиден, т.к. причины ненаблюдаемости, нелегальности и неформальности мировой экономики находятся не только в институциональном поле, но и в поле социально-экономических (структурных), *этнических, культурных, религиозных*, ресурсно-перераспределительных отношений, например, высоком уровне дифференциации доходов и экономического развития для различных государств и регионов, проблеме бедности, коррупции, неравномерности и высокой дифференциации в распределении и перераспределении природных ресурсов и др. Перечисленные со-

ставляющие представляются базисными, ключевыми по отношению к институциональным и юридическим составляющим, в крайнем случае, правомочно говорить о синергии обеспечения ненаблюдаемой экономики с соответствующими институтами государства. Необходимо также учитывать, что во многих ситуациях осуществить это невозможно, т.к. дополнительный институт общества экономически затратен по своей сути и часто несет в себе эндогенные и экзогенные причины коррупции, возможных сговоров, что усугубляет ситуацию и часто приводит к росту ненаблюдаемых (скрытых) экономических отношений. Весьма часто принятие нового (на первый взгляд, позитивного) закона создаёт условия для создания и функционирования новых затратных функций и организаций, действующих не во благо государства, а в интересах конкретных лиц и элит, которые в свою очередь создают новые надстройки, усложняя эту организацию и провоцируя кризис. Очевидно, что это приводит к экономическим преимуществам тех юридических и физических лиц, которые разрабатывают эти инструменты, и к снижению эффективности государства в целом.

Учитывая вышесказанное, можно сформулировать следующие выводы и дать практические рекомендации в отношении мирового кризиса.

- Временной диапазон кризиса и его «глубина» будет зависеть от скорости разрешения конфликта социальных и личных интересов: конкретных физических и юридических лиц и элит с интересами целого – государств, регионов, союзов; насколько быстро пострадают интересы конфликтующих юридических и физических лиц, настолько быстрее пройдет реорганизация бизнеса, возникнут предпосылки к его новой организации и синергии; к сожалению, лоббирование крупных и влиятельных компаний и банков своих экономических интересов во властных структурах не предполагает быструю реорганизацию и новую интеграцию бизнеса.

- Деривативная часть экономики государства должна быть взята под нормативный и правовой прозрачный контроль; оценка и страхование рисков, хеджирование, механизмы страхования должны быть подвергнуты тщательной государственной ревизии и аудиту; должно быть исключено лоббирование интересов компаний и бизнеса во властных структурах, разработаны механизмы, обеспечивающие это исключение; приоритеты интересов целого над интересами частного, оперативное регулирование и оптимизация налогообложения должны стать основными средствами достижения антикризисных целей.

- Государству необходимо периодически контролировать и влиять на три базовых измерения платежного баланса: 1) стоимостное соотношение объемов импорта и экспорта с обязательным выделением доли от нелегальной (ненаблюдаемой) экономики; 2) стоимостное соотношение объемов притока и оттока зарубежного капитала (инвестиций) с обязательным выделением доли, не способствующей развитию отечественной экономики; 3) стоимостное соотношение ВВП, пользующегося перспективным повышенным спросом к ВВП, не пользующегося перспективным повышенным спросом.

- Необходимо оптимизировать финансовую структуру и систему по принципу «банкротство слабых и низкорейтинговых хозяйствующих организаций и банков» – «их реорганизация и интеграция с организациями с достаточно высокой

репутацией» (если это возможно); к сожалению, коррупция, личные и социальные связи элит с властью не позволяют провести эту операцию достаточно быстро.

- Необходима разработка обоснованных планов работы с трудовыми человеческими ресурсами, инновационные государственные планы и проекты (строительство новых дорог, новой инфраструктуры, новых предприятий и т.д.) должны обеспечивать синергию для экономического роста целого, повышение занятости населения, снижение % безработных и социальной напряженности.

В отношении нелегальных мирохозяйственных и социальных отношений надо иметь в виду следующее:

- необходимо различать нелегальные мирохозяйственные (социальные) отношения в интересах бизнес-алигархата и нелегальные мирохозяйственные (социальные) отношения в интересах беднейших страт общества (нелегальная миграция, наркобизнес и т.д.); вторую группу мирохозяйственных можно и нужно пытаться *институционально, культурно и экономически* регулировать со стороны государства, если государственные институты не интегрированы в этот нелегальный бизнес; вторая группа таких отношений несет в себе «сигнал» мировому бизнес-алигархату о необходимости обеспечения стабильности всего мирового пространства;

- нелегальные мирохозяйственные (социальные) отношения отражают, с одной стороны, несовершенство всей мировой хозяйственной системы, слабость мировых интеграционных механизмов (ООН, ЕС, ЮНЕСКО и др.), их уязвимость и коррупционность, слабость всей мировой культуры как мегасистемы, а с другой – отражая негативные «сигналы», соответственно обозначают векторы для мирового позитивного развития и для мировой позитивной интеграции;

- нелегальные мирохозяйственные (социальные) отношения, по мнению некоторых исследователей, неизбежно обуславливают необходимость создания мирового правительства со своей собственной культурой, функции которого и будут направлены на искоренение отмеченных выше негативных проявлений;

- тенденция к тотальной информатизации отношений, «чипизация» и кодирование физических и юридических лиц на фоне нелегальных экономических и социальных транзакций и отношений может привести к созданию соответствующих «электронных» властных структур и даже «правительств» [17, 18], которые могут радикально изменить мировую культуру, мирохозяйственные институциональные и экономические уклады.

Нелегальные мирохозяйственные отношения с соответствующими измеряемыми экономическими и социокультурными проявлениями и показателями суть индикаторы, с помощью которых мировая экономика должна найти вектор своего позитивного развития как в институциональном, так и в транзакционных, логистических, юридических, социальных и политических, культурных аспектах взаимодействия стран с целью обеспечения стабильности всего мирового пространства.

Список литературы

1. Греф Г. Это кризис на несколько лет. URL: <http://www.vz.ru/economy/2009/1/28/250831.html>
2. В. Путин о перспективах выхода экономики России из международного финансового кризиса. URL: <http://russian.cri.cn/841/2009/01/28/1s275306.htm>

3. Чинкова Е. Мировой финансовый кризис – дело рук 25 человек. URL: <http://www.kp.ru/online/news/192414/>
4. Азербайджанское государственное информационное агентство. Рождественская проповедь митрополита посвящена кризису. URL: http://azertag.az/ru/xeber/ROZHDESTVENSKAYA_PROPOVED_MITROPOLITA_POSVYASHCHENA_KRIZISU-697696
5. Internahional Crite Threat Assessment. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/NSC/html/documents/pub45270/pub45270index.html>
6. Масакова И. Д. Современная практика оценки ненаблюдаемой экономики и проблемы по ее измерению в условиях модернизации национальных классификаторов // Вопросы статистики. 2004. № 10.
7. Елисеева И. И., Щирин А. Н., Капралова Е. Б. Определение объема теневой деятельности на основе макроэкономических показателей // Вопросы статистики. 2004. № 4.
8. Основные макроэкономические показатели стран содружества независимых государств. 1995-2004. Статистический сборник. М., 2005.
9. Обзор оценок ненаблюдаемой деятельности при расчете валового внутреннего продукта стран СНГ // Вопросы статистики. 2008. № 10.
10. Криминальная глобализация экономики. Часть I. Контрабанда – ведущий международный криминальный промысел // Экономическая теория преступлений и наказаний. № 5-1.
11. Доклад Совета Национальной Безопасности США «International Crime Threat Assessment». URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/NSC/html/documents/pub45270/pub45270index.html>
12. Расков Н. В. Ненаблюдаемая экономика как потенциальный ресурс развития рыночного хозяйства // Проблемы современной экономики. № 2(30): Евразийский международный научно-аналитический журнал. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=25784>
13. Жилин Ю. Глобализация в контексте развития современной цивилизации // Свободная мысль - XXI. 2002. № 4. С. 33.
14. Латов Ю., Преображенский Д. Мировая экономика // Онлайн энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/MIROVAYA_EKONOMIKA.html
15. Ненаблюдаемая экономика: материалы научного семинара Фонда Либеральная миссия. URL: <http://www.liberal.ru/articles/1174>
16. Мировое правительство // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> 2015 г.
17. Электронное правительство // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> 2015 г.
18. Административная реформа в РФ. Электронное правительство // Электронная Россия URL: http://ar.economy.gov.ru/ru/about/el_russia/el_gov/. 2015 г.

Дата поступления в редакцию: 21.10.2015

Авторская справка

Большаков А. С., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга Балтийской академии туризма и предпринимательства, Санкт-Петербург, Россия. Большакова А. А., юрист, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: bolshakov62@mail.ru

---

UDC 328.161

TO THE PROBLEM OF WORLD CRISIS: ITS GENESIS, THE SOCIAL AND ECONOMIC REASONS AND POSSIBLE CONSEQUENCES

A. S. Bolshakov, A. A. Bolshakova

Baltic Tourism and Business Academies, St.-Petersburg, The State University of Space Instrument Making (Russia)

Abstract. Article opens genesis, the reasons and possible, including social consequences of world crisis, are shown factors and sources of formation of illegal world economic relations; the role, a place and the importance of not observable economy in the world and the Russian Federation reveals. The essence, a role and a place of global culture and economy, social institutes of a society in formation of crisis and illegal world economic (social) relations is designated.

Keywords: world crisis; genesis, the reasons and crisis consequences; not observable economy, world economic relations, illegal world economic (social) relations, world economy, globalization, global culture, global economy, social institutes of a society

References

1. Gref G. Jeto krizis na neskol'ko let. URL: <http://www.vz.ru/economy/2009/1/28/250831.html>
2. V. Putin o perspektivah vyhoda jekonomiki Rossii iz mezhdunarodnogo finansovogo krizisa. URL: <http://russian.cri.cn/841/2009/01/28/1s275306.htm>
3. Chinkova E. Mirovoj finansovyj krizis – delo ruk 25 chelovek. URL: <http://www.kp.ru/online/news/192414/>
4. Azerbajdzhanskoe gosudarstvennoe informacionnoe agentstvo. Rozhdestvenskaja propoved' mitropolita posvjashhena krizisu. URL: http://azertag.az/ru/xeber/ROZHDESTVENSKAYA_PROPOVED_MITROPOLITA_POSVYASHCHENA_KRIZISU-697696
5. Internahional Crite Threat Assessment. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/NSC/html/documents/pub45270/pub45270index.html>
6. Masakova I. D. Sovremennaja praktika ocenki nenabljudaej jekonomiki i problemy po ee izmereniju v uslovijah modernizacii nacional'nyh klassifikatorov // Voprosy statistiki. 2004. № 10.
7. Eliseeva I. I., Shhirina A. N., Kapralova E. B. Opredelenie ob#ema tenevoj dejatel'nosti na osnove makrojekonomicheskikh pokazatelej // Voprosy statistiki. 2004. № 4.
8. Osnovnye makrojekonomicheskie pokazateli stran sodruzhestva nezavisimyh gosudarstv. 1995-2004. Statisticheskij sbornik. M., 2005.
9. Obzor ocenok nenabljudaej dejatel'nosti pri raschete valovogo vnutrennego produkta stran SNG // Voprosy statistiki. 2008. № 10.
10. Kriminal'naja globalizacija jekonomiki. Chast' I. Kontrabanda – vedushhij mezhdunarodnyj kriminal'nyj promysel // Jekonomicheskaja teorija prestuplenij i nakazanij. № 5-1.
11. Doklad Soveta Nacional'noj Bezopasnosti SShA «International Crime Threat Assessment». URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/NSC/html/documents/pub45270/pub45270index.html>
12. Raskov N. V. Nenabljudaej jekonomika kak potencial'nyj resurs razvitija rynochnogo hozjajstva // Problemy sovremennoj jekonomiki. № 2(30): Evrazijskij mezhdunarodnyj nauchno-analiticheskij zhurnal. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=25784>
13. Zhilin Ju. Globalizacija v kontekste razvitija sovremennoj civilizacii // Svobodnaja mysl' - XXI. 2002. № 4. S. 33.
14. Latov Ju., Preobrazhenskij D. Mirovaja jekonomika // Onlajn jenciklopedija Krugosvet. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/MIROVAYA_EKONOMIKA.html
15. Nenabljudaej jekonomika: materialy nauchnogo seminaru Fonda Liberal'naja missija URL: <http://www.liberal.ru/articles/1174>
16. Mirovoe pravitel'stvo // Vikipedija. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/2015_g.
17. Jelektronnoe pravitel'stvo // Vikipedija. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/2015_g.
18. Administrativnaja reforma v RF. Jelektronnaja Rossija. Jelektronnoe pravitel'stvo. URL: http://ar.economy.gov.ru/ru/about/el_russia/el_gov/. 2015 g.

Author's Bio

Bolshakov A. S., the Doctor of Economics, the professor, managing chair of management and marketing of the Baltic Academy of Tourism and Business, St.-Petersburg, Russia.
 Bolshakova A. A., the lawyer, the St.-Petersburg State University of Space Instrument Making, St.-Petersburg, Russia. E-mail: bolshakov62@mail.ru

УДК 316.485.2

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ В ФОКУСЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Б. Г. Ганчевский
София (Болгария)

В статье исследуются феномены национальной безопасности и террористических угроз в современном мире. Автор анализирует взаимосвязь национальной безопасности и роста терроризма в современном мире, а также новые факторы и новые технологии распространения терроризма и его влияние на современный мир. Основой статьи явился исторический опыт террористических акций в Республике Болгария и личный опыт автора статьи.

Ключевые слова: террористические угрозы, национальная безопасность, новые факторы и технологии современного терроризма

В последние годы в мире произошли кардинальные перемены. Значительно изменились идеология террористических организаций и групп, их мотивация и средства достижения целей. Мощное развитие технологий и привлечение средств массового уничтожения изменили основные направления действий и масштабы террористических актов, которые превратились в практику в террористических операциях. Это определяет современный терроризм как войну и глобальную угрозу в ближайшие десятилетия. Древняя китайская пословица «Убей одного – напугаешь сотню» трактуется современными террористами по-новому: «Убей тысячи – посеешь панику у миллионов».

Резкое увеличение числа террористических организаций, объединение их в группы и общую террористическую сеть, которая распространилась почти по всему миру, можно назвать «террористическим интернационалом».

Террористическую деятельность в современном мире характеризуют:

- крупномасштабные последствия террористических актов;
- чрезвычайно высокий уровень финансирования террористической деятельности;
- профессионализм и подготовка террористов на основе их опыта, накопленного во время участия в различных конфликтах;
- интернационализация членов террористических групп;
- активизация усилий по приобретению оружия массового уничтожения, их использование террористами;
- создание устойчивой связи между террористическими организациями и транснациональной организованной преступностью и наркобизнесом;
- резкое увеличение так называемых «терактов с использованием смертников» и участием в них женщин;
- стирание границ между внутренним и международным терроризмом.

На практике традиционное деление терроризма потеряло национальное и международное значение, потому что современный терроризм стал транснациональным из-за повышения активности религиозных и этнических общин, диаспор в различных странах. Во многих развитых государствах Европы, Азии и Америки образуются своего рода анклав, действующие в качестве этнических и политических форпостов своей страны. В контексте близких эмоциональных связей со своей родиной иммигранты являются свидетелями растущей передачи вражды, напряженности и боевых действий в стране, которая является их новым местом жительства. В настоящее время переживает значительный подъем религиозно мотивированный терроризм. В процессе формирования и становления находится этнический терроризм, который, скорее всего, в ближайшем будущем станет угрозой, аналогичной религиозному терроризму. Настоящий бум переживает технологический терроризм (ядерный, химический, биологический), связанный с использованием высокотехнологических достижений в террористической деятельности. Процессы глобализации привели к снижению роли национальных государств, возможности свободного передвижения через границы, получению информации, расширению связей и контактов, содействующих прогрессу человечества. Но параллельно эти процессы обеспечивают возможности для развития современных террористических сетей, преследующих свои цели. Среди важнейших процессов, которые формируют общий термин «глобализация», можно выделить включение отдельных стран в глобальную инфраструктуру, эрозию государственного суверенитета и усиление миграционных процессов.

В данной статье особое внимание уделим рассмотрению дихотомии «терроризм – инфраструктура», ее характеру, содержанию, роли и месту в мировой и национальных инфраструктурах. В современном глобальном масштабе инфраструктура включает в себя транспортную систему (наземный – автомобильный и железнодорожный, водный и воздушный транспорт), энергетическую систему, нефте- и газопроводы и телекоммуникации (фиксированные и мобильные сети). Инфраструктура включают в себя поддержку систем: аэропорты, порты, железнодорожные и автобусные станции, телекоммуникационное оборудование, системы технического обслуживания, безопасности и наблюдения. Глобальная инфраструктура постоянно совершенствует технологические системы, в которых сосредоточена существенная часть современных инноваций и которая олицетворяет технический гений человечества. Тем не менее роль глобальной инфраструктуры двоякая. С одной стороны, она обеспечивает быстрое, массовое и свободное движение капитала, материальных активов, людей и информации, тем самым способствуя развитию мировой экономики и распространению технологических и культурных инноваций. С другой стороны, развитие глобальной инфраструктуры создает благоприятную среду для расширения трансграничной организованной преступности, неконтролируемой миграции и волн террористических актов.

В некотором смысле инфраструктура является центром существования и проявления терроризма, своего рода «театром военных действий», а ее объекты – целями для уничтожения, объектами террористических атак.

В процессе развития страны становятся более зависимыми от высоких технологий, в том числе компьютерных систем, от которых во многом зависит управление жизненно важной национальной инфраструктурой. Благодаря своей сложности и взаимозависимости эти системы представляют собой уникальную цель для террористических атак. Такие атаки могут быть проведены с помощью компьютера. Их следствие – цепь аварий и крах системы управления и контроля (аварии на трубопроводах (нефть и газ) и масштабные отключения электроэнергии). Все это подробно обсуждается и анализируется в средствах массовой информации, специальных изданиях, интернете. Террористы тщательно следят за подобными обсуждениями и осознают тот факт, что национальная инфраструктура является важной, но уязвимой целью. Особенно опасен для развития современных технологий, объектов инфраструктуры кибертерроризм.

Удары кибертеррористов могут быть направлены против банковской и торговой систем, электронных услуг, управляемых компьютерными системами, газопроводов, электрических сетей, систем управления землей и воздухом, телефонных систем, здравоохранения, военных систем связи и логистики. В той или иной форме все они уязвимы для электронных атак и подрывной деятельности. В настоящее время большая террористическая атака на сайты критической инфраструктуры на одном конце света может привести к серьезным экономическим последствиям в другом. Требуются глобальные усилия по защите критической инфраструктуры во всем мире, тесное сотрудничество с национальными правительствами и частным сектором.

Угрозы террористов вызывают изменения в характере и содержании инфраструктуры. В рамках усилий по противодействию угрозам и их ликвидации в некоторых странах созданы специальные институты для защиты инфраструктуры от террористических атак. В 1996 году президент США создал Комиссию по защите критической инфраструктуры. Ее задачами стали контроль над сайтами, которые имеют важное значение для национальной безопасности, оценка их уязвимости и разработка предложений по мерам национальной политики, а также разработка стратегии организации защиты инфраструктуры от нападений со стороны физических и электронных средств. В обязанности этой комиссии также вошли подготовка юридических документов и конкретных планов по устранению недостатков и уязвимости объектов критической инфраструктуры. Несмотря на большой бюджет и усилия комиссии, не удалось предотвратить трагедию 11 сентября 2001 года.

Трагические события последних лет и месяцев свидетельствуют о том, что объектами террористов могут быть как экономические, так и спортивные, культурные и религиозные объекты.

В ближайшем будущем бум в развитии высоких технологий создаст условия для предотвращения виртуальных угроз терроризма. Не исключено, что некоторые из террористических организаций существуют благодаря виртуальному про-

странству. Они ведут подготовку террористических актов и операций против стран с развитой компьютерной сетью, преследуют и другие цели.

В настоящее время изменился характер угроз для инфраструктуры будущего, повысилась необходимость изучения проблем стратегии эффективного реагирования. Сложность повышения безопасности инфраструктуры усугубляется тем, что значительная часть предприятий и компаний находится в частной собственности. Это означает необходимость разработки и принятия комплекса мер правового и организационного регулирования отношений между государством и частными компаниями, в том числе и в Болгарии.

Существуют пять ключевых понятий, которые характеризуют предмет и объект нашего исследования.

1. **ПОНИМАНИЕ.** По нашему мнению, терроризм может быть определен в рабочем порядке как политически мотивированная криминальная преступность, повторяющаяся в национальных, международных условиях.

Террористическая деятельность в свою очередь состоит из трех основных **элементов**: а) политической мотивации; б) криминального насилия; в) организованности действий. Политическая мотивация отличает терроризм от общей (криминальной) и организованной преступности.

Чтобы могла сформироваться террористическая организация, необходимы как минимум **три условия**:

- доступ к деньгам, оружию и взрывчатым веществам;
- военные знания и возможность обучения членов террористической организации;
- надежные укрытия, что предполагает наличие государств, которые поддерживают террористов на своей территории и используют их для политических и военных целей.

Террористические организации объединяют различные субъективные силы, вышедшие из-под контроля, угрожающие и способные на исключительные разрушения, которые приводят к ужасному кризису, возникающему вследствие этих событий. Внезапные, насильственные, опасные или уничтожительные ситуации имеют последствия, далеко выходящие за рамки чрезвычайных событий.

2. **ОБЪЯСНЕНИЕ.** Психологические теории о преступности (Ганс Айзенк) связывают личность террориста с его предрасположением к **экстравертности** (низкие уровни возбуждения коры головного мозга), с высоким уровнем возбудимости нервной системы (**невротизм**) и большой жестокостью (**психотизм**).

Также можно выделить **основные мотивы террористов**, толкающие их на совершение преступлений (Курт Бартоль):

- 1) желание получить наслаждение от самого факта террористического акта;
- 2) получить власть над жертвой и испытать удовольствие от полного контроля над «жизнью и смертью» жертвы;
- 3) выполнить заказ, чтобы обратить на себя внимание и получить признание со стороны средств массовой информации;

4) убить из-за материальной выгоды, получения страховки, изменения в завещании, деления имущества.

5) по «стечению обстоятельств» (как стремление снять с себя ответственность за совершенные действия);

6) для самоутверждения среди других убийц при попадании в их группу.

Террористы используют разные модели поведения, которые им помогают как для совершения заказного убийства, так и для оправдания себя и своих действий и приписывания последствий другим лицам. Это основная причина выбора «профессии» террориста.

Ясно, что нельзя недооценивать серьезность угрозы национальной безопасности и экстремальных ситуаций. Необходимы изменения в национальных и международных юридических актах, создание нетерпимости к странам, которые поддерживают терроризм. Дестабилизация терроризма связывается и с ликвидацией существования террористических организаций (их денег, оружия и укрытий). Нетерпимость к терроризму, противодействие его угрозам необходимо осуществлять в рамках международного и национального права, уголовного и уголовно-процессуального законодательства страны, с согласия широкого круга влиятельных государств или под эгидой ООН. Также необходимо проводить обучение сотрудников правоохранительных органов как в области противодействия терроризму, так и в области оказания психологической помощи пострадавшим от него.

3. СОДЕЙСТВИЕ. Все государства и разные партии, которые управляют ими, несмотря на идеологические различия, должны объединиться и согласиться с тем, что терроризм – это вирус, который мутирует и угрожает национальной безопасности всех государств в мире.

Можно сказать, что, несмотря на значительные потери, понесенные «Аль-Каида», «Ансар аль-Ислам», «Моджахеды-е Хальк» и др., эти экстремистские организации в целом сумели адаптироваться к меняющимся условиям. Наиболее характерной чертой является децентрализация терроризма. Символ терроризма «Аль-Каида» стала идеологией. В нее выступали структуры, имеющиеся в различных точках планеты. Они не находятся под общим управлением. Вербовка, финансирование и планирование уже не осуществляются из единого центра. По данным 2010 года, в 68 странах действовали разные террористические структуры. Терроризм характеризуется реструктуризацией и сменой тактики, относительной автономией и непредсказуемыми действиями со стороны отдельных организаций. У террористов запреты нравственного характера. Они могут вербовать добровольцев для террористов-смертников среди умных, образованных людей, интегрироваться в общество граждан. Они умело манипулируют религиозными, этническими и социально-экономическими проблемами, а также различными аспектами глобализации. Они пытаются оправдать свои действия и борьбу за религиозные права человека, независимость, перераспределение территорий и новых стран. Трудности в борьбе с терроризмом связаны с тем, что он использует самые современные технические средства и технологии, высокий уровень

конспирации, часто паразитирует на организованной преступности, располагает своими финансовыми ресурсами.

Терроризм располагает резервами для производства биологического и химического оружия, которое при определенных условиях может иметь эффект, подобный ядерному. Следует отметить также преднамеренное использование средств массовой информации для пропаганды своих идей и поощрения тех, кто поддерживает террористов.

Хотелось бы наметить некоторые основные моменты в борьбе с терроризмом на международном уровне. Общее мнение таково, что в настоящее время ни одна страна не может гарантировать безопасность, особенно когда речь идет о терроризме. Таким образом, мы являемся свидетелями беспрецедентных совместных усилий государств и международных организаций в решении политических, дипломатических, экономических проблем. Планируется использовать все правовые механизмы для выявления и наказания лиц, совершивших террористические акты, и разрушить источники финансирования террористических организаций.

Основные направления борьбы с терроризмом согласованы в ведущих международных организациях. Прежде всего, это раннее выявление и нейтрализация насилия и экстремизма далеко за пределы отдельных стран; обмен информацией; конкретные действия против террористических организаций и физических лиц; создание необходимой правовой основы для борьбы с терроризмом; пресечение путей финансирования террористических организаций; предотвращение передвижения террористов из одной страны в другую; борьба с организованной преступностью во всех ее формах, в том числе торговлей наркотиками, оружием и людьми; улучшение визового режима и контроля за торговлей материалами двойного использования; поощрение взаимодействия между международными организациями и отдельными странами. Опыт стран показывает, что на национальном уровне приняты комплексные меры в соответствии с оценкой степени террористической угрозы. Многие страны приняли стратегии по борьбе с терроризмом, обновленные стратегии по обеспечению национальной безопасности и улучшению координации в деятельности дипломатии, разведки, правовых и финансовых органов, включая осуществление антитеррористических операций и участие в них вооруженных сил. Повышенные требования предъявляются к выдаче виз, иммиграции. Договоренности по процедуре натурализации пересмотрены. Повышается безопасность в общественном транспорте, на нефтеперерабатывающих, химических заводах, предприятиях ядерной энергетики, в государственных учреждениях и других стратегически важных объектах, принимаются меры по обеспечению безопасности национальных сайтов. Разделены ресурсы для развития международных программ в различных областях борьбы с терроризмом в ответ на террористические атаки; укрепляется пограничный контроль в странах, в которых могут перемещаться члены террористических организаций; осуществляется подготовка к борьбе с терроризмом структур исполнительной власти; пресекается финансирование терроризма; оказывается помощь другим

странам в области образования и формирования сил по борьбе с терроризмом и т.д.

Кратко поделимся с некоторыми мыслями о роли разведки в борьбе с терроризмом. Необходимы радикальные изменения в глобальной безопасности и особенно в борьбе с терроризмом, повышение роли разведки как одного из важнейших инструментов обеспечения национальной и международной безопасности. Международный опыт показал расширение полномочий по выявлению и нейтрализации террористических угроз и повышению ее возможностей с особым вниманием к человеческому фактору.

Требования к координации усилий в полную силу относятся к разведывательной деятельности. Необходимо расширить пространство для создания источников и эффективных механизмов для обмена информацией между учреждениями на национальном и международном уровнях. Неслучайно в последние годы сотрудничество между разведывательными органами расширилось и приобрело беспрецедентные размеры. Мы активно взаимодействуем с другими национальными службами разведки и безопасности, сосредоточив внимание на террористических угрозах, организованной преступности и незаконном обороте наркотиков.

Особенно важно осуществлять обмен информацией с разведывательными службами НАТО и ЕС и оперативное взаимодействие с ними. Это помогает обеспечить разведки и болгарских войск в Ираке и Афганистане и других миссий с нашим участием за рубежом и получать предварительную информацию о рисках и угрозах национальной безопасности и обороне. Однако динамика кризисных процессов требует готовности быстро направить усилия разведки для получения информации о ситуации в районах, чтобы обеспечить безопасность болгарских граждан и международных миссий с участием наших войск.

Эффективная борьба с терроризмом и другими асимметричными угрозами на самом деле является общей проблемой для всех институтов в стране, международного сообщества и, конечно, разведывательных и специальных служб.

4. ОСУЖДЕНИЕ. Осуществляется полная гармонизация болгарского законодательства в соответствии с основополагающими международными документами в области борьбы с терроризмом: глобальной стратегией ООН по борьбе с терроризмом, стратегией и планом действий ЕС по борьбе с терроризмом, стратегией и планом действий ЕС по борьбе с радикализацией и вербовкой, инициативами и директивами Совета ЕС и Комиссии по вопросам борьбы с финансированием терроризма, защиты критической инфраструктуры и др. Политика и меры в этом направлении отражены в обновленном Национальном плане действий по борьбе с терроризмом.

Необходимо осуществлять непрерывный мониторинг обстановки в сфере безопасности и систематический обзор и оценку всей входящей информации, чтобы провести тематический анализ с целью обеспечить руководство информацией, необходимой для принятия управленческих решений. Следует привлекать

экспертов для оценки литературы, аудио- и видеоматериалов на наличие элементов антидемократической идеологии и принимать адекватные меры.

5. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ. Наша задача – предвидеть поведение террористов, предложить законодательные меры по профилактике и раскрытию этих актов. Например, в настоящее время наблюдается близкая связь между терроризмом и киберпреступностью. Террористы пользуются услугами хакеров *elit basket*, *script kiddie* (эксперты, которые ждут признания), *newbie*, *blue hat* (ищут ошибки в системе), хаки висты, у которых есть политические мотивы. Террористы пытаются своровать и интеллектуальную собственность: патенты, промышленный дизайн, авторские и фирменные тайны. Они совершают преступления и в социальной сети, создают отрицательное общественное мнение и настраивают людей против политики государства. Инсценируют поджоги в больших масштабах, пользуются услугами образованных людей.

В настоящее время существуют парадигмы, которые необходимо учитывать:

1) преступность становится все более коррумпированной, и эта тенденция носит мировой характер («отмывание» денег без лоббирования в коридоре власти невозможно, но верхушечная коррупция способна довести до отсутствия демократии);

2) преступность во всем мире приобрела организованный характер, который осуществляется насильственным путем;

3) опасность идет и из «пятого измерения» – киберпреступности;

4) существует насильственный традиционный подход при разрешении конфликтов между людьми в сфере быта;

5) увеличилось число лиц с психическими отклонениями, религиозных фанатиков, неспособных предвидеть последствия своих действий, которые зачастую приводят к суицидным случаям;

6) организованная преступность взрослых оказывает большое влияние на подростковую преступность, так как взрослый изначально является для ребенка примером для подражания;

7) последние десять лет наблюдается резкое повышение сексуальной преступности, а также увеличилось количество случаев сексуального насилия и над несовершеннолетними. В связи с этим в интернете началось распространение фильмов среди педофилов. Появилась и новая криминальная субкультура. Особенно у несовершеннолетних наблюдается агрессия как компенсаторный механизм, основанный на переживании беспомощности детьми, самоутверждении. И если не предпринять решительные меры, то прогноз на ближайшие десять лет довольно-таки неблагоприятный.

Несмотря на все эти причины, которые влияют на национальную безопасность, основная парадигма основывается на том, что в данный момент во всем мире говорится только о социальном экстриме, кризисных событиях и о терроризме. Они являются показателем различных субъективных сил, вышедших из-под контроля, угрожающих исключительными разрушениями.

В истории Болгарии можно выделить несколько терактов, связанных с политическими мотивами. Так, 20 августа 1903 г. в Бургасе взорван пассажирский корабль. Жертвами стали 28 человек. Нападение было организовано Делчевым и Герджиковой. Как члены ВМРО, они выполняли серию убийств в ряде европейских стран, пытаясь привлечь к себе внимание великих держав.

Один из самых страшных терактов в стране произошел в церкви «Святая София» 16 апреля 1925 в Софии. Целью стала ликвидация большей части политического и военного руководства страны. В церкви взорвалась бомба, рухнула крыша, погибли 134 человека, среди них три депутата, 10 генералов и 26 офицеров. 343 человека были ранены, многие из них были погребены под обломками, а затем скончались от полученных ран. Царь Борис III чудом выжил. Виновных искали в течение месяца. Все они приговорены к смертной казни.

30 июня 1948 года был похищен самолет на линии София - Варна - Бургас. Возглавлял преступников отставной полковник Михайлов. В аэропорте «Бургас» он и еще семь человек смогли взять в управление самолет. Были жертвы среди экипажа. Целью террористов стало бегство от властей. Самолет приземлился в Стамбуле, где террористы получили политическое убежище. В Болгарии они были приговорены к смертной казни заочно.

В 1999 г. взорван поезд на вокзале Буново как протест против смены имен болгарских турок.

В 2012 г. взорван автобус в Сарафово-Бургас израильскими туристами.

В 1999 г. Болгария вступила в международные полицейские организации и начала тесное сотрудничество с ними, особенно с Европоллом, Интерполлом и др. Эти организации делятся друг с другом оперативной и другой информацией, угрожающей стабильности в стране. МВД и другие правоохранительные структуры Болгарии разработали конкретный план действий по предупреждению и профилактике террористических угроз и актов. Болгария стала парламентской республикой. Разработан ряд законов и нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие болгарских правоохранительных структур с международными организациями по предотвращению террористических актов.

МВД и другие правоохранительные структуры Болгарии тесно взаимодействуют с целью предупреждения терактов. Данное взаимодействие в настоящее время регулируется законом Болгарии. Благодаря международным связям республики сотрудники правоохранительных органов проходят стажировки или обучение новым методам ОРД, раскрытия преступлений, международной практике профилактики преступлений.

Раньше Болгария использовала советские методы ОРД и криминологии, будучи частью социалистического лагеря. Я закончил адъюнктуру в Академии МВД СССР в г. Москве, защитил кандидатскую диссертацию по оперативной работе. Защита моей кандидатской диссертации была закрытой. Владея сегодня советскими и иностранными методами работы ОРД и следствия, как сотрудник

правоохранительных органов с 40 годами стажа работы могут высказать некоторые целостные соображения по борьбе с преступностью.

Пройдя обучение в США (ФБР), я могу отметить достоинства и недостатки советской криминологической школы в отношении использования современных методов и методик раскрытия преступлений. В качестве примера я остановлюсь на практике применения детектора лжи для раскрытия преступлений. У нас законодательно закреплено, что в составе оперативно-следственной группы присутствует психолог, владеющий методом детекции лжи. Психолог в составе оперативно-следственной группы выезжает на место преступления вместе с криминалистами, оперативными работниками. Главная задача психолога на этапе оперативной работы – установить круг причастных к преступлению лиц. Он владеет не только детектором. Главное его преимущество заключается в том, что он может установить круг подозреваемых людей, используя чисто психологические методы. Первый контакт с подозреваемыми людьми, застигнутыми на месте преступления, совершается не оперативным работником или следователем, прокурором, а именно психологом. Психолог по внешним поведенческим проявлениям может точно определить причастность того или иного человека к данному преступлению. Для этого применяются методы ведения допроса по Дж. Рийду.

Я возглавлял научно-исследовательский институт психологии МВД Болгарии. В этом институте мы занимались не только наукой в области криминологии или раскрытия преступлений. Одна из задач нашего института – обучение психологов новейшим методам ведения допроса, распознавания поведенческих паттернов подозреваемого. В НИИ психологии нами разработаны краткие методические рекомендации для рядовых сотрудников МВД. Такие рекомендации есть и у российских сотрудников, но они ограничиваются выдержками статей из Уголовного или Административного кодексов. В таких методических рекомендациях в очень краткой форме описываются все действия сотрудника МВД: с кем и как разговаривать в рамках закона, как разрешать возникшую конфликтную ситуацию, а также рассматривается много простых и практических вопросов, с которыми ежедневно сталкивается рядовой сотрудник МВД.

Одним из главных достижений Болгарии в борьбе с преступностью, по моему мнению, можно назвать реформу правоохранительных органов. Главная особенность и цель проводимой реформы – девоенизация правоохранительных органов. Были созданы Агентство национальной безопасности и Бюро финансовой разведки, внедрялись открытость, доступность и общественный контроль. Естественно, мы также испытывали определенные трудности при проведении реформы правоохранительных органов. Сотрудники оказывали очень сильное сопротивление, была широко развита коррупция. Однако в течение нескольких лет и сотрудники, и население поняли преимущества проводимой реформы правоохранительных органов.

В эпоху глобализации следует перенимать положительный международный опыт по борьбе с преступностью, осваивать новые методы ведения следствия,

оперативной работы, активно внедрять новые методы криминалистики, не бояться обучать своих сотрудников зарубежом.

Дата поступления в редакцию: 23.10.2015

Авторская справка

Ганчевский Б. Г., доктор психологических наук, профессор, София, Болгария.

E-mail: sn_ilieva@abv.bg

UDC 316.485.2

**TERRORIST THREATS IN FOCUS OF NATIONAL SAFETY
IN THE GLOBAL WORLD**

B. Ganchevsky

Sofia (Bulgaria)

Abstract. In article phenomena of national security and terrorist threats in the modern world are investigated. The author analyzes interrelation of national security and growth of terrorism in the modern world, and also new factors and new technologies in distribution of terrorism and its influence on the modern world. A basis of article was historical experience of acts of terrorism in Republic Bulgaria and personal experience of the author of article.

Keywords: terrorist threats, the national safety, new factors and technologies of modern terrorism

---

Author's Bio

Ganchevsky B., the doctor of psychological sciences, the professor, Sofia, Bulgaria.

E-mail: sn_ilieva@abv.bg

УДК 316.485.2

AUTHENTIC LEADERSHIP AS A MODERN ALTERNATIVE FOR ORGANIZATIONAL DEVELOPMENT

Dimitar Y. Dimitrov, Svilena S. Darova

Rakovski National Defense Academy, Sofia (Bulgaria)

Abstract. The article analyzes the collision in leadership practices today. Transformational leadership has failed to establish authentic transformational leadership as a whole. The authentic leadership has proved to be an actual alternative for establishing organizational development. The power of authentic leadership derives from the positive psychological capacity. The main constructs of the model that was examined are self-awareness, internalized moral perspective, balanced processing and rational transparency.

Keywords: leadership, transformational leadership, authentic leadership

---

The challenges which the societies worldwide have faced since the beginning of 21st century keep growing. Terrorist threats, continuing conflicts in the Middle East (especially those related with Islamic State (ISIS)), refugee flows, corporate scandals, financial and bank crises bring forth mostly a feeling of fear and insecurity in the times we live. The dominant feelings which people experience are those of lack of peace and predictability of what is happening around them. Moreover, in some cases there are contradictory signals in the leadership which result in confusion and deficiency of faith. In fact, in conditions of various types of crises, from a psychological perspective, people would primarily need leadership which is to provide solutions and be a carrier of trust based on goodwill, integrity and honesty. This way, we, the followers of our social and organizational leaders, today more than before need open, ethical and honorable leaders, characterized by the authentic leadership principle in their experience.

In response to the emerging public interest, the new theoretical approaches and research in the sphere of leadership offer the relevant solutions. One of the highlights in this process is – what makes a leader authentic and real for their followers? This issue arose in the scientific community in relation to the advantages of transformational leadership and its specifics. According to the analysis of Snezhana Ilieva [1, p. 160-181] successful organizations are such because they have managed to achieve extraordinary effort of ordinary people. One of the factors for success lies in the extraordinary leadership. In its nature, this “extraordinary leadership” functions as transformational. As a concept, transformational leadership is a state of focus to achieve the goals of the organization [6, p. 38]. Thus, to make sense of followers’ activities, the nature of its functions focus not that much on close monitoring and contingent fees, but mostly on the value perspective, model to follow and charisma [5, p. 5-18]. An essential advantage of transformational leadership for the organizations is the formation of a comprehensive strategy and prospects for development linked with building up the organizational culture [1, p. 160-181]. A specific characteristic of the

transformational leadership is the emphasis on personal qualities of the leader and achieving confidence in their followers, rise to higher levels of awareness and motivation, minimization of personal goals for the common purpose, inspiration and higher activity. An important feature and a strength of the transformational leadership [4, p. 181-217; 5, p. 19-31; 15, p. 210-239] is framing of the significant values and norms in the society/organization which facilitate the change, using actions as symbols, creating rituals, specific messages, etc. Through applying all these, a sense of meaning of others' activities is achieved [1, p. 160-181; 2, p. 315-338; 3, p. 421-449]. At the same time, in the critical analysis of the theory, reported in the work of Bass and Steidlmeier in late 1990s, the presence of *pseudo* and *authentic* transformational leadership is assessed [4, p. 181-217]. The necessity of upgrading the notion of authentic leadership arose and the corresponding theoretical framework of authentic leadership was set.

The first general idea of authentic leadership is a result of the collaborative work of Luthans and Avolio. They attempt to figure out the significant positive organizational behavior [10, p. 241-258]. The authors assume the position of Barbra Fredrickson [7, p. 254-255] and William Compton [8, p. 34-65] about the role of emotions from the contemporary positive (humanistic) psychology perspective and analyze the perspectives for the authentic leadership development. They proceed from the assumption that individuals with richer capacities of positive psychological resources are more effective and capable to present and further develop themselves by redirecting their effort in the process of achieving their goals. Conceptually, Luthans and Avolio [10, p. 241-258] define the authentic leadership as a process of mutual influence between the positive psychological capacities of the leader's individuality and the organizational context which results in a well-expressed confidence in the practices, positive personal behavior and determination for self-perfection. Subsequently, Walumbwa et al. [13, p. 89-126] hold Luthans and Avolio thesis of the four factor structure of authentic leadership, namely: self-awareness, internalized moral perspective, balanced processing, relational transparency. The established discriminant validity among authentic, transformational and ethical leadership is accepted as a positive indicator in relation to the organizational cohesion, as well as for the levels of satisfaction between a leader and their followers [11, p. 253-259].

Another viewpoint at the concept of authentic leadership stems from the position of the interpersonal and intrapersonal perspectives. According to Shamir and Eilam the intrapersonal position focuses on the leader self-awareness, self-regulation and self-concept [12, p. 395-417]. For their followers, leaders are distinguished by truthfulness in their leadership performance. For them, their beliefs as well as originality in practice are significant. The latter, interpersonal perspective, the established relation between a leader and followers is of significance. The essence is in the reciprocity of processes between the two parties, the leader and the followers, as a result of their interaction, and authenticity serves as an indicator for this.

The third perspective is called developing by Avolio and Walumbwa [3, p. 421-449]. According to them the authentic leadership can be nurtured in the leader, not to be taken as their fixed characteristic. It is a continuum throughout lifetime that can be

triggered by critical life events. Walumbwa et al. are the authors of the general and one of most cited ideas of authentic leadership. According to them it is defined as a model of a leadership behavior which is based on, and at the same time promotes the positive psychological capacities and positive ethical climate to foster self-awareness, internalized moral perspective, balanced exchange of information and relational transparency on the part of leaders to their followers for promoting the achievement of a positive self-development [13, p. 89-126]. Luthans and Avolio create the widely known common theoretical model of authentic leadership from the point of the developing perspective [10, p. 241-258].

Walumbwa et al. conduct a thorough analysis of their work in different groups and carry out a detailed review of the contents of scientific publications. They also interview teams of experts to determine what the components of authentic leadership are [13, p. 89-126]. The next step is to develop the valid tools for assessing the underlying constructs (Authentic Leadership Questionnaire – ALQ). The study shows the possibility the model to consist of four constructs: self-awareness, internalized moral perspective, balanced processing and rational transparency (Figure 1). Together they form the basic features in the theory of authentic leadership.

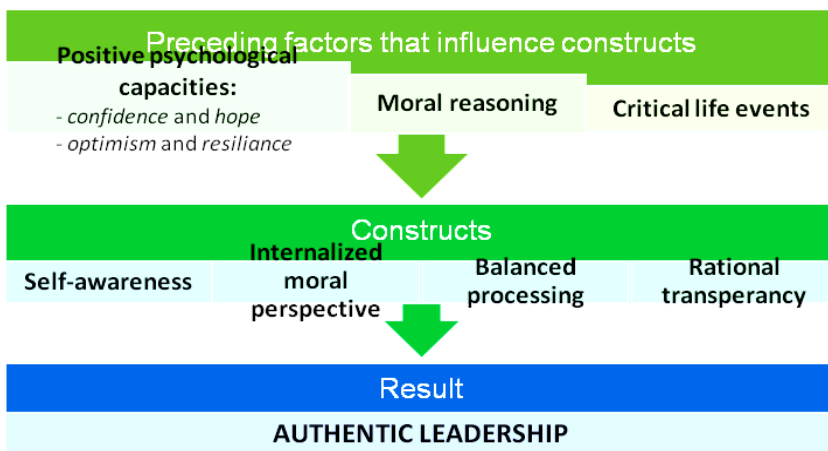

Figure 1. Authentic Leadership common model (Northouse, 2013; Gardner et al. 2005)

Based on the ideas of the positive psychology and positive organizational behavior, Luthans and Avolio rely on the need for the presence of pre-existing (favorable) factors which influence the authentic leadership constructs [10, p. 241-258]. These factors are positive *psychological capacities*, *moral reasoning* and *critical life events*. According to Northouse, these factors, to some extent, can be associated with the personal traits because they characterize some specific aspects of the individual [11, p. 253-259].

The positive psychological capacity of the leader derives from the associated action among *confidence*, *hope*, *optimism* and *resilience*. Confidence refers to the orientation towards positive motivation based on willpower and targeted planning of

activities. Hope relates to goals that the leader formulates as successfully achievable. This fosters trust in the followers and further encourages the belief in ultimate success. Optimism is associated with the cognitive perspective the current events to be perceived as positive regarding their future accomplishment. Resilience is the personal capacity to recover after the impact of unfavorable situations. The capability to adapt to particular realities characterized by vicissitude, complexity and difficulty of the events makes the authentic leader more resourceful and, ultimately, more effective [11, p. 264-266].

The second factor influencing authentic leadership is **moral reasoning**. It refers to the ability to make ethical decisions. Leaders' assessment is connected with their ability to screen right from wrong in their activity, as well as good from bad. High levels of moral certainty are of crucial importance. This benefits overcoming individual differences and investing joint effort in achieving the common goal. What is essential is the understanding that the implementation of organizational and/or public goals is aimed. The perception of right and fair is dominant and it makes the activity meaningful and in practice focuses the followers' effort on serving for the common wellbeing. The development of moral reasoning is a process which evolves in a continuum throughout leaders' lifetime, as well as of those of their followers.

The third underlying factor refers to **critical life events**. These are vicissitudeinary events in life (marriage, childbirth, divorce, serious illness, new job, death of a loved one, etc.). Positive and negative in their nature they act as catalysts for provoking a change and/or search for a new beginning. Passing through such life tests successfully strengthens the will and spirit and serves as a positive model to follow to the others. The leader, sharing his past experience, in fact not only contributes to their own, better self-awareness, but also brings a greater clarity and perspective to the performed by the teams in the organization roles [11, p. 264-266].

The first construct in the authentic leadership model is **self-awareness**. It refers to reflecting one's own identity in the perceptions and notions of the followers, in relation to its positioning values, feelings, emotions, motives and goals, which the followers trust, and reproduce in practice. Actually, the leader gives in public an answer to the question "Who am I as a person?" Self-awareness is the real formative base that ensures the advantage of being aware of the personal strengths and weaknesses. Following the logic of self-awareness, we can summarize as assume that the higher levels will count toward a growth in the authenticity of the leaders.

The second construct in the model is that of the **internalized moral perspective**. In its nature, this is an internal regulatory mechanism in which the weight of the owned by the individual values and moral direct their behavior limiting the external influence. The followers, observing their leader with internalized moral perspective, recognize them as authentic because his or her actions are a result of the present personal beliefs that are close to or in accordance with their own beliefs. Therefore focusing on the internalized moral perspective will attract followers' attention and implies higher levels of authentic leadership.

The third construct, **balanced processing**, is also a self-regulatory mechanism. It contributes to an objective analysis of information, sharing of results and motives prior to making a decision. This approach allows to avoid favoring particular issues, search

and be prepared for different opinions of others which, as a process, to proceed the moment of reaching the final decision. The mentioned objectivity and consistency in the decision-making process benefits the leader's image in the perception of their followers where the perspectives of the two parties meet.

Relational transparency is the fourth construct in the model. A key characteristic is the demonstration of openness and honesty in the relations with the others in the organization. Due to the possibility others to monitor the reasoning prior to making a particular decision (or the approach to a problem) this construct can also be defined as self-regulatory [11, p. 263-266].

As it has already been stated above, the challenges of the early 21st century leave the impression in the audiences of certain deficits in leadership. A number of researchers claim in their analyses that, as a consequence, deficits in trust emerged [4, p. 181–217; 3, p. 421–449; 14, p. 285–306; 11, p. 267–268]. In the search of an answer to fill in this gap in conceptualizing an alternative for the leadership nature, Peter Northouse [11, p. 266–268] also summarizes some prominent advantages of authentic leadership for modern organizations. Essential for authentic leadership, distinguishing it from the other theoretical views, are positivism, trust, morality, openness, honesty, fairness and accessibility. These are shades that place leaders' presence on human basis. Respectively, these demonstrated and adhered to internal values of the leader are appreciated. This explains why the incurred feeling of deficit of trust can be overcome on the basis of value perspective which to be upgraded with all other constructs – self-awareness, internalized moral perspective, balanced processing and relational transparency. Building up confidence, hope, optimism, endurance and steadiness are prerequisites for strengthening the trust between the leader and their followers, which to be further invested in developing a positive organizational climate and this, in turn, is a precursor to the much desired and necessary organizational development. Despite the ongoing practical and applied conceptualization of authentic leadership, it is a carrier of a number of advantages. The discussed above features define authentic leadership as a substantial alternative to leadership of profit and non-profit organizations, as well as those in the spheres of security, health care, education, economy and politics.

References

1. Илиева Сн. Организационна култура. Същност, функции и промяна. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2006. С. 160-181.
2. Avolio B. & W. Gardner. Authentic leadership development: Getting to the root of positive forms of leadership // *Leadership Quarterly*. 2005. No. 16. P. 315-338.
3. Avolio B., F. Walumbwa & T. Weber. Leadership: Current Theories, Research, and Future Directions // *Annual Review of Psychology*. 2009. No. 60. P. 421-449. URL: <http://psych.annualreviews.org>
4. Bass B. & P. Steidlmeier. Ethics character and authentic transformational leadership // *Leadership Quarterly*. 1999. No. 10. P. 181-217.
5. Bass B. & R. Riggio. *Transformational leadership*. Second edition. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, Mahwah, New Jersey, USA, 2006.
6. Burns J. *Leadership*. New York: Harper and Row, USA, 1978.
7. Fredrickson B. The role of positive emotions in positive psychology – the broaden-and-build theory of positive emotions // *American Psychology*. No. 56. P. 218-260. Cited by: P. Northouse, 2013, *Leadership. Theory and practice*. Sixth ed. Los Angelis: SAGE, USA, 2001. P. 254-255.

8. Compton W. An Introduction to Positive Psychology. Wadsworth Publishing, 2005.
9. Can you see the real me? A self-based model of authentic leader and follower development / Gardner W., B. Avolio, F. Luthans, D. May, & F. Walumbwa // Leadership Quarterly. 2005. No. 16. P. 343-372.
10. Luthans F. & B. Avolio. Authentic leadership: a positive developmental approach // Positive Organizational Scholarship: Foundations of a New Discipline / Editors K. Cameron, J. Dutton, R. Quinn. San Francisco, CA: Berrett-Koehler, 2003. P. 241-258.
11. Northouse P. Leadership. Theory and practice. Sixth ed. Los Angelis, SAGE, USA, 2013. P. 253-285.
12. Shamir B. & G. Eilam. "What's your story?" A life-stories approach to authentic leadership development // Leadership Quarterly. 2005. No. 16. P. 395-417.
13. Authentic leadership: Development and validation of a theory-based measure / F. Walumbwa, B. Avolio, W. Gardner, T. Wernsing & S. Peterson // Journal of Management. 2008. No. 34. P. 89-126.
14. Yukl G. An evaluation of conceptual weaknesses in transformational and charismatic leadership theories // Leadership Quarterly. 1999. No. 10 (2). P. 285-305.
15. Yukl G. Leadership in Organizations. Sixth Edition, New Jersey: Printice Hall, USA, 2006.

Дата поступления в редакцию: 28.10.2015

Авторская справка

Dimitar Y. Dimitrov, PhD in psychology, chief assistant professor in leadership department, Rakovski National Defense Academy, Sofia, Bulgaria.

E-mail: dimitrovrds@mail.bg

Svilena S. Darova, senior lecture, english language chair, foreign languages department, Rakovski National Defense Academy, Sofia, Bulgaria.

E-mail: svilenadarova@gmail.com

UDC 316.46

ПОДЛИННОЕ ЛИДЕРСТВО КАК СОВРЕМЕННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Димитр Й. Димитров, Свилена С. Дарова

Академия Национальной обороны Раковского, София (Болгария)

В статье анализируется конкуренция современных методов лидерства. Показано, что трансформационное лидерство оказалось не в состоянии установить подлинное лидерство, являющееся актуальной альтернативой для организационного развития. Власть подлинного лидерства происходит из положительной психологической способности человека. Главная конструкция модели заключается в самосознании, усваивающем моральную перспективу, баланс процесса и рациональную прозрачность.

Ключевые слова: лидерство, трансформационное лидерство, подлинное лидерство

Author's Bio

Димитр Й. Димитров, доктор философии, профессор, Академия Национальной обороны Раковского, София, Болгария. E-mail: dimitrovrds@mail.bg

Свилена С. Дарова, старший преподаватель, Отдел иностранных языков, Академия национальной обороны Раковского, София, Болгария.

E-mail: svilenadarova@gmail.com

УДК 330.43

ТУРИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Н. А. Зюляев

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)

В статье анализируется положительное и негативное влияние туризма на экономическую безопасность страны. Положительное влияние туризма проявляется через создание рабочих мест, ВВП и воспроизводство человеческого капитала. Негативное влияние оказывает превышение выездного туризма над въездным, которое ведет к оттоку иностранной валюты из страны. Этот отток уменьшает совокупный спрос и производство ВВП.

Ключевые слова: туристский поток, ВВП, отток валюты, рекреационный туризм, человеческий капитал

Материальную основу национальной безопасности Российской Федерации составляет ее экономическая безопасность. В научной литературе нет устоявшегося определения категории экономическая безопасность. Большинство ученых-экономистов под ней понимают такое состояние экономики, которое способно обеспечить защиту национальных интересов и динамическое развитие, направленное на повышение качества жизни граждан.

Туризм как явление общественной жизни и отдельная отрасль экономики оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на социально-экономическое положение страны и ее экономическую безопасность. Выполняя общеэкономическую функцию, туризм способствует созданию новых рабочих мест, стимулирует развитие отдельных регионов, возрождая в них местные традиции и народные промыслы. В 2014 году мировой туристический сектор обеспечивал работой более 105 млн человек, превосходя по занятости мировую автомобильную, химическую промышленность и банковскую сферу вместе взятые. В современном мире туризм является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики, показывающей как высокие темпы роста, так и глубокие качественные изменения. В 2014 году вклад туризма в мировой ВВП составлял 9,8 %, что больше вклада мировой автомобильной (8 %), добывающей (8,7 %), химической (8,7 %) промышленности [2]. Эти данные свидетельствуют о том, что туризм, являясь источником обеспечения занятости, доходов и экономического роста, способствует экономической безопасности.

Оценить вклад туризма в российскую экономику пока сложно, поскольку Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2007 (ОКВЭД) отдельно туризм не выделяет. В этом классификаторе учитывается деятельность гостиниц и ресторанов, которые в определенной степени связаны с туризмом. Однако их вклад в валовую добавленную стоимость составляет около 1 %. В декабре прошлого года Ростуризм разработал собирательную группировку, позволяющую на основе существующего классификатора определить перечень видов экономической деятельности, характерных для туризма, и рассчитать сводные экономические показатели деятельности туристической индустрии.

стрии (занятость, финансы, инвестиции и т.д.). По этой методике Росстат впервые оценил деятельность туристической отрасли за 2014 год. В этой отрасли занято 1043,3 тыс. человек, а туристический оборот составляет 1401,5 млрд рублей или приблизительно 2 % ВВП России [3].

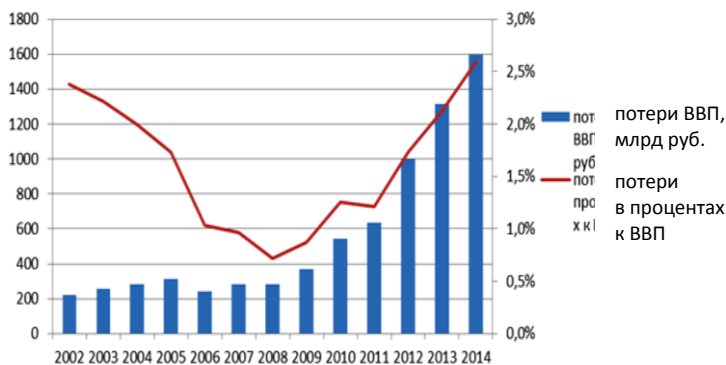
Как известно, туризм может быть внутренним, въездным и выездным. Однако если внутренний и въездной туризм способствует увеличению совокупного спроса и производству ВВП, то выездной туризм, наоборот, негативно влияет на состояние экономики, поскольку сокращает совокупный спрос и объемы национального производства. Эмпирический анализ показал, что количество российских туристов, выезжающих за границу, во много раз превышает количество иностранных туристов, въезжающих в нашу страну, и количество внутренних туристов (см. таблицу).

Динамика выездного, въездного и внутреннего турпотока, тыс. чел.

Показатели	2004 г.	2007 г.	2009 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Выездной турпоток	6557,2	9308,0	9542,1	12605,1	18291,7	17611,6
Въездной турпоток	2861,1	2213,6	2100,6	2570,5	2664,8	2583,1
Внутренний турпоток	1491,0	2641,3	1584,6	1792,3	1916,4	1974,2

Источник: Росстат.

По данным Платежного баланса Российской Федерации, последствием этой ситуации является превышение в 4-5 раз зарубежных расходов российских туристов над притоком в нашу страну валюты от иностранных туристов. Эти огромные расходы россиян за границей, являясь изъятиями из нашей экономики, сокращают совокупный спрос и объемы национального производства и одновременно являются инъекциями в экономику зарубежных стран, стимулирующими их развитие [1]. По нашим расчетам, потери ВВП, связанные с чистым вывозом россиянами иностранной валюты за рубеж, в денежном выражении и в процентах к ВВП в последние годы постоянно увеличивались и составили в 2014 году 2,5 % российского ВВП (см. рисунок). Последствиями потери потенциального ВВП являются снижение доходов частного сектора и государства, рост безработицы, что негативно влияет на социально-экономическую ситуацию в стране.

Динамика потерь потенциального ВВП

Источник: Росстат, расчеты автора

Отток иностранной валюты сокращает и национальные сбережения, которые являются источником инвестиций в основной капитал, что в долгосрочном периоде ведет к уменьшению производственного потенциала страны. Следовательно, превышение выездного туризма над въездным составляет определенную угрозу экономической безопасности страны, а развитие внутреннего и выездного туризма может стать фактором, стимулирующим внутренний спрос и увеличение реального ВВП России. На развитие российского туристического рынка на качественно и количественно новом уровне направлена Государственная программа «Развитие культуры и туризма на 2013-2020 гг.».

Экономическая рецессия в российской экономике и сильная девальвация рубля привели к резкому сокращению выездного туристского потока. Однако вследствие политических и экономических санкций, введенных США и их союзниками против России, уменьшился и въездной туристский поток, поэтому отток иностранной валюты сохраняется и в текущем году. Туризм выполняет оздоровительную или рекреационную функцию, направленную на восстановление человеческого капитала, который является одним из источников устойчивого экономического роста. В современных моделях экономического роста Р. Лукаса, Г. Мэнкью, Д. Ромера, Д. Уэйли человеческому капиталу уделяется большое внимание, поэтому в этом плане туризм направлен на обеспечение экономической безопасности. Санаторно-курортные комплексы, лечебные профилактории и спортивно-оздоровительный туризм должны иметь большой спрос со стороны всех возрастных групп россиян.

В настоящее время в развитых странах расходы на путешествия и отдых занимают третье место в потребительском бюджете семьи после расходов на еду и жилье и составляют 12-19 %. К сожалению, среднестатистическая российская семья тратит на эти цели около 2 % своих доходов. Эти малые расходы не способствуют улучшению здоровья россиян и сокращению численности больных в стране. Причем бедные слои населения в 3-4 раза расходуют меньше средств из своего бюджета на туризм и отдых, чем богатые. По данным ВЦИОМ, половина россиян вообще никуда не выезжает и проводит отпуск на своих садах и огородах. Плохое здоровье ведет к отрицательной селекции на рынке труда, так как ограничивает выбор профессии и рабочего места. Больные люди по сравнению со здоровыми работают меньшее количество часов и вносят меньший вклад в производство ВВП. Поэтому развитие рекреационного туризма и активного отдыха будет способствовать укреплению здоровья человека, восстановлению его работоспособности, что непременно отразится на повышении производительности труда и укреплении экономической безопасности страны.

Список литературы

1. Зюляев Н. А. Туристический рынок России: экономический аспект // Российское предпринимательство. 2014. № 20. С. 226-234.
2. Туристическая карта мира // Деньги. 2015. № 40. С. 31-37.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

4. Официальный сайт Федерального агентства по туризму (Ростуризм) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russiatourism.ru/contens/statistika>.

5. Экономическая безопасность государства и регионов: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Экономика» / В. В. Криворотов, А. В. Калинина, Н. Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-Дана, 2014. 351 с.

Дата поступления в редакцию: 29.10.2015

Авторская справка

Зюляев Николай Александрович, кандидат экономических наук, доцент, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия.

E-mail: zyulyaevna@volgatech.net

UDC 330.43

TOURISM AND ECONOMIC SECURITY

N. A. Zyulyaev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Abstract. The article notes the positive and negative impact of tourism on the economic security of the country. The positive impact of tourism is manifested through the creation of jobs, GDP and the reproduction of human capital. Adverse impact occurs when the excess of outbound tourism over the entrance, which leads to outflow of foreign exchange from the country. This outflow reduces aggregate demand and GDP.

Keywords: tourist flow, GDP, currency outflow, recreational tourism, human capital

---

References

1. Zjuljaev N. A. Turisticheskij rynek Rossii: jekonomicheskij aspekt // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2014. № 20. S. 226-234.

2. Turisticheskaja karta mira // Den'gi. 2015. № 40. S. 31-37.

3. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki (Rosstat) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru>.

4. Oficial'nyj sajt Federal'nogo agentstva po turizmu (Rosturizm) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.russiatourism.ru/contens/statistika>.

5. Jekonomicheskaja bezopasnost' gosudarstva i regionov: ucheb. posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po napravleniju «Jekonomika» / V. V. Krivorotov, A. V. Kalinina, N. D. Jeriashvili. M.: JuNITI-Dana, 2014. 351 s.

Author's Bio

Zyulyaev Nikolay Aleksandrovich, candidate of science of economics, associate professor, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.

E-mail: zyulyaevna@volgatech.net

УДК 316.334.22

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА

В. В. Козин*Мордовский государственный университет, Саранск (Россия)*

В статье исследуются проблемы социальной адаптации мигрантов в системе современного российского общества. В центре внимания статьи процессы адаптации мигрантов в принимающем обществе на примере региональной России. Основой статьи стали результаты социологического исследования, проведенного в Республике Мордовия.

Ключевые слова: трудовая миграция, принимающее общество, адаптация мигрантов в принимающем обществе, Республика Мордовия

Проблема взаимоотношений трудовых мигрантов (гастарбайтеров) из стран постсоветского пространства особенно актуализировалась в России в последнее время. НИИ регионологии Мордовского государственного университета провел социологическое исследование «Мониторинг диаспоральных отношений в Республике Мордовия». В качестве метода сбора первичной социологической информации был выбран *экспертный опрос*. Экспертами выступили люди, в своей профессиональной и общественной деятельности непосредственно связанные с решением проблем трудовых мигрантов на региональном и муниципальном уровнях. Экспертная группа состояла из 133 человек. В нее вошли работники науки и образования, представители средств массовой информации, сотрудники органов государственной власти и правоохранительных органов, местного самоуправления, представители неправительственных общественных организаций, малого и среднего бизнеса.

Экспертный опрос подтвердил стабильный, достаточно ровный характер межэтнических отношений в Республике Мордовия. Так, большинство респондентов (74,4 %) оценили межнациональные отношения как «стабильные, добрососедские». Однако четверть экспертов (24,1 %) отметили межнациональную напряженность на бытовом уровне. Ни один из опрошиваемых не указал на то, что в республике имеются межнациональные конфликты. Лишь 9,0 % считают, что эти отношения стали хуже.

Перспективы развития межнациональных отношений в республике в ближайшие два года представляются экспертам довольно неоднозначно. Несмотря на то что 54,6 % респондентов отметили, что эти отношения останутся без изменений, а 15,4 % считают, что они улучшаются, 10,8 % полагают, что они ухудшатся. 19,2 % опрошенных затруднились определить перспективы развития межнациональных отношений в Мордовии. Озабоченность проявилась и в ответах на вопрос о возможности в течение ближайшего года насильственного столкновения на национальной или религиозной почве. В общей

сложности такую возможность признают 14,5 %, а отрицают ее 34,4 % респондентов.

Полученные в ходе исследования данные позволяют выделить несколько факторов, обуславливающих, по мнению экспертов, межнациональную напряженность и конфликты: вызывающее поведение мигрантов – 45,9 %; подстрекательство со стороны экстремистских организаций – 27,1 %; экономические проблемы (безработица, конкуренция с мигрантами за рабочие места) – 24,8 %; страхи и неприязнь по отношению к мигрантам со стороны местного населения – 19,5 %; социальная незащищенность – 11,3 %; коррумпированность правоохранительных органов и местных властей – 10,5 %.

Большинство мигрантов прибывает на территорию Мордовии из Армении (37,8 %), Азербайджана (31,5 %), Узбекистана (18,9 %), Украины (17,3 %) и Таджикистана (14,2 %).

Значительный интерес представляют экспертные оценки муниципального уровня. В опросе приняло участие 64 эксперта муниципального уровня из городского округа Саранск (9 чел.), Старошайговского (13 чел.), Чамзинского (13 чел.), Ельниковского (11 чел.), Краснослободского (10 чел.), Ромодановского (10 чел.), Ковылкинского (8 чел.), Рузаевского (6 чел.), Торбеевского (5 чел.) районов, а также по одному представителю и Ардатовского, Большеберезниковского, Кочкуровского и Лямбирского муниципальных районов. Отмечаемое проявление некоторой межнациональной конфликтности на бытовом уровне отчасти связано с присутствием в этих районах большего числа трудовых мигрантов, чем в других районах. Где есть больше контактов с мигрантами, там отмечаются проявления межнациональной напряженности на бытовом уровне. В то же время нельзя говорить о том, что межнациональная напряженность обязательно будет выше там, где больше концентрация национальных диаспор. Например, значимому числу экспертов известно о том, что в городе Саранске проживают представители национальных диаспор, но при этом 100 % экспертов по данному муниципальному образованию отметили наличие стабильных и добрососедских отношений мигрантов с местным населением. Следовательно, помимо количественного должны быть иные критерии, определяющие наличие или отсутствие межнациональной напряженности на бытовом уровне в том или ином муниципальном районе.

Одним из таких критериев являются характеристики конкретной диаспоры, проживающей в районе (численность, длительность проживания на территории, особенности национального менталитета, личностные особенности представителей конкретной диаспоры и др.). Следует отметить, что в некоторых районах, отмечается повышенная межнациональная напряженность на бытовом уровне (Чамзинский, Краснослободский, Старошайговский). Эксперты уверены в том, что на этих территориях существуют либо формируются такие национальные диаспоры, как таджикская, узбекская, украинская (Чамзинский район); азербайджанская, армянская, таджикская, украинская (Старошайговский район); азер-

байджанская, казахская, таджикская, узбекская (Краснослободский район). В связи с тем что в Чамзинском районе эксперты отмечают ухудшение отношений между людьми разных национальностей за последний год, можно предположить, что ситуация повышенной напряженности складывается с только формирующимися диаспорами на территории района.

Значимым критерием, позволяющим анализировать взаимоотношения мигрантов с местным населением, является характеристика мест общения представителей указанных социальных общностей. Проявление напряженности в ряде районов можно объяснить схожей в этих районах картиной мест общения мигрантов и местного населения. Встречи происходят почти в равной мере на рабочем месте, в магазинах, на рынках и улицах. В других районах пересечение местного населения и мигрантов происходит в большей степени в какой-то одной из этих сфер, и у местных жителей присутствует ощущение, что есть еще некая территория, где можно избежать необходимости общения с представителями другой национальности, другой культуры. Поэтому в выделенных ранее трех районах вследствие широко разветвленной системы торговли и большего количества трудовых мигрантов у местного населения, возможно, складывается чувство дискомфорта и ощущение, что «они везде».

В других районах данные экспертного опроса показывают, что общение мигрантов с населением происходит преимущественно в одной или двух из указанных сфер (например, в Ельниковском это рабочее место, в Рузаевском – магазины, рынки, в Торбеевском – в равной степени рабочие места и магазины). Чем меньше мест тесного общения трудовых мигрантов с местным населением, тем меньше вероятность возникновения бытовых конфликтов. Этот тезис очевиден, однако он не означает, что необходимо искусственным образом уменьшать потенциальные точки пересечения мигрантов и местных жителей. Информация о таких точках может быть использована для того, чтобы местные власти, правоохранительные органы, представители заинтересованной общественности могли своевременно фиксировать возрастание межнациональной напряженности.

Показательная ситуация наблюдается в экспертных оценках влияния различных субъектов на поведение мигрантов. Так, в Саранске эксперты единодушно отметили влияние на поведение мигрантов органов государственной власти и местного самоуправления, органов охраны правопорядка. В то же время в Ковылкинском районе, по мнению экспертов, практически полностью отсутствует влияние данных органов, а степень влияния религиозных организаций, представителей бизнеса, неформальных лидеров диаспор и национальных культурных автономий на поведение трудовых мигрантов незначительна. Эксперты по Чамзинскому району отметили влияние неформальных лидеров диаспор на поведение трудовых мигрантов. При этом подавляющее большинство экспертов на вопрос: «На Ваш взгляд, ведется ли органами местного самоуправления работа по формированию доброжелательного отношения к представителям различных

национальностей?» выбрали варианты ответов «да» и «скорее да, чем нет». Сопоставление результатов опроса по указанным разделам позволяет предположить, что *эксперты по ряду районов республики не готовы оценить работу местных властей с трудовыми мигрантами как высокоэффективную*, хотя в том, что она ведется, сомнений не возникает.

Возможность возникновения насильственных действий в районах республики существенной долей экспертов (34,4 %) отрицается или указывается как маловероятная (47,3 %). При этом в качестве причины столкновений на национальной почве в различных регионах Российской Федерации экспертами муниципального уровня чаще всего указывается «вызывающее поведение мигрантов» (45,9 %). Есть вероятность того, что аналогичная причина видится и на уровне муниципальных районов. Таким образом, даже экспертное сообщество склонно винить в возникновении межнациональных конфликтов главным образом мигрантов, однако этому не всегда есть объективные предпосылки, и в данном случае аналогии иногда бывают неуместны. Помимо вышеуказанной экспертами были упомянуты еще две вполне понятные и ожидаемые причины: «подстрекательство со стороны экстремистских организаций» – 27,1 %, «экономические проблемы (безработица, конкуренция с мигрантами за рабочие места)» – 24,8 %. Несмотря на стабильный в целом характер межнациональных отношений, практически все эксперты дали отрицательный ответ на возможность привлечения иностранных рабочих.

Среди мер, способствующих сохранению стабильных добрососедских отношений в регионе, эксперты наиболее часто называли «усиление контроля за внутрироссийской миграцией» (40,5 %), «оперативное принятие мер экономического и социального характера для устранения наиболее острых причин возникновения межэтнической и межконфессиональной напряженности» (34,2 %), «использование культурных центров, создаваемых на базе этнокультурных организаций, в качестве центров адаптации и интеграции мигрантов» (26,6 %). Причем к необходимости усиления контроля за внутрироссийской миграцией более склонны эксперты в г. Саранске, Краснослободском и Ельниковском районах. За экономические меры выступает большинство экспертов Чамзинского района.

Таким образом, в целом экспертные оценки свидетельствуют о том, что межнациональные отношения в республике на местном уровне стабильны и носят характер добрососедских. Однако в ряде районов (Чамзинский, Старошайговский, Краснослободский, Ковылкинский) требуется усиление внимания органов власти, местного самоуправления, религиозных организаций, СМИ к снижению уровня межнациональной напряженности, предотвращению бытовых конфликтов, смягчению взаимных опасений принимающего сообщества и трудовых мигрантов относительно друг друга. Необходимо организовать работу по просвещению населения и трудовых мигрантов, прибывающих на территорию республики, относительно культурных обычаев, тради-

ций, нравственных устоев и поведенческих ориентаций представителей различных национальностей. Мигранты должны быть интегрированы в правовое и культурное российское пространство, сохраняя свою национальную и культурную идентичность, а местное население должно иметь представление о национально-культурных особенностях диаспор, проживающих с ним на одной территории.

Дата поступления в редакцию: 20.10.2015

Авторская справка

Владимир Васильевич Козин, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Мордовский государственный университет, Саранск, Россия.
E-mail: redrege@mail.ru

UDC 316.334.22

**MUTUAL RELATIONS OF LABOUR MIGRANTS
AND ACCEPTING COMMUNITY**

V. V. Kozin

The Mordovian State University, Saransk (Russia)

Abstract. In article problems of social adaptation of migrants about system of a modern Russian society are investigated. In the center of attention of article processes of adaptation of migrants in accepting society on an example of regional Russia (Republic Mordovia). Results of sociological research in Republic Mordovia became article basis.

Keywords: the labour migration, an accepting society, adaptation of migrants in accepting society, Republic Mordovia

---

Author's Bio

Vladimir Vasilevich Kozin, the candidate of sociological sciences, the senior lecturer of chair of sociology, Mordovian State University, Saransk, Russia. E-mail: redrege@mail.ru

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л. Г. Титова

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль (Россия)*

Становление гражданственности – объективно-субъективный процесс, определяемый рядом факторов социально-психологического, социально-экономического, социокультурного свойства. Это глобальный процесс, имеющий национальные особенности, в котором реализуются общие принципы и признаки демократизации и гражданского общества и выявляются национальные пути становления и развития. В статье исследуется состояние и развитие гражданственности и гражданского общества в современном российском обществе.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, гражданственность, культура, национальная безопасность, образование

Реализация идеи гражданского общества создает значительные возможности для противостояния давлению процесса глобализации на социальные и политические отношения, социокультурное развитие современных обществ. Для России это решение проблемы национальной безопасности – сохранения исторических особенностей и культурных традиций, развития национального самосознания. Главные проблемы, которые возникают при этом, – преодоление тех противоречий, которые обнаружила практика функционирования гражданских обществ в западных странах, а также учет национальных особенностей, которые могут затормозить или ускорить процессы создания гражданских структур и формирования гражданского сознания, гражданственности.

Анализируя процесс формирования гражданского общества и гражданственности в России, следует иметь в виду изменение его содержания в новых исторических условиях, что требует новых концептуальных подходов к объяснению понятия «гражданственность». Очевидно, что классические теории, рассматривавшие неотвратимость гражданского состояния человека при правовом государстве, содержали недостатки, которые обнаружились в более поздних либерализованных подходах к сущности человека и его роли и месте в обществе, в идеях открытого общества и более поздних концепциях общества постмодерна, сетевого общества. Гражданское общество предстает как инструмент баланса между сознательным и коллективным бессознательным, способ уравнивания противостояний, которые возникают внутри социального организма. Очевидно, что в настоящее время гражданское общество должно нести более серьезную нагрузку, а значение ответственности граждан за судьбы не только собственной страны, но и мирового сообщества многократно возрастает. Понимание этой ответственности создает социально-психологическую основу гражданственности, так как находит воплощение в отдельных субъектах, вступающих в различные

связи и отношения друг с другом, в которых образуются наиболее важные, с точки зрения гражданского общества, каналы – правовой и нравственный. Через правовой проходит нормативно-организационная составляющая гражданственности, через нравственный – гуманитарная, общечеловеческая. Если в информационном поле содержание информации о назначении гражданина упрощается или искажается, могут возникать существенные разногласия между личностью и государством, обществом и властью в том случае, если уровень культуры в обществе достаточен для понимания нарушений в горизонтальных коммуникациях. В этом случае есть риск возникновения стихийного сопротивления, архаических настроений. Чем ниже уровень политической культуры, тем более властные структуры мобилизованы на предупреждение социального напряжения и протестных движений в виде манипулятивных техник, усиления формализованного начала в деятельности государственных структур – роста бюрократизма.

Попытка реализовать идею гражданского общества в российском варианте обнаружила не только внутрироссийские проблемы, но и влияние глобальных процессов, что создает конфликтную мотивацию в поведении людей тогда, когда идея приходит в несоответствие с политической, социальной и правовой практикой государства. Наряду с субъективными показателями конфликтности действуют и объективные факторы – взаимосвязи, формирующиеся в современных обществах, т.е. сложно переплетенное взаимодействие отношений на разных уровнях и в различных сферах общества, где человек выполняет все большее количество ролей и где качество выполнения этих ролей колеблется от высоко- до низкоэффективных.

Основными показателями гражданского общества становятся:

- превращение граждан в субъекты разрешения социальных конфликтов – трудовых, политических, этнических, религиозных;
- осознанное участие в социально-политических процессах;
- уважение к законам;
- контроль над деятельностью государственных чиновников;
- участие в принятии политических решений;
- создание ассоциаций, наделенных правом подобного участия;
- организация социально-политического диалога в обществе.

Жизнь в гражданском обществе предполагает участие во всех значимых социально-политических процессах. В обществах, которые вступают на путь демократии и ищут способы ее реализации в соответствии с историко-культурной спецификой страны, определяют формы и содержание собственных демократических институтов и в то же время сохраняют принципы демократизации, принципиальные начала демократической организации общественной жизни (свобода, права и обязанности), в переходные эпохи вынуждены опираться на существующие институты социально-политического управления, прежде всего в лице государства – единственного гаранта закона и конституции в условиях, когда общество готовится к усвоению новых, демократических, принципов. Возникает проблема взаимодействия формирующегося гражданского общества и государства, которая вырастает из противоречия между стремлением государства к аб-

солютизации власти, а общества – противостоять этому стремлению. Глобальность такого явления как демократия, признаки гражданского общества, апробированные в различных условиях, являются важным фактором в преодолении этого противоречия силой примера устойчивости и возможностей, содержащихся в этой системе. Задача адаптации, поиска путей трансформации демократии в условиях конкретных обществ без потери ее основных свойств рождает новые противоречия, разрешение которых на первом этапе создается укреплением государства, принимающего правовые формы, и постепенным преобразованием общества в гражданское через организационно-правовое оформление представителей различных социальных групп и выстраивание новых отношений с государством.

В первую очередь, требуется контроль над государственными структурами, особенно в трудовой, образовательной сфере и сфере здравоохранения: первая обеспечивает финансовые и экономические ресурсы общества, вторая – перспективы развития, третья предполагает создание нового качества жизни, решение демографических проблем, также являя собой сферу будущего и качества настоящего – здоровья нации, национальной безопасности страны. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отдельный раздел посвящен качеству жизни россиян, тем самым социальные обязательства государства утверждаются как важная составляющая суверенитета и безопасности страны.

Россия не завершила путь к демократии, остановившись перед ней в условиях преодоления хаоса и беспредела 90-х годов. Провозглашенная новым президентом В. В. Путиным задача стабилизации устойчивости потребовала укрепления российской государственности, разрушаемой в начале реформ. Предпринимаемые в последние пятнадцать лет усилия свидетельствуют об укреплении авторитаризма власти и постепенном вращении демократических начал в российское общество. Формируется новый российский консерватизм, проявляемый в идеях великодержавности, укреплении военной мощи страны, формализации власти, противостоянии западному влиянию, стремлении занимать собственную позицию на мировой арене. Элементы гражданственности прорастают в функционировании общественных, в том числе и молодежных организаций, ассоциаций граждан, берущих в свое ведение вопросы политической активности молодежи, пожилых людей, ветеранов войны и труда, солдат, выполняющих военный долг, патриотов, положения женщин, инвалидов, представителей многочисленных этносов и конфессий, населяющих Россию. Активно действуют правозащитные организации – прав человека и прав ребенка. Несмотря на многочисленные препятствия, которые стоят перед этими организациями (стремление государства взять под контроль их деятельность, засилье чиновников), участники этих движений и организаций набирают опыт отстаивания своих прав, проходят обучение правам человека (ярким примером может служить Московская Школа гражданского просвещения, успешно реализующая в настоящее время региональный проект по правам человека и формированию гражданственности).

На региональном уровне такие ассоциации и союзы действуют во многом в зависимости от регионального истеблишмента и уровня социально-экономического развития региона, сложившихся обычаев и традиций региональных и межрегиональных взаимодействий. Так, в Ярославской области существует 649 некоммерческих организаций, образование многих из которых является инициативой «снизу», Ассамблея народов России, Ассоциация молодых профессионалов, Союз студентов с 11 первичными организациями, действующими в вузах области, общественные организации пожилых людей и инвалидов, Союз молодых предпринимателей и другие.

Условием продуктивного участия является подготовленность населения, которое на первом этапе реформ проявило способность к адаптации. Впоследствии встает задача перехода к новым эффективным формам отношений. Очевидно, что решение такой масштабной для России задачи как формирование гражданского общества требует не только выявления сущностных особенностей гражданского бытия, но и создания технологий «приучения» общества к гражданскому состоянию, принятия конкретных мер политической социализации. Главное значение приобретает образование, как общее, так и специальное, так как гражданское самосознание – это производное общей культуры и компетентности в правовой, социальной и гуманитарной областях – знаний о человеке и обществе.

Другая возможность формирования гражданственности создается опытом практической деятельности, а также информационным обменом, который в настоящее время является составляющим любого вида деятельности. Распространение волонтерства, участие молодежи в деятельности молодежных правительств и парламентов, организация молодежных союзов, проведение обучающих мастер-классов в молодежной среде, научные конференции и бизнес-инкубаторы, инновационные проекты создают богатые возможности для обучения гражданской активности, для превращения коллективного-бессознательного в осознанный процесс общественного действия.

Таким образом, становление гражданского общества как ассоциации граждан, наделенных сознанием, волей и способностью отстаивать свои права, и гражданственности как осознания гражданами своей ответственности за судьбы собственного и мирового сообщества происходит в России как противоречивый процесс в условиях конфликтного взаимодействия с властью, внутрисоциального, и внутрирегионального, а также международных столкновений в виде угрозы новой мировой войны, западных санкций и политических провокаций, активно ведущейся информационной войны. Для теоретико-методологической опоры исследователя и аналитика это требует определения концептуальных подходов к проблеме человека и общества, для политика – изучения мирового и национального опыта.

В условиях неоформившейся демократии гражданские навыки создаются в диалоге с государством, длительность которого определяется темпами демократизации, становления правового государства, гражданского общества, реального соблюдения прав человека. Влияние глобализации на процессы демократизации в России проявляется в распространяющемся опыте существования и функцио-

нирования гражданских структур, а также в наличном опыте национальных видов гражданских обществ, региональных особенностей их становления и развития. Борьба национального и всемирного начал, которая приобретает глобальный характер, существенно обогащает содержание гражданственности, хотя и создает множество трудностей при определении конкретных задач гражданского строительства.

Российский вариант становления гражданственности предполагает изучение накапливаемого опыта в регионах, тех инновационных находок, которые в настоящее время уже получают общероссийское и мировое признание и свидетельствуют о неиссякаемой социально-политической активности россиян. Определяющую роль в процессе становления гражданственности играет образование и, шире, просвещение масс, важной стороной которых становится вовлечение все большего числа людей в различные виды общезначимой деятельности и выявление тех причин, которые ограничивают формирование и проявление гражданских качеств личности.

Дата поступления в редакцию: 27.10.2015

Авторская справка

Титова Людмила Григорьевна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой конфликтологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия. E-mail: titovafspn@mail.ru

---

UDC 32:172.12

THE CIVIC CONSCIOUSNESS AS A FACTOR OF THE NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

L. G. Titova

Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl (Russia)

Abstract. The formation of the civic consciousness is an objective-subjective process, which is defined by a number of socio-psychological, socio-economic, socio-cultural factors. This is a global process with its national characteristics; the general principles and the signs of democratization and civil society are realized in it and the national ways of formation and development are revealed in it. In article the state and development of civic consciousness and civil society in a modern Russia is investigated.

Keywords: civil society, constitutional state, civic consciousness, culture, national security, education

---

Author's Bio

Titova Liudmila, Ph.D. in political science, professor, the head of the department of conflictology in the Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
E-mail: titovafspn@mail.ru

УДК 32 (470+571)

СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Н. А. Трусов

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород (Россия)

В статье изложены теоретико-методологические основы понимания системы национальной безопасности России, классификационные основания ее дифференциации, анализируются современные правовые начала ее закрепления. В основу анализа положены понятия безопасности и национальной безопасности, нашедшие отражение в различных документах Российской Федерации.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, система национальной безопасности, виды национальной безопасности, классификация национальной безопасности

Современное развитие России в сложившихся геополитических условиях требует более тщательного внимания к вопросам обеспечения национальной безопасности. Терминология, основу которой составляет феномен безопасности государства, стала активно употребляться в публикациях и все чаще и чаще звучит с экранов телевизоров во всевозможных публичных выступлениях по широчайшему кругу вопросов. При этом далеко не всегда даже у представителей власти имеются четкие представления о системности феномена национальной безопасности. Подобное вполне объяснимо сложностью и многогранностью феномена национальной безопасности, что объективно не прибавляет аргументов в отношении эффективности ее обеспечения.

Глубокое и всестороннее изучение явлений правовой действительности с неизбежностью предполагает использование дифференцированного подхода к исследуемой материи. Другими словами, глубокое исследование феномена национальной безопасности России, ее системы с неизбежностью предполагает также рассмотрение вопроса ее классификации. Еще в начале XX века С. В. Познышев обращал внимание ученых на то, что «классификация – это первый и чрезвычайно важный шаг, который должен делать исследователь всякой обширной и разнообразной группы явлений. Как прием изучения классификация имеет двоякое значение для научного исследователя: со стороны внешней, это – прием, который вносит в изучение систему и порядок; со стороны внутренней – прием, который предопределяет полноту и правильность выводов изучения» [1, с. 5]. Классификация является одним из естественных инструментов познания явлений правовой действительности, позволяющим в комплексе взглянуть на проблему, обеспечить, наряду с логикой и избранной методологией, системность в исследовании. Таким образом, классификация – один из важнейших и необходимых приемов познания феномена национальной безопасности России, позволяющий понять его системность. В этой связи вызывает недоумение, что многие авторы, исследуя феномен национальной безопасности России в целом или какой-то отдельный ее аспект, оставляют без должного внимания вопрос ее классификации, не исследуют систему национальной безопасности России.

Часто встречается ситуация, когда авторы, указав на то, что национальная безопасность России – это сложный феномен, как бы вкратце, бегло поясняют, что он включает в себя такие-то разновидности безопасности. И перечисляют некоторые виды... Как в этом случае понять, являются ли справедливыми выводы автора для всей системы национальной безопасности России или нет? А для иных разновидностей национальной безопасности? В этом вопросе следует согласиться с Е. А. Оськиной, что «при исследовании проблем безопасности, несмотря на отдельные методологические и практические успехи, до сих пор продолжают господствовать бессистемность, выборочный и невзвешенный подход к отдельным аспектам проблемы...» [2, с. 34]. Отправной методологической позицией к решению вопроса классификации является то, что классифицировать можно лишь сложные, как правило, системные явления действительности. Что делает явление таковым? Конечно же, объект. То, что объект обеспечения национальной безопасности России является сложным и системным, полагаем, не вызывает возражений и каких-либо сомнений. Другой вопрос – что понимать под этим объектом?

Для ответа на этот вопрос обратимся к понятийному аппарату. В Российской Федерации термин «национальная безопасность» впервые был употреблен в федеральном законе от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» [3], а понятие «национальная безопасность» впервые было определено в Концепции национальной безопасности, утвержденной Президентом РФ в 1997 году [4]. В соответствии с ней, под национальной безопасностью Российской Федерации понималась «безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти». Заметим, что действовавший на тот период времени закон РФ 1992 года «О безопасности» [5] в статье 1 определил термин «безопасность» как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», однако среди видов безопасности национальную безопасность не назвал, видимо, заключив ее в слова «иные виды безопасности» (статья 13). Более того, упоминание о национальной безопасности в указанном законе вообще отсутствовало. А о какой-либо синхронизации понятий «безопасность» и «национальная безопасность» вообще не шла речь.

Такая нормативная неопределенность и «понятийная бессмыслица» не могли положительным образом сказаться на эффективности обеспечения безопасности России, как не могли и положительно влиять на рассмотрение соответствующего феномена в научной среде. Об этом убедительно свидетельствует большое количество определений национальной безопасности и ее предметных областей, принципиально отличающихся друг от друга по общему смыслу. Тем не менее закон 1992 года «О безопасности» был единственным легальным документом, который четко определил, что «к основным объектам безопасности относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность» (статья 1). Однако синхронизировать данную позицию по действовавшим на тот период времени нормативным документам с фе-

номеном национальной безопасности было невозможным. А признать за объектом национальной безопасности многонациональный народ РФ являлось очевидной ошибкой.

17 ноября 2008 года, будучи Председателем Правительства РФ, В. В. Путин подписывает Распоряжение за номером 1662-р [6], которым утверждается Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, известная в народе как Концепция 2020. Важно отметить, в Концепции указано, что целью ее разработки является «определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе (2008-2020 годы) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе». Таким образом, мы не только официально констатировали, но и юридически закрепили положение о том, что с этого момента проведение разного рода реформ, да и в целом вся российская государственная политика подчинены целям достижения высокого благосостояния российских граждан и обеспечения национальной безопасности России. После такой постановки вопроса осталось только определить, что же такое национальная безопасность, достижению которой подчинено долгосрочное социально-экономическое развитие нашего государства. И вот 12 мая 2009 года в развитие указанного распоряжения Президент РФ Д. А. Медведев подписывает указ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [7], которым были признаны утратившими юридическую силу ранее действовавшие указы Президента РФ, утверждавшие Концепцию национальной безопасности России.

Согласно Стратегии, национальная безопасность – это «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» (пункт 6). Данное определение полностью соответствует этимологическим и историческим корням понимания явления, вполне лаконично, но, главное, содержит уже устоявшийся (за 17 лет!) в России подход о триедином объекте обеспечения безопасности: личности, общества и государства. После принятия двух основных документов, определяющих концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности, оставался только один нормативный правовой акт, который сдерживал их действие, но он обладал более высокой юридической силой. Поэтому последним этапом, завершающим построение системы базовых программных документов в области обеспечения национальной безопасности, стало принятие федерального закона от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» [8], которым был признан утратившим юридическую силу одноименный закон 1992 года.

Важно отметить, что указанный федеральный закон 2010 года, в отличие от своего предшественника 1992 года, не содержит никаких определений. При этом термин «национальная безопасность» употребляется в нем 5 раз. Три упоминания термина связаны с документом (Стратегией национальной безопасности),

один – с показателями национальной безопасности. Однако наиболее значимым представляется первое упоминание – в статье 1 (предмет регулирования). В ней сказано, что «настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее – безопасность, национальная безопасность), ...». Таким образом, термины «безопасность» и «национальная безопасность» понимаются здесь законодателем как синонимы. Следовательно, фактически предметом регулирования указанного закона являются общественные отношения, связанные с обеспечением национальной безопасности нашего государства.

Учитывая данный факт, следует заключить, что объектами обеспечения национальной безопасности России выступают личность, общество и государство. Таким образом, *система национальной безопасности России по объекту обеспечения включает в себя три подсистемы: безопасность личности, общественную безопасность и государственную безопасность*. Заметим, что при таком подходе система национальной безопасности является закрытой, поскольку не включает в себя больше никаких иных подсистем. Продолжая размышления в этом контексте, следует указать и на то, что нельзя обеспечить национальную безопасность России, не обеспечив безопасность трех ее основных объектов. Другими словами, лишь обеспечив безопасность личности в России, общественную и государственную безопасность, можно говорить об обеспечении национальной безопасности России в целом и никак иначе. Однако это не единственный подход к классификации. Государство, выступая сложным социальным образованием, интегрирует множество подсистем: политическую, экономическую, социальную, экологическую и др., в каждой из которых потенциально возможно формирование угроз как для самой сферы отношений, так и для безопасности страны в целом.

Статья 13 ранее действовавшего закона РФ 1992 года «О безопасности» определяла следующие разновидности безопасности: государственную, экономическую, общественную, оборонную, информационную, экологическую и иные. Действующий федеральный закон 2012 года «О безопасности» среди разновидностей национальной безопасности называет безопасность государства, общественную безопасность, экологическую безопасность, безопасность личности и иные виды безопасности (статья 1). Таким образом, новый закон 2010 года отчетливо показал, что основным критерием к классификации системы национальной безопасности должен выступать объект обеспечения. Однако он же указывает и на то, что это не единственное основание к классификации, имея в виду экологическую и иные виды безопасности. В свою очередь, Стратегия национальной безопасности к ранее перечисленным государственной, общественной, экологической безопасности и безопасности личности добавляет международную безопасность, военную безопасность, экономическую безопасность, энергетическую безопасность, продовольственную безопасность, технологическую безопасность, духовную безопасность, информационную безопасность, оборон-

но-промышленную безопасность, безопасность в сфере здравоохранения и здоровья нации, безопасность в сфере культуры, безопасность в сфере науки и образования, а также в иных сферах (пп. 7, 16, 49, 53, 56 и др.). Столь широкого определения разновидностей (подсистем) национальной безопасности ранее в нормативных документах не было. При этом в Стратегии прямо называется, что основанием такого подхода к классификации выступают сферы обеспечения безопасности.

Таким образом, можно сделать вывод, что *в зависимости от сферы обеспечения безопасности система национальной безопасности России включает в себя экономическую безопасность, энергетическую безопасность, продовольственную безопасность, технологическую безопасность, военную безопасность, оборонно-промышленную безопасность, информационную безопасность, духовную безопасность, безопасность в сфере здравоохранения и здоровья нации, безопасность в сфере культуры, безопасность в сфере науки образования и другие*. Заметим, что в отличие от предыдущей классификации, при таком подходе система национальной безопасности России открытая и может включать в себя иные подсистемы. А значит, обеспечение безопасности в трех, четырех, пяти, семи и так далее сферах не будет означать обеспечение национальной безопасности России в целом.

Мнения ученых на перечень разновидностей национальной безопасности России не сходятся: кто-то выделяет большее количество видов, кто-то – меньшее. Так, например, к перечисленному выше также выделяют конституционную, юридическую, политическую, социальную, криминологическую, демографическую, транспортную, техногенную и иные виды безопасности. По справедливому замечанию В. М. Егоршина, «перечень предметных сфер безопасности не является исчерпывающим и стабильным» [9, с. 117]. С развитием общества и государства феномен национальной безопасности включает в себя новые параметры, обрастает новыми характеристиками и форматами, при этом традиционные параметры и характеристики могут претерпевать изменения. На расширение спектра угроз и проблем, с которыми приходится сталкиваться нашей стране, неоднократно обращал внимание и Президент России В. В. Путин в своих ежегодных посланиях Федеральному Собранию РФ.

Третья классификация национальной безопасности России характеризуется еще большей размытостью границ объема. Основанием данной классификации являются угрозы национальной безопасности. Речь прежде всего идет о принадлежности источника опасности, формирующей угрозу. Если опасность исходит от другого государства, его граждан или организаций, где бы они ни находились, то угроза признается внешней, если же нанесение вреда исходит со стороны собственного государства, своих сограждан, своих организаций, то это внутренняя угроза. Следовательно, *в зависимости от источника угрозы система национальной безопасности России включает в себя две подсистемы: внутреннюю безопасность и внешнюю безопасность*. Выделение указанных разновидностей национальной безопасности России полностью соответствует Стратегии национальной безопасности 2009 года (пп. 6, 16). В частности, о двух типах угроз

национальной безопасности (внутренних и внешних) прямо говорится в определении соответствующего понятия (п. 6 Стратегии), вследствие чего формируются внутренние и внешние суверенные потребности государства в обеспечении национальной безопасности, которые в свою очередь реализуются через стратегические национальные интересы России (п. 22 Стратегии). Следует отметить, что, несмотря на то, что деление угроз национальной безопасности России на указанные два вида хотя и имеет некую практическую значимость, тем не менее, следует констатировать, что в настоящее время воздействие многих угроз носит трансграничный характер.

При исследовании системы национальной безопасности нельзя забывать о том, что указанный феномен не является тождественным феномену системы обеспечения национальной безопасности. Первый представляет собой внутреннее сложноорганизованное строение национальной безопасности, отражающее диалектику взаимодействия национальных интересов и всевозможных угроз в различных сферах. Вторым есть проявление деятельностного подхода к феномену, представляет собой закреплённую действующими нормативными правовыми актами систему органов и институтов, чья деятельность направлена на создание условий обеспечения национальной безопасности и противодействие ее угрозам. Структурными элементами системы национальной безопасности являются ее разновидности (подсистемы), а структурными элементами системы обеспечения национальной безопасности выступают, согласно Стратегии национальной безопасности, силы и средства обеспечения национальной безопасности (п.6). Механизм такой системы включает в себя правовую, институциональную и инструментальную составляющие.

В заключение следует констатировать, что эффективная организации обеспечения национальной безопасности предполагает не только понятийно-категориальную определенность, наличие сил и средств, соответствующую ресурсную обеспеченность. Не меньшее значение имеет четкое системное представление о феномене, что неизменно способствует выработке более точной политики и определению наиболее эффективных мер обеспечения национальной безопасности.

Список литературы

1. Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. 447 с.
2. Оськина Е. А. Функции государства по обеспечению экономической безопасности России: дис... канд. экон. наук. Саратов, 2005. 177 с.
3. СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609.
4. Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 52. Ст. 5909; Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.
5. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 769.
6. СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
7. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
8. СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

9. Егоршин В. М. Экономическая преступность и безопасность современной России (теоретико-криминологический анализ): автореф. дис. ... д-ра юр. наук. СПб., 2000. 45 с.

Дата поступления в редакцию: 26.10.2015

Авторская справка

Трусов Николай Александрович, начальник кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, доцент, Нижегородская академия МВД Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия. E-mail: nikevor@yandex.ru

---

UDC 32 (470+571)

THE SYSTEM OF RUSSIAN NATIONAL SECURITY

N. A. Trusov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod (Russia)

Abstract. The article presents the theoretical and methodological fundamentals of the understanding of national security system in Russia and the grounds for the classification of its differentiation. The author also analyzes modern basics of its legislative consolidation. The concepts of safety and national security found reflection in various documents of the Russian Federation.

Keywords: security, national security, national security system, the types of national security, the classification of national security

---

References

1. Poznyshv S. V. Osnovnye voprosy uchenija o nakazanii. M., 1904. 447 s.
2. Os'kina E. A. Funkcii gosudarstva po obespecheniju jekonomicheskoy bezopasnosti Rossii: dis. ... kand. jekon. nauk. Saratov, 2005. 177 s.
3. SZ RF. 1995. № 8. St. 609.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 17 dekabrja 1997 g. № 1300 «Ob utverzhdenii Konceptii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 1997. № 52. St. 5909; Ukaz Prezidenta RF ot 10 janvarja 2000 g. № 24 «O Konceptii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2000. № 2. St. 170.
5. Zakon RF ot 5 marta 1992 g. № 2446-1 «O bezopasnosti» // Vedomosti S#ezda narodnyh deputatov RF i Verhovnogo Soveta RF. 1992. № 15. St. 769.
6. SZ RF. 2008. № 47. St. 5489.
7. Ukaz Prezidenta RF ot 12 maja 2009 g. № 537 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // SZ RF. 2009. № 20. St. 2444.
8. SZ RF. 2011. № 1. St. 2.
9. Egorshin V. M. Jekonomicheskaja prestupnost' i bezopasnost' sovremennoj Rossii (teoretiko-kriminologicheskij analiz): avtoref. dis. ... d-ra jur. nauk. SPb., 2000. 45 s.

Author's Bio

Trusov Nikolai Aleksandrovich, head of the chair of constitutional and international law, a candidate of juridicial sciences, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: nikevor@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ

О. К. Шиманская¹, Е. Г. Матина²

¹*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)*

²*Мининский университет, Нижний Новгород (Россия)*

В статье рассматривается постановка проблемы этноконфессиональной безопасности в современной России в контексте социального конструктивизма, анализируется эмпирический количественный материал: результаты социологического опроса студенческой молодёжи по критериям этничности, конфессиональной принадлежности, отношению к этноконфессиональной безопасности и толерантности.

Ключевые слова: этнос, конфессия, студенты, ценности, безопасность, толерантность, культура

Проблема этноконфессиональной безопасности становится предметом обсуждения в отечественной гуманитаристике на междисциплинарном стыке религиоведения, культурологии и политологии в 90-е годы XX века. Распад СССР подтолкнул центробежные тенденции в региональном самоопределении, в их основе преимущественно были и остаются вопросы этнокультурной и этноконфессиональной идентичности, остро поставившие проблему целостности и безопасности России. И если ранее безопасность рассматривалась исключительно как безопасность от военной угрозы и катастроф природных и техногенных, то с этого времени принимается расширительное её толкование, разработанное в духе теории секьюритизации Копенгагенской школой исследований безопасности (Б. Бузан, О. Вэвер). Через призму теории секьюритизации любой предмет, явление и процесс может быть рассмотрен в контексте безопасности, когда политика в их отношении переводится в режим чрезвычайных мер [2, с. 209]. Высшая степень политизации и экстраординарных политических действий часто характеризует в современном мире и России этноконфессиональные проблемы. Секьюритизация формирует представления о рисках и угрозах, то есть задаёт контуры опасности, в которых формулируется определение безопасности. Отсюда этноконфессиональная безопасность может описываться через раскрытие угроз национальной безопасности в сфере этнического взаимодействия и межконфессионального диалога, а также через описание задач, выполнение которых будет способствовать укреплению национальной безопасности в этноконфессиональной сфере.

Этническая безопасность рассматривается как отсутствие конфликтов на этнической почве, основанное на признании ценности и свободы этнической самоидентификации личности. Этническая идентификация личности и людских общностей задаёт их культурную идентичность: язык, историческую память, традиции, принадлежность к определённой религии и родовым верованиям, нормам, обрядам, обычаям и проч. Глобализация не нивелирует этническую идентифика-

цию, а напротив, в ряде регионов мира усиливает её. Она становится полем политической борьбы, особенно проблемным и долговременным, когда этническая идентификация усиливается утверждением собственного религиозного самоопределения как выражения истинности предельных смыслов бытия человека и народа.

Поэтому этническая безопасность тесно связана с религиозной безопасностью, то есть созданием механизмов защиты от конфликтов в сфере межрелигиозных отношений, неотделимой в современном мире от соблюдения принципов свободы совести и её целенаправленной защиты. Этноконфессиональная безопасность, таким образом, включает в себя этническую и религиозную составляющие и может рассматриваться на разных уровнях – от личного до глобального. На персональном уровне этноконфессиональная безопасность означает возможность сохранять свою идентичность, а также находиться в бесконфликтной среде. На региональном, государственном и надгосударственном уровнях можно говорить о сохранении и защите коллективной идентичности и об отсутствии конфликтов в определённом регионе планеты. То есть на глобальном уровне мы осознаём необходимость создания и поддержания глобальной бесконфликтной среды, а вопрос о внешних угрозах не стоит. Таким образом, этноконфессиональная безопасность – это состояние, благоприятное для развития любой малой и крупной социальной системы – от локальной этноконфессиональной общности до глобального общества, присутствие внутреннего потенциала развития и отсутствие внешних угроз. Стратегия национальной безопасности РФ трактует безопасность в сфере этнического и конфессионального взаимодействия как фактор национальной безопасности [3], что подчёркивает многокомпонентный характер безопасности как таковой.

Этноконфессиональная безопасность требует превентивных профилактических мер в большей степени, чем последующее её операциональное разрешение по факту происшедших или текущих конфликтов. Понимание этноконфессиональной безопасности как профилактики ненасилия, толерантности и комплементарности в сфере этноконфессиональных отношений требует постоянного социологического мониторинга в этом направлении для глубокого понимания ситуации, стратегии и тактики её развития. В 2014 году нами проведено социологическое исследование среди студентов нижегородских вузов, в ходе которого определяли соотношение маркеров этнической и конфессиональной идентификации студенческой молодёжи, выясняли степень конфликтности по этноконфессиональным признакам и моделировали устойчивое толерантное сознание в этноконфессиональном и межкультурном взаимодействии как гаранта стабильного и устойчивого развития Российской Федерации. Цель исследования – анализ уровня конфликтности и степени толерантности в области этноконфессиональных отношений в Нижегородской области. Исследование направлено на выявление параметров этнической/межэтнической напряжённости в регионе и взаимосвязи этнического и конфессионального. Ставилась задача – выявить влияние интенсифицировавшихся миграционных процессов на этноконфессиональное состояние моноэтнической русской области.

Понятия «этнос» и «конфессия» исторически близки по содержанию. Как констатируют исследования, проводимые сотрудниками Отдела социальных показателей и индикаторов развития российского общества ИСПИ РАН, «исторически традиционные связи конфессий с определенной нацией, этносом продолжают оставаться тесными, несмотря на то, что в настоящее время религиозные верования не в полной мере определяются национальной принадлежностью и очертить географические границы распространения в России той или иной веры затруднительно» [1]. Понимая существующие различия между этносами и конфессиями, необходимо продолжать изучение религиозных процессов в тесной связи с этническими.

Массив опроса составил 1127 студентов, обучающихся в различных вузах города. Возраст опрашиваемых в основном определялся границами 17-24 года. Респондентов женского пола в выборке по массиву оказалось существенно больше – 794 человека, или 70 %, мужского пола – 333 человека, или 29,5 %.

Ответ на вопрос «Ощущаете ли Вы свою принадлежность к какому-либо этносу?» показал наличие чёткой этнической идентификации. Утвердительный ответ дали 43,9 % респондентов, иногда ощущают свою этническую принадлежность 34,1 %, не чувствуют потребности в этнической идентификации 19,3 %, идентифицируют себя как представители сразу двух этносов 2,4 %. При этом выходцами из моноэтнических семей являются 68,2 %, выходцами из двухэтнических семей – 17,7 % опрошенных, имеют моноэтнических предков 61 %, двухэтнических – 19,8 %, полиэтнических – 6,8 % респондентов. Этничность – значимый фактор самоидентификации студентов.

Отвечая на вопрос о межэтнических браках, большинство респондентов (61,8 %) утверждает: «В браке главное – любовь, а не этническая принадлежность»; в то же время 17,6 % относятся к межэтническим бракам отрицательно. Основная мотивация вступления в брак у нашей возрастной группы – романтическая. Закрытость в межличностных отношениях в форме брачно-семейных предпочтений присуща пятой части респондентов. Для большинства из них она связана с этническими факторами, которые могут быть вариантом культурного консерватизма, опасением за возможность долгосрочных перспектив брака при столкновении культурных и конфессиональных традиций и др. Считают возможным для себя вступить в брак с представителями другого этноса 10,1 %; могут вступить в такой брак при соблюдении определённых условий: «принятия религии и культуры моего этноса» – 4,7 %; «при условии переезда на мою родину и уважении её культуры» – 2,8 %; «если партнёр будет со мной из одной социальной группы» – 2 %. Факторы этноконфессиональные значительнее социальных, говоря об уверенности в высокой степени социальной мобильности.

При собственной определённости в этнической идентификации на вопрос «Влияет ли национальность Ваших друзей (знакомых) на Ваши отношения?» ответы были получены следующие: «Это не главное» – 46,1 %; «Не обращаю внимания» – 36,6 %; «Все зависит от того, к какой нации они относятся» – 10,4 %; «Является определяющей» – 3 %. Цифры дополнительно подчёркивают степень

этнической открытости молодежи региона, доброжелательного отношения к представителям других этносов. Показатель этнической толерантности по Нижегородской области, во многом в силу исторических причин, согласно этому опросу, высок и находится на уровне 82,7 %, нетерпимость характерна для 3 %, и для 10 % это вопрос болезненен. Этническую принадлежность 36,1 % наших респондентов воспринимают как данность, о которой не задумываются; 31,6 % воспринимают как предмет гордости. Ощущают свою этническую принадлежность только в иноэтничной среде 12,7 %; испытывают неудобство от своей этнической принадлежности 2 %; считают этничность достоянием прошлого 5,1 %; полагают, что «в современном глобальном мире нет места этничности, все люди – граждане мира», 10,4 % опрошенных. То есть, несмотря на глобализацию, этничность – важный фактор самосознания и социального самоопределения. Для трети опрошенных этничность – фактор культурного самоопределения, для другой трети – естественное состояние, что определяется моноэтничностью области, отсутствием постоянного сравнения с представителями других этносов. 15,5 % респондентов отдают предпочтение ценностям глобальной культуры в противовес этнической принадлежности. В то же время для 2 % этническая принадлежность представляется определённой проблемой. Возможно, в этой группе оказались недавние мигранты, плохо знающие русский язык, ощущающие различие традиций.

Принадлежность к конкретному этносу определяется следующими параметрами: 1) знание языка своего народа – 65,4 %; 2) стремление изучить и сохранить для будущих поколений традиции и обычаи своего народа – 49,1 %; 3) кровное родство с представителями этноса, к которому себя относишь, – 41,2 %; 4) изучение истории своего народа – 40,5 %; 5) желание жить среди тех, кто принадлежит к этому же этносу, – 21,5 %; 6) сохранение родной природы и среды обитания для будущих поколений – 13,4 %; 7) помощь своему народу конкретными социальными усилиями – 10,7 %; 8) ознакомление представителей иных народов с культурой своего народа – 10 %; 9) готовность защищать интересы своего этноса с оружием в руках от любых посягательств – 6,2 %. Определяющими этническими маркерами для нашей группы выступают культурно-локализирующие признаки: язык, традиция, кровное родство. Социально ориентированные признаки, такие как помощь своему народу конкретным социальным действием, сохранение среды обитания, культурная миссия и даже изучение истории, занимают второстепенное место. Можно предположить постепенное оформление этики индивидуализма у участников опроса. В то же время этничность не ассоциируется у респондентов нашего региона с кровавой борьбой за территорию. Культура других этносов вызывает живой интерес у 63,8 % респондентов. Мало интересуются ею 20,1 %. 13,4 % считают этническую культуру достоянием прошлого, полагая, что современный человек должен ориентироваться на массовую культуру. 2,2 % респондентов оказались сторонниками этнического изоляционизма, выбрав вариант «Человек должен знать только культуру своего этноса и интересоваться только ей». Студенчество в целом открыто к постижению культур иных этносов.

Культурная инаковость – повод к коммуникации, взаимообогащению, основание толерантного образа мысли и действия. Это подтверждается и мнением о путях развития культуры России. Культуре России в наибольшей степени содействует развитие культур её народов – так ответили 40,6 % участников опроса; русский язык в качестве государственного при билингвизме (двуязычии) в национальных субъектах Федерации и поддержке развития всех этнических языков – 19,4 %; доминирование русской культуры – 15,9 %; доминирование русского языка – 10,7 %, светская гражданская культура – 7,8 %; доминирование религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России, – 4,8%.

При ранжировании маркеров идентичности по признакам «этническая», «гражданская», «этнорегиональная» наиболее важной для себя как пути сохранения целостности страны, стабильного, устойчивого развития российского общества, студенты сочли гражданскую идентичность. Её в качестве определяющей выделили 40,5 %, затем последовали этническая идентичность – 30,7 % и этнорегиональная – 22,4 %. Гражданское самосознание нижегородских студентов значительнее. Поэтому и на вопрос «Представляет ли этническое многообразие угрозу для целостности государства?» ответы распределились так: «Единого сценария нет, зависит от специфики страны» – 61,8 %; «Да, представляет» – 21,7 %; «Многоэтничность способствует процветанию государства» – 14,4 %. Понимание сложности этнокультурных взаимосвязей характеризует мышление представителей нашего массива. Пятая часть респондентов высказывает озабоченность сохранением межнационального мира, ибо новейшая история показала хрупкость этого состояния, возможность мгновенной реанимации национализма и его тиражирования.

Под понятием «этническая безопасность» респонденты понимают «безопасность общественной жизни, в которой нет межнациональной розни, нетерпимости по национальному признаку» – 42 %; «соблюдение принципов федерализма и национально-культурной автономии в многоэтничных государственных образованиях, основанных на региональном билингвизме (двуязычии), равных правах граждан всех национальностей, безопасности общественной жизни, осуждении национальной розни и нетерпимости» – 24,6 %; «бережное сохранение языка и культуры малых народов» – 21,6 %; «возможность каждого этноса создавать собственное государство и иметь собственных представителей в ООН» – 5,1 %; «сильная вертикаль власти, проводящая жесткую политику по предотвращению экстремизма и терроризма» – 4,3 %. Нижегородских студентов характеризуют приверженность принципам правового государства и принципам федерализма при понимании необходимости бережного отношения к национально-культурным автономиям.

Большой блок вопросов касался определения мировоззренческой позиции участников опроса, их конфессиональной принадлежности и индекса воцерковления. Верующими определяют себя 51,8 % респондентов, сомневающимися (и да, и нет) – 27,3 %; неверующими – 12,3 %, затруднились ответить 8 %. Конфессиональное самоопределение распределилось так: православными себя счи-

тают 74,4 %, старообрядцами – 1,7 %; мусульманами – 1,8 %; иудеями – 0,2 %; протестантами – 0,8 %; представителями других вероисповеданий – 2,9 %; неверующими – 4,4 %; атеистами – 5,8 %; затруднились определить свою позицию – 7,1 %. Конфессиональная самоидентификация у студентов происходит увереннее, чем мировоззренческая. Поэтому верующих 51,8 %, а к различным религиозным направлениям относят себя 81,8 %. Причина в описанном исследователями феномене «культурной религиозности» в том, что к православию или исламу люди относят себя не как к вере, а как к культуре.

Обряд посвящения (вхождения в число последователей) той или иной конфессии прошли в детстве по решению родителей и родственников 59,2 % респондентов; самостоятельно приняли такое решение 3,8 %; хотел бы войти в число последователей выбранной религии в соответствии с обрядом 1 %; не интересовались этим 12,5 %; не принимали крещения или иного обряда посвящения 22,6 %. Семейная религиозность носит институциональный, архаичный характер, а не свойство приватизации религии, с характерной для этого глубиной религиозных поисков и выражением их в разнообразии практик.

Индекс воцерковлённости определяется количеством посещений церковей (мечетей, синагог, молитвенных домов). По массиву «нижегородские студенты» не реже 1 раза в неделю посещают церковь 1,8 % студентов; примерно 1-2 раза в месяц – 7,1 %; несколько раз в год – 42,5 %; в религиозные праздники – 15,9 %; ради интереса – 18,4 %; никогда не были – 12,1 %. С чем мы сталкиваемся в данном случае: искренней верой, успехами в катехизации и религиозном образовании, поиском нравственных оснований жизни, уважением к национальной традиции или конформизмом и обрядоверием? Почему так происходит и каково религиозное поведение, а также каковы ожидания, связанные с религиозными организациями у студентов? На вопрос «Как сказывается Ваше отношение к религии на Вашем поведении?» ответы распределились так: 1) «исхожу из реальной ситуации, а не из требований заповедей» – 35 %; 2) «стараюсь следовать заповедям» – 30 %; 3) «никак не сказывается» – 12,9 %; 4) «никогда об этом не задумываюсь» – 10,6 %; 5) «прислушиваюсь к мнению священника (проповедника, пресвитера, духовного учителя)» – 8,7 %; 6) «всегда следую религиозным заповедям» – 1,7 %. Можно говорить о четырёх группах по отношению к религии в соответствии с самооценкой: невоцерковлённые, или неверующие, – около четверти по массиву опроса; признающие значение религиозной веры как образа мысли, но не образа жизни, слабовоцерковлённые прагматики – более трети; полувоцерковлённые, пытающиеся соотносить веру и образ жизни, – треть; и наконец, воцерковлённые – 10,4 %. Несмотря на определившийся вектор религиозности молодёжи, мотивация её поведения определяется не нравственно-религиозными ценностями, а светскими мотивами.

Студенты подчеркивают, что конфессиональная принадлежность – «не главное» в отношениях с друзьями и знакомыми (48,1 %); не обращают на это внимания (36,4 %). Для 7,6 % «все зависит от того, к какой конфессии они относятся», а для 2,5 % конфессиональная принадлежность «является определяющей».

Уровень религиозной ксенофобии невысок, но беспокоит количественное совпадение предубеждения по конфессиональному признаку с уровнем воцерковлённости. Показательно и понимание толерантности в студенческой среде. Для 50,7 % толерантность – это «синоним терпимости»; для 43,9 % – «допущение существования «чужого»»; для 34,4 % – «взаимообогащение «своего чужим»»; для 27,3 % – «неотъемлемое качество человека»; для 25,5 % – «растворение чужого в своем»; для 24,6 % – «безразличие к воздействию чужого»; для 22,8 % – «идеал межкультурных взаимодействий»; для 18,4 % – «условие существования в поликультурном пространстве»; для 12,6 % – «идеология современного общества». Толерантность скорее допустима, чем необходима и желательна в понимании студентов. Отсюда значительный перевес в выборах следующих ответов: «терпимость», «допущение», «растворение», «безразличие», «идеология», чем «взаимообогащение», «показатель культуры», «идеал», «условие существования». В то же время в ответах на вопрос «Что, по Вашему мнению, может обеспечить этноконфессиональную толерантность? (Выберите 3 варианта ответа)» есть понимание необходимости принятия комплекса мер по развитию толерантности за немением лучшего определения качества.

Толерантность обеспечивается, по убеждению студентов, в первую очередь «общей историей и деятельностью этносов» – 53,6 %; «призывами к гражданскому миру» – 51 %; «общественно-просветительской деятельностью сообществ» – 48,4 %; затем «строгим соблюдением властью Конституции РФ» – 34,4 %; «четкой работой муниципальных органов власти» – 27,1 %; «быстрым реагированием структур МВД и ФСБ» – 24,8 %; «сильной вертикалью власти» – 21,8 %. Культурно-исторические и хозяйственные факторы совместной жизни разных народов на протяжении веков, которые необходимо поддерживать и укреплять культурными (в том числе образовательными, научными, просветительскими) практиками, – вот что обеспечивает межэтнический и межконфессиональный мир в нашем обществе и способно работать на перспективу, по мнению нижегородских студентов. Вспомогательную роль экстренного реагирования должны играть государственная власть с аппаратом подавления и принуждения, а также властные органы, в том числе местные органы власти, ибо все этнические и конфессиональные конфликты зарождаются на местном уровне. Необходимо развивать правосознание и соблюдать законодательство. Несмотря на настороженное отношение к толерантности как теоретическому конструкту, на практике студенты понимают необходимость её воплощения и наличие для этого оснований в разных аспектах и на разных этапах истории страны. Однако научной, образовательной и просветительской сфере есть над чем работать, в частности в преодолении стереотипов массового сознания.

Анализ результатов опроса позволяет сделать некоторые выводы. Мы можем рассматривать данные опроса в качестве индикатора глубинных ценностных трансформаций всего социума. Опрос показал их наличие по показателям этничности, религиозности, толерантности как наиболее значимым для сохранения единства российского цивилизационного пространства. Этнические и конфесси-

ональные факторы выступают основными идентифицирующими маркерами сознания студентов с преобладанием их культурообразующих аспектов. В этом есть и опасность дезинтеграции социума, и дальнейшего развития многоплановой российской культуры. Стабильное и устойчивое развитие требует продуманных и целенаправленных усилий органов государственной власти, но ещё важнее усилия со стороны системы образования, науки, просвещения и религиозных деятелей всех направлений. Конфессиональная ориентация усиливает этническое сознание, хотя в идеальной модели должна способствовать его нивелированию и преодолению, провозглашая надэтнические, нравственные мотивы объединения людей. Этнизация религий свидетельствует об архаизации общественного сознания, ибо студенты демонстрируют конгломерат научных представлений, морально-правовых установок семьи и ряда общественных институтов, с которыми они соприкасались (школа, просветительские организации, вуз, СМИ и др.). Мы обнаруживаем срез массового, обыденного сознания, в котором доминируют характерные постреволюционные (перестройка) и постреформаторские («шоковая терапия» в экономике, либеральные реформы 90-х годов XX в.) консервативные настроения широкого спектра, в том числе в области политики. Но при этом патернализм со стороны государства как память о далёком и недавнем прошлом не вызывает симпатий, замещаясь более мягким, приемлемым – конфессиональным.

Однако сочетание конфессиональных установок не совпадает с реальной практикой и образом жизни участников опроса, руководствующихся в жизни светскими принципами. С одной стороны, мы видим убеждённость участников опроса в необходимости совместной экономической, культурной, гражданско-политической, правовой и конфессиональной жизни представителей разных этносов в Российской цивилизации, их взаимный интерес, обусловленный общностью исторического прошлого. С другой стороны, только прошлое уже не является достаточным основанием межнационального взаимообогащения и коммуникации. Нужна целенаправленная и систематическая работа всех институтов культуры, муниципальных, региональных, федеральных органов власти для разработки тщательно продуманной программы воспитания толерантности не только как терпимости, а как программы взаимообогащения, максимально эгалитарной, справедливой и демократичной национальной политики.

Список литературы

1. Качан А. Проблема толерантности в межнациональных и этноконфессиональных отношениях (опыт социологического мониторинга в регионах РФ) [Электронный ресурс]. Нижний Новгород, 2012. Режим доступа: <http://www.lunn.ru/?id=11068>, свободный.
2. Культура. Религия. Толерантность: учебное пособие / О. Н. Сенюткина, О. К. Шиманская, А. С. Паршаков, М. П. Самойлова. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. 267 с.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. М., 2010. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>, свободный.

Дата поступления в редакцию: 14.10.2015

Авторская справка

Шиманская Ольга Константиновна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия.

E-mail: shimansk@mail.ru

Матина Екатерина Геннадьевна, аспирант, Мининский университет, г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: ktm_91@mail.ru

---

UDC 323.1

**THE PROBLEM OF ETHNIC AND RELIGIOUS SECURITY
IN MODERN RUSSIA: CHALLENGES AND RISKS**

O. K. Shimanskaya¹, E. G. Matina²

¹*Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod (Russia)*

²*Minin University, Nizhny Novgorod (Russia)*

Abstract. The article considers the formulation of the problem of ethno-confessional security in modern Russia in the context of social constructivism. The article analyzes the empirical quantitative material: results of sociological survey of student youth according to the criteria of ethnicity, religious affiliation, attitude towards ethnic and religious tolerance and security.

Keywords: ethnoscience, confession, students, values, security, tolerance, culture

---

References

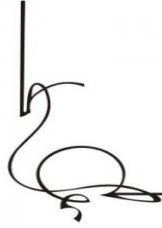
1. Качан А. Проблема толерантности в межнациональных и межконфессиональных отношениях (опыт социологического мониторинга в регионах РФ) [Электронный ресурс]. Нижний Новгород, 2012. Режим доступа: <http://www.lunn.ru/?id=11068>, svobodnyj.
2. Kul'tura. Religija. Tolerantnost': uchebnoe posobie / O. N. Senjutkina, O. K. Shimanskaja, A. S. Parshakov, M. P. Samojlova. Nizhny Novgorod: FGBOU VPO «NGLU», 2013. 267 s.
3. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda [Электронный ресурс]. М., 2010. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>, svobodnyj.

Author's Bio

Shimanskaya Olga Konstantinovna, the candidate of philosophical sciences, the senior lecturer of chair culturologists, NNSLU of N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: shimansk@mail.ru

Matina Ekaterina Gennadevna, the post-graduate student, Minin University, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: ktm_91@mail.ru

ИСТОРИЯ

УДК 327

КООРДИНАТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВА В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Радослав Бонев

Военная академия им. Г. С. Раковского, София (Болгария)

В теории международных отношений не содержится ответа на один из главных вопросов политической науки. Что является единицей анализа возникновения, существования, развития и прекращения взаимодействия между государствами и иными участниками международных отношений? Наличие такого крупного пробела объясняется отсутствием в теории международных отношений структурированного знания о непосредственной деятельности субъектов международных отношений, в том числе и о внешнеполитической стратегии государств. Для разрешения противоречия необходимо разработать, обосновать и структурировать концептуальные положения теории внешнеполитической стратегии государства, которая позволит в рамках нового направления научных исследований развивать теорию международных отношений и решать практические задачи внешнеполитической деятельности.

Ключевые слова: внешнеполитическая стратегия государства, международная система, детерминанты, оценки угрозы, глобальный уровень, субгосударственный уровень, модель

Развитие научного знания в рамках теории международных отношений возможно несколькими путями: традиционным – в рамках сложившихся научных школ; инновационным – путем углубленной разработки новых научных проблем. Одной из таких комплексных проблем является проблема внешнеполитической деятельности и стратегии государства. Теория внешнеполитической деятельности государства – область знаний, раскрывающая закономерности функционирования и развития внешнеполитической деятельности государства, описывающая и объясняющая особенности реализации интересов государства в международных отношениях.

На фоне интереса к сравнительному изучению внешнеполитических стратегий особенно заметен огромный поток исследований, посвященных анализу геостратегий отдельных стран [1]. Прежде всего, здесь следует назвать работы М. Линда [2], К. Лэйна [3], К. Дуэка [4], Н. Хомского [5], К. Грэя [6], Р. Хааса [7], К. Алдред и М. Смита [8], Э. Лэйка [9], С. Брауна [10] и др. Дж. Тоуэл разработал *общую концептуальную схему формирования различных геостратегических дискурсов внешнеполитических стратегий* [11]. В работе «Политическая экономика генеральной стратегии» К. Нарыжный изложил экономические основы различных внешнеполитических стратегий [12].

Внешнеполитическая стратегия представляет собой долгосрочную программу достижения целей и обеспечения национальных интересов государства на международной арене, которая предусматривает оптимальное использование имеющихся у государства ресурсов в изменяющейся системе международных отношений [13]. Исследование концептуальных основ формирования внешнеполитической стратегии государства необходимо для выработки наиболее эффективной внешней политики в условиях эволюции международной системы [14]. Такая стратегия должна учитывать детерминанты [15] *глобального, государственного и субгосударственного уровней* для более эффективного использования имеющихся ресурсов в ходе реализации целей развития государства [16]. Возникает не только вопрос о соотношении детерминант национального и глобального уровней во внешнеполитической стратегии, но и вопрос о соотношении различных детерминант на глобальном уровне. В условиях постоянного развития совокупного потенциала основных международных акторов и их конфигурации на международной арене важно проанализировать механизм выстраивания их внешнеполитических стратегий, а также определить то, как в них соотносятся детерминанты на глобальном уровне принятия решений с детерминантами на государственном и субгосударственном уровнях. На основе изучения различных теорий мировой политики и международных отношений, в частности теорий анализа внешней политики и неоклассического реализма, выделяются ключевые детерминанты внешнеполитической стратегии государства, изучение которых призвано создать более *фундаментальную теоретическую модель внешнеполитической стратегии государства* с целью прогнозирования его поведения на международной арене.

В большинстве государств наиболее важные цели определяются в официальных программных документах, в которых отражаются политический курс, внешнеполитическая доктрина и внешнеполитическая стратегия государства [17]. Понятие «внешнеполитическая стратегия» определяется и как долгосрочная программа достижения целей и обеспечения национальных интересов государства на международной арене, предусматривающая оптимальное использование имеющихся у государства ресурсов в изменяющейся системе международных отношений. Ее концептуальные основы отражаются в виде официальных государственных документов. Внешнеполитическая стратегия государства определяет степень эффективности его реагирования на внешние и внутренние угрозы, использование возможностей международной среды с целью реализации национальных интересов [18]. «Внешнеполитическая стратегия» используется несколько реже, чем понятие «внешняя политика». При анализе внешнеполитической проблематики используются понятия «внешняя политика», «внешнеполитический курс», «внешнеполитическая тактика», «национальная стратегия», «геостратегия», «геополитическая стратегия». Инициаторами использования метода уровней анализа в теории международных отношений были три американских автора: Кеннет Н. Уолц, Мортон А. Каплан и Дэвид Дж. Сингер [19]. Наиболее важное различие между уровнями проводится между уровнем *актора* (государства и индивидуальных или общественных акторов, на него вли-

яющих) и уровнем *международной системы* (на котором проявляются взаимосвязи между наиболее влиятельными государственными и негосударственными международными акторами), так как именно здесь происходит *выбор* модели соотношения детерминант данных уровней во внешнеполитической стратегии государства.

Проблематика внешнеполитического поведения государства, его детерминации на субгосударственном уровне активно разрабатывается в рамках относительно нового теоретического подхода в теории международных отношений – *неоклассического реализма*. Впервые термин «неоклассический реализм» был использован Гидеоном Роузом в 1998 году в его статье «Неоклассический реализм и теории международных отношений». Роуз выдвинул этот термин, опираясь на книги Томаса Кристенсена, Ренделла Швеллера, Вильяма Волфорта и Фариды Закарии [20]. Авторы включают *детерминанты субсистемного уровня* в структурную логику реализма для понимания специфических реакций государства на международное давление. Представители неоклассического реализма – Стивен Лоббел, Норрин Рипсман, Джеффри Талиаферро, Ренделл Швеллер, Вильям Волфорт, Стивен Брукс, Фарид Закария, Николас Китчен (см., напр., [21]). Введение в научный оборот методологии неоклассического реализма, во-первых, позволит снять некоторые существующие некорректные трактовки этой теории, во-вторых, обогатит понимание современных международных отношений в аспекте теоретического инструментария и возможностей прикладного внешнеполитического анализа.

Неоклассический реализм не следует рассматривать в отрыве от совокупности подходов к анализу внешней политики (Foreign Policy Analysis), насчитывающих более полувека исследований, посвященных детерминантам государственного и субгосударственного уровней: материальных параметров государства (Дж. Розенау, Р. Руммель), социетальной культуры и национальных особенностей внешней политики (В. Хадсон), взаимоотношений общества и государства, его внутренней политики (В. Риттбергер, Д. Скидмор, П. Катзенштейн), общественного мнения (О. Холсти), всех аспектов процесса принятия решения с точки зрения организации (Г.Х. Шнайдер), функционирования бюрократии (Г. Аллисон), особенностей процессов восприятия (М. Янг, М. Шафер), стиля лидерства (Д. Петерс), влияния международной системы на внешнеполитический курс (В. Карлснайс), лиц, принимающих решения, и их особенностей (Д. Пост) (см., напр., [16]).

Исследование внешней политики государства с позиций *метода структурно-функционального анализа* позволяет представить государство и международную политику в виде систем, тем или иным образом реагирующих на внешние и внутренние воздействия. Этот метод также позволяет решить проблему сравнимости внешнеполитических стратегий различных государств. Для исследования развития, динамики выработки внешней политики используется *сравнительный метод*, позволяющий сопоставить изменения различных детерминант внешней политики в разных странах. При этом под детерминантой понимается *зависимая или независимая переменная* [22], то есть группа причин, объединенных в опре-

деленном факторе (силы, восприятия, психологических особенностей политических лидеров и др.) и воздействующих на внешнеполитическую стратегию на глобальном, государственном или субгосударственном уровнях. Формирование внешнеполитической стратегии государства наиболее полно проявляется на трех уровнях – глобальном, государственном и субгосударственном, где национально-государственный уровень включает в себя действие детерминант государственного и субгосударственного уровней. При определении внешнеполитической стратегии используются не только разработки рационалистских подходов (школы политического реализма и либерализма), но и рефлексивистские теории международных отношений (конструктивизм, постмодернизм, феминизм). Внешнеполитическая стратегия государства рассматривается не только через анализ силового потенциала государства, его участие в деятельности международных организаций, но и через призму образов, информационных конструктов, определяющих видение государством как международной среды, так и внутригосударственных процессов.

На уровне детерминант международной системы происходит постоянный процесс *оценки угрозы государству* от окружающей его анархичной международной среды: государственная элита получает вызов из внешней среды (смещение в распределении силы, намерениях других акторов), пропуская его сквозь призму собственных перцепций и мотивов, и выносит решение о необходимом ответе на системный вызов. На глобальном уровне исследуются различные виды упорядочивания международной анархии и анализа внешней политики (Foreign Policy Analysis) с точки зрения выделения уровней и детерминант внешнеполитического поведения государства – международная структура, международные институты, международное право, которые влияют на внешнюю политику государства. На государственном уровне анализа рассматриваются внутренняя политика государства, ее особенности. Независимая переменная представляет собой определенный параметр, характеризующий международную среду, который влияет на зависимую переменную, описывающую поведение государства и внутригосударственных акторов. Зависимая переменная определяется результатами изменений в независимой переменной. Например, изменение полярности международной структуры (независимой переменной) вынуждает государства переосмысливать свои внешнеполитические стратегии (зависимая переменная) с учетом нового баланса сил [23], различные характеристики государства (политические, экономические, социокультурные), процесс организации принятия внешнеполитического решения, мобилизационные возможности государства [24].

Глобальный уровень принятия внешнеполитического решения включает в себя следующие детерминанты: детерминанту силы, детерминанту соотношения сил на международной арене, институциональную детерминанту, детерминанту взаимного восприятия государствами друг друга и современной системы международных отношений. Являясь независимыми переменными, данные детерминанты задают те рамки, в которых государства формируют свои внешнеполитические стратегии. На субгосударственном уровне внешнеполитическая стратегия государства анализируется как один из ключевых результатов деятельности по-

литической системы государства во взаимодействии с обществом. Анализ субгосударственного уровня включает в себя исследование особенностей процессов группового и индивидуального восприятия (М. Янг, М. Шафер), характеристик как политического лидерства (Т. Престон, Д. Петерс), так и лиц, принимающих решения (Дж. Пост), социальной сплоченности и процесса мобилизации общественных ресурсов (см., напр., [25]). Государство ретранслирует на общество своё понимание международного вызова и необходимого на него ответа. Эта ретрансляция имеет целью сконцентрировать ресурсы общества и передать эти ресурсы государству для воплощения в жизнь внешнеполитической стратегии. Государственный уровень принятия внешнеполитического решения, будучи наряду с субгосударственным частью национально-государственного уровня, включает в себя следующие детерминанты: детерминанту оценки силы (баланса сил), детерминанту степени автономии государства от общества, детерминанту мобилизационной способности государства и степени социальной сплоченности, детерминанту «большой стратегии». Механизм принятия внешнеполитического решения зависит от государственного аппарата, роли в нем исполнительной и законодательной ветвей власти, их функциональной дифференциации, баланса различных внутригосударственных институтов, их интересов.

Субгосударственный уровень детерминант представляет собой воздействие более частных сил на формирование внешнеполитической стратегии государства. Он определяет процессы общественной мобилизации и проведения внешней и внутренней политики, влияет на оценку лидерами международных угроз, возможностей и внешнеполитических линий, которые они проводят. Процесс получения ресурсов общества зависит от ряда внутренних условий: влияния социальных акторов и групп интересов, степени общественной автономии от государства и уровня сплоченности общества. Субгосударственный уровень принятия внешнеполитического решения, являющийся наряду с государственным уровнем составной частью национально-государственного уровня, включает в себя институциональную детерминанту, детерминанту мобилизации, детерминанту политико-психологических характеристик лидеров и детерминанту идеологии. Данные детерминанты, в зависимости от своего места в формировании внешнеполитической стратегии государства, определяют среду принятия внешнеполитического решения. В зависимости от степени сплоченности и мобилизуемости данная среда может минимизировать «помехи» в восприятии государством международных импульсов или усилить их.

Основные детерминанты глобального и национально-государственного уровней в зависимости от своей значимости в процессе формирования внешнеполитической стратегии государства могут образовывать *страновые модели* соотношения детерминант глобального и национально-государственного уровней. *Модель преобладания детерминант глобального уровня над детерминантами национально-государственного уровня* характерна для формирования внешнеполитической стратегии США. Детерминанты глобального уровня решающим образом влияют на формирование внешнеполитической стратегии вследствие того, что США настолько интегрированы в мировую политическую систему и миро-

вую экономику, что реализация их национальных интересов невозможна без активного участия и реагирования на международные вызовы, получения преимуществ от глобального охвата своей международной активности. Данная модель демонстрирует, что если в 1990-е гг. однополярное вовлечение в мировую политику было обусловлено существенным превосходством в государственной мощи, ее позитивным восприятием в мире, то в 2000-е гг. детерминанты государственного уровня стали относительно более влиятельны в определении внешнеполитической стратегии США, так как усилились сложности поддержания ими экономического лидерства в мире, выработки общественного консенсуса по внутренней и внешней политике.

На глобальном уровне детерминанты силы и соотношения сил стали более влиятельными, чем институциональная детерминанта и детерминанта восприятия. Это связано с переключением внимания с информационной составляющей внешней политики США в 2000-е гг. на ее силовую составляющую и большим вниманием к балансированию против усиливающихся держав. На государственном уровне детерминанты большой стратегии и мобилизационной способности в 2000-е гг. оказались более влиятельными, чем детерминанты силы и автономии государства, что было связано с необходимостью переопределения направленности внешнеполитического вектора США, их роли в трансформирующемся мире, основанной на преодолении межпартийных разногласий и поддержании высокой общественной поддержки. При этом не происходило ослабление степени автономии государства или видимого упадка государственной мощи США. На субгосударственном уровне детерминанты идеологии и мобилизации, по сравнению с 1990-ми гг., сохранили свое преобладание над детерминантами общественных институтов и психологии лидеров, так как внутригосударственный идеологический консенсус и механизмы общественно-политической мобилизации определяются в тех условиях, в которых исторически развиваются внутригосударственные институты и формируется психология тех или иных политических деятелей.

Модель динамического соотношения детерминант глобального и национально-государственного уровней явственно обозначается во внешнеполитической стратегии Китая. КНР постепенно смещает акценты в своей внешнеполитической стратегии, которая все в большей мере опирается и оказывает влияние на детерминанты глобального уровня при неизменно важной роли детерминант национально-государственного уровня. Это не означает, что сила Китая ослабевает и он передает ее часть надгосударственным органам, а свидетельствует скорее о том, что дальнейшее наращивание его совокупной национальной мощи возможно только по пути увеличения присутствия на глобальном уровне принятия решений, на котором ему придется еще более тесно взаимодействовать с ЕС, НАТО, США, Россией, БРИКС и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, определяющими современную архитектуру международных отношений.

На глобальном уровне внешнеполитической стратегии преобладание детерминант соотношения сил и восприятия объясняется тем, что современному Китаю для продолжения своего роста и укрепления международных позиций важно

укреплять свои международные союзы и коалиции, конструировать благоприятный образ внешней политики. На государственном уровне превалирование детерминант мобилизационной способности и социальной сплоченности объясняется тем, что совершенствование механизмов политического рекрутирования обуславливает возможность успешного диалога государства и общества в современных условиях, консолидацию общественных ресурсов государством и поддержку большой стратегии со стороны китайского общества, зарубежной диаспоры и общественных организаций. На субгосударственном уровне детерминанты мобилизации и институтов оказываются в начале XXI века влиятельнее детерминант идеологии и психологии лидеров, что связано с модернизацией «социальных лифтов» и усложнением общественных институтов, эффективное управление которыми позволит Китаю обеспечить благоприятную среду формирования внешнеполитической стратегии. Требуют своего разрешения проблемы дальнейшей социальной сплоченности и качества участия населения в политическом процессе, так как без них невозможно дальше наращивать силу и глобальную вовлеченность Китая как с политической (идеологической конкуренции), так и с экономической точек зрения (насыщения внутреннего спроса). Внешнеполитическая стратегия России на современном этапе тяготеет к модели преобладания детерминант национально-государственного уровня над глобальным уровнем. В рамках рассмотренной модели детерминанта соотношения сил формируется на глобальном уровне внешнеполитической стратегии как попытка создать стратегически более выгодные глобальные условия для России. Данные усилия выражаются в выстраивании региональных организаций на постсоветском и евразийском пространствах, стремлении ограничить влияние НАТО, ЕС и США, создании предпосылок коллективного лидерства стран БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

Для страны, в большей степени опирающейся на государственные ресурсы и региональный потенциал, чем на глобальные ресурсы, институциональная детерминанта глобального уровня внешнеполитической стратегии на протяжении последних десятилетий начала XXI столетия (за исключением начала 90-х гг. XX века) менее влиятельна, чем детерминанты силы и соотношения сил. Детерминанта восприятия играет более важную роль во внешнеполитической стратегии современной России, чем институциональная детерминанта, так как достижение определенного международного статуса (великой державы) рассматривалось и рассматривается как более важная цель, чем получение выгоды от простого участия в деятельности международных институтов. Детерминанта силы, будучи наиболее влиятельной в ситуации неблагоприятной и опасной международной среды, в большей степени определяла внешнеполитическую стратегию России на государственном уровне как в 1990-е гг., так и в 2000-е гг. Выстраиванию внешнеполитического ответа на международные вызовы подчинены все государственные и, как следствие, большинство субгосударственных процессов. Детерминанта степени автономии от общества в условиях достаточно динамичного роста потенциала государства становится на современном этапе более влиятельной, чем детерминанта силы в формировании внешнеполитической стратегии, так как без преодоления односторонней автономии и без создания эффективных

форм мобилизации возрастающих общественных ресурсов государство не сможет далее наращивать свои возможности.

Детерминанта мобилизационной способности и степени сплоченности неразрывно связана с детерминантой степени автономии. Она, являющаяся наравне с детерминантой политико-психологических характеристик лидеров наиболее влиятельной на субгосударственном уровне, вносит решающий вклад во внешнеполитическую стратегию. Детерминанта *большой стратегии* становится, наравне с детерминантой степени автономии, главной в формировании внешнеполитической стратегии на государственном уровне. Это проявляется в преобладании политического курса, долгосрочном планировании внешней и внутренней политик, регулярном обновлении внешнеполитических приоритетов. Рост конфликтного потенциала в современном мире повышает актуальность изучения внешнеполитических стратегий ведущих держав. Следует ожидать, что по мере развития теории геополитики, международных отношений и внешней политики и смежных с ними научных дисциплин в знания о внешнеполитической стратегии государства будут привноситься и другие понятия, посредством которых будут раскрываться и другие явления.

Список литературы

1. Сидоркин С. А. Геополитические стратегии России и США: Сравнительный анализ (1989-2009 гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 5. URL: http://www.google.ru/url?url=http://polit.msu.ru/pub/asp_doc/Diss_sovet/Avtoreferat_Sidorkin.doc&rct=j&frm=1&q=&esrc=s&sa=U&ved=0CBVMQFjAAahUKEwiK17svMTIAhVHiRoKHZXhBW0&usg=AFQjCNF2IWHgHk4BFkYr4EidukRzqjCFtA (дата обращения 15.10.2015).
2. Lind M. The American Way of Strategy: U.S. Foreign Policy and the American Way of Life. New York, 2006. URL: http://www.carlisle.army.mil/library/bibs/American_Way_of_War.pdf (дата обращения 15.10.2015)
3. Layne C. The Peace of Illusions: American Grand Strategy from 1940 to the Present. New York, 2006; Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing. America's Future Grand Strategy // International Security. 1997. Vol. 22, № 1. P. 86-124. URL: <http://content.csbs.utah.edu/~slobell/Structural%20Realism.pdf> (дата обращения 15.10.2015)
4. Dueck C. Reluctant Crusaders: Power, Culture, and Change in American Grand Strategy. New York, 2006.
5. Chomsky N. Hegemony Or Survival: America's Quest for Global Dominance. London, 2004.
6. Gray C. S. The Sheriff: America's Defense of the New World Order. Lexington, 2004.
7. Haass R. The Reluctant Sheriff: The United States After the Cold War. New York, 1997.
8. Aldred K., Smith M.A. Superpowers in the Post-Cold War Era. New York, 1999.
9. Lake A. Six Nightmares: Real Threats in a Dangerous World and How America Can Meet Them. New York, 2007.
10. Brown S. The Illusion of Control: Force and Foreign Policy in the Twenty-first Century. Washington, DC, 2003.
11. Toal G. Geopolitical Structures and Cultures: Towards Conceptual Clarity in the Critical Study of Geopolitics // Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns. Manitoba, 2003. P. 75-76. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.455.3285&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения 15.10.2015)
12. Narizny K. The Political Economy of Grand Strategy. New York, 2007.
13. Косоруков А. А. Соотношение детерминант глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитической стратегии: зарубежный опыт и российская специфика: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. С. 11. URL: http://polit.msu.ru/pub/asp_doc/Diss_sovet/Kosorukov.doc&rct=j&frm=1&q=&esrc=s&sa=U&ved=0CB0QFjACahUKEwjT2PSjvcTIAhUDEiwKHTHFdvA&usg=AFQjCNGU-7SQHIPtHnHLM8qIhbaktgsBxw (дата обращения 15.10.2015)

14. Waltz K. Theory of International Politics. McGrawHill. New York, 1979. P. 74.
15. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C>, (дата обращения 15.10. 2015).
16. Адаптированный текст из диссертации Косорукова А. А. «Соотношение детерминант глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитической стратегии: зарубежный опыт и российская специфика» / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. М., 2011.
17. Кондратов А. И. Теория внешнеполитической деятельности государства. М.: Граница, 2011. С. 47.
18. Кондратов А. И. Концептуальная модель внешнеполитической деятельности государства в теории международных отношений: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2012. С. 34.
19. Singer J. The Level-of-Analysis Problem in International Relations // World Politics. 1961. No. 14(1). P. 77-92.
20. Zakaria F. From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role. Princeton: University Press, 1998.
21. Lobell S. E. Balance of Power, Components of Power, and Grand Strategy. Cornell University, Peace Studies Program. 2009.
22. Rosenau J. N. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge University Press, 1997.
23. Waltz K. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley. 1979. P. 68. URL: <https://www.press.umich.edu/pdf/9780472099818-ch1.pdf>
24. Hudson V. M. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations // Foreign Policy Analysis. 2005. Vol. 1, No. 1. P 10.
25. Christensen T. C. Useful Adversaries: Grand Strategy, Domestic Mobilization, and Sino-American Conflict, 1947-1958. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.
26. Post J. M. The Psychological Assessment of Political Leaders. University of Michigan Press, 2005.

Дата поступления в редакцию: 16.10.2015

Авторская справка

Радослав Бонев, доктор национальной безопасности, кафедра национальной и международной безопасности, факультет национальной безопасности и обороны, Военная академия им. Г. С. Раковского, София, Болгария. E-mail: sn_ilieva@abv.bg

UDC 327

**COORDINATES OF FOREIGN POLICY STRATEGY
WITHIN THE THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS**

Radoslav Bonev

Military academy of G. S. Rakovsky, Sofia (Bulgaria)

Abstract. The article is referring to the foreign policy strategy of a State within the context of the neo-classical realism theory. Basic principles and typical models in foreign policy development are discussed. More to it, levels and determinants of structure logics of foreign policy of a state and international security system are viewed also, reflected by the context of international relations theory.

Keywords: foreign policy strategy, model, international system, global level, sub-regional level, determinants

References

1. Sidorkin S. A. Geopoliticheskie strategii Rossii i SShA: Sravnitelnyi analiz (1989-2009 gg.): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2009. S. 5. URL: http://www.google.ru/url?url=http://polit.msu.ru/pub/asp_doc/Diss_sovet/Avtoreferat_Sidorkin.doc&rct=j&frm=1&q=&esrc=s&sa=U&

ved=0CBMQFjAAAhUKEwiK17svMTIAhVHiRoKHZxhBW0&usg=AFQjCNF2lWHgHk4BFkYr4EidukRzqjCftA (data obrashcheniia 15.10.2015).

2. Lind M. The American Way of Strategy: U.S. Foreign Policy and the American Way of Life. New York, 2006. URL: http://www.carlisle.army.mil/library/bibs/American_Way_of_War.pdf (data obrashcheniia 15.10.2015)

3. Layne C. The Peace of Illusions: American Grand Strategy from 1940 to the Present. New York, 2006; Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing. America's Future Grand Strategy // International Security. 1997. Vol. 22, № 1. P. 86-124. URL: <http://content.csbs.utah.edu/~slobell/Structural%20Realism.pdf> (data obrashcheniia 15.10.2015).

4. Dueck C. Reluctant Crusaders: Power, Culture, and Change in American Grand Strategy. New York, 2006.

5. Chomsky N. Hegemony Or Survival: America's Quest for Global Dominance. London, 2004.

6. Gray C. S. The Sheriff: America's Defense of the New World Order. Lexington, 2004.

7. Haass R. The Reluctant Sheriff: The United States After the Cold War. New York, 1997.

8. Aldred K., Smith M.A. Superpowers in the Post-Cold War Era. New York, 1999.

9. Lake A. Six Nightmares: Real Threats in a Dangerous World and How America Can Meet Them. New York, 2007.

10. Brown S. The Illusion of Control: Force and Foreign Policy in the Twenty-first Century. Washington, DC, 2003.

11. Toal G. Geopolitical Structures and Cultures: Towards Conceptual Clarity in the Critical Study of Geopolitics // Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns. Manitoba, 2003. P. 75-76. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.455.3285&rep=rep1&type=pdf> (data obrashcheniia 15.10.2015).

12. Narizny K. The Political Economy of Grand Strategy. New York, 2007.

13. Kosorukov A. A. Sootnoshenie determinant globalnogo i natsionalno-gosudarstvennogo urovnei v formirovanii vneshnepoliticheskoi strategii: zarubezhnyi opyt i rossiiskaia spetsifika: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2011. S. 11. URL: http://www.google.ru/url?url=http://polit.msu.ru/pub/asp_doc/Diss_sovet/Kosorukov.doc&rct=j&frm=1&q=&esrc=s&sa=U&ved=0CB0QFjACahUKEwjT2PSjvcTIAhUDEiwKHTHFDvA&usg=AFQjCNGU-7SQHIPtHnHLM8qIhbaktgsBxw (data obrashcheniia 15.10.2015)

14. Waltz K. The Theory of International Politics. McGrawHill. New York, 1979. P. 74.

15. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C>, (data obrashcheniia 15.10. 2015)

16. Adaptirovannyi tekst iz disertatsii Kosorukova A. A. «Sootnoshenie determinant glo-balnogo i natsionalno-gosudarstvennogo urovnei v formirovanii vneshnepoliticheskoi strategii: zarubezhnyi opyt i rossiiskaia spetsifika» / Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova. M., 2011.

17. Kondratov A. I. Teoriia vneshnepoliticheskoi deiatelnosti gosudarstva. M.: Granitca, 2011. S. 47.

18. Kondratov A. I. Kontseptualnaia model vneshnepoliticheskoi deiatelnosti gosudarstva v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2012. S. 34.

19. Singer J. The Level-of-Analysis Problem in International Relations // World Politics. 1961. No. 14(1). P. 77-92.

20. Zakaria F. From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role. Princeton: University Press, 1998.

21. Lobell S. E. Balance of Power, Components of Power, and Grand Strategy. Cornell University, Peace Studies Program. 2009.

22. Rosenau J. N. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge University Press, 1997.

23. Waltz K. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley. 1979. P. 68. URL: <https://www.press.umich.edu/pdf/9780472099818-ch1.pdf>

24. Hudson V. M. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations // Foreign Policy Analysis. 2005. Vol. 1, No. 1. P 10.

25. Christensen T. C. Useful Adversaries: Grand Strategy, Domestic Mobilization, and Sino-American Conflict, 1947-1958. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

26. Post J. M. The Psychological Assessment of Political Leaders. University of Michigan Press, 2005.

Author's Bio

Radoslav Bonev, PhD. in National Security, chair of national and international safety, faculty of national safety and defence, Military academy of G.S. Rakovsky, Sofia, Bulgaria.
E-mail: sn_ilieva@abv.bg

УДК 930.85

**ЕВРАЗИЙСТВО, «ВОСТОК» И «АЗИЯ»: «ВОСТОЧНЫЕ»
УСТРЕМЛЕНИЯ В ТРУДАХ ЕВРАЗИЙЦЕВ (часть 1)****Б. В. Назмутдинов***Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
(Россия)*

В последнее время часто звучит лозунг о развороте России на Восток, ее внимании к Азии, построению устойчивого евразийского пространства. Однако евразийский вектор развития России начал осмысляться гораздо раньше. «Исход к Востоку», провозглашенный евразийцами в начале 1920-х годов, вызвал продолжительную дискуссию. Для того чтобы понять существо этих споров, их влияние на современность, важно увидеть и осознать восточные устремления в трудах Н.С. Трубецкого и его соратников. Евразийцы не были первыми, кто писал о значении Азии для России, но они впервые, по сути, осмыслили неевропейские основания русской культуры. Автор статьи проблематизирует отношение евразийцев к «Востоку», настаивая на их исследовательском, не идеологическом интересе к странам Азии и неславянским народам России.

Keywords: востоковедение, история русской мысли, классическое евразийство, ориентализм

В 2014-2015 гг. в различных медиа часто звучал лозунг о развороте России на «Восток», внимании к Азии. Этот призыв многие ассоциируют с созданием нового евразийского пространства, отличного от европейского. Между тем «евразийский» вектор развития России начал осмысляться гораздо раньше: «Исход к Востоку», провозглашенный русскими евразийцами в начале 1920 гг., вызвал масштабную и продолжительную дискуссию. Для того чтобы понять существо этих споров, их влияние на современность, важно увидеть и осознать «восточные» устремления в трудах классиков евразийства Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Л. П. Карсавина и др. Евразийцы не были первыми, кто писал о значении Азии для России, но они впервые по сути осмыслили неевропейские основания русской культуры.

Евразийцы писали о кризисе «Запада» в начале 1920 гг. Их диагнозы были созвучны пророчествам о «закате Европы», гибели европейской культуры, кризисе представительной демократии после Первой мировой войны. Метафора «закат Запада» приобрела особенный смысл из-за особенностей этимологии. В русском языке слово «запад» происходит от глагола «западати», закатываться за горизонт¹. Закат европейской цивилизации напоминал падение солнца, очередной «конец света». Новый свет, как и прежде, должен прийти с «Востока». Но каков сущностно этот «Восток», доподлинно неизвестно: то ли это действительно нечто новое и уникальное, то ли фантазм, созданный «Западом».

¹ В немецком языке «Запад» характеризуется как *Abendlandes*, «вечерние земли», в противовес *Morgenlandes*, «утренним землям», Востоку. В украинском языке слова «запад» и «восток» звучат как захід (заход) и схід (восход). в башкирском – как Көнбайыш («день заходит») и Көнсығыш («день восходит»).

Сторонники постколониальных исследований подчеркивают, что «Восток» конструировался европейскими колонизаторами от противного, как собственная оппозиция, благодаря которой «Запад» осознавал собственные пределы и внутреннее единство [26, с. 11]. Подлинный *Ex Oriente Lux* невозможен в силу своей вторичности, «Восток» представал непознаваемой частью Старого Света, которую нужно домысливать «от противного». Если ценностными основами «Запада» считались прогресс, свобода, автономия, частная собственность, координация, индивид, то фундаментом «Востока» соответственно провозглашались традиция, авторитет, иерархия, власть, субординация, коллектив.

Такое деление воспроизводит российский востоковед Л. С. Васильев, меняя местами причину и следствие. «Восток» – нечто первичное, традиционное и нормальное, его ключевым принципом является власть. Принципы «Запада» нетипичны для первичных культур, символом мутации становится ценность собственности. На «Востоке» власть выше права, в том числе права собственности: независимых собственников (в т.ч. собственников земли) как таковых не существует, есть лишь владельцы имущества, единственный собственник – носитель верховной власти. На «Западе» же первична собственность, начала власти вторичны [4, с. 5-7]. Этим можно объяснить популярность теорий общественного договора: свободные собственники договариваются о политическом устройстве ради сохранения своего имущества, властитель не должен претендовать на собственность граждан, иначе его посчитают тираном, власти которого можно противиться. Ярким воплощением такой точки зрения является теория Дж. Локка.

У концепции размежевания «Запада» и «Востока» множество критиков. Первая их группа оспаривает ассоциацию Востока с властью, Запада – с началом собственности. Правитель в арабских странах не полновластен, он «тень правителя на земле», власть не создает правопорядок, не предшествует праву. Перуанский экономист Э. де Сото подчеркивает важность начала собственности, экономических отношений для мусульманского мира и происходящих в нем потрясений [29]. Одну из важнейших ролей в установлении исламской республики сыграл базар, кланы торговцев, выступившие против режима шаха Пехлеви. Более того, само по себе исламское право во многом обязано своим появлением отношениям в сфере торговли: Аллах разрешает торговлю и запрещает ростовщичество.

Вторая группа критиков пытается переосмыслить сами координаты «Востока» и «Запада». Э. Саид считал, что «начиная примерно с конца XVIII века ориентализм можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком – общение при помощи высказываемых о нем суждений, определенных санкционируемых взглядах, его описания, освоения и управления им, – короче говоря, ориентализм – это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» [26, с. 9-10]. Автор подчеркивал, что в ограничивающем дискурсе ориентализма «Восток» представляется конструируемым объектом. «Восточного человека» описывают, судят и опе-

кают, вменяя ему ряд априорных, неверифицируемых качеств – иррациональность, нелогичность, лживость, неумеренную сексуальность, слабость абстрактного мышления.

Данные идеи Э. Саида созвучны ранним тезисам русских евразийцев [34, с. 144; 11, с. 80-82]; последние за полвека лет до издания работы «Ориентализм» (1979) критиковали культурный и политический колониализм романо-германских народов, призывая к деколонизации сознания неевропейцев. Евразийский сборник «Исход к Востоку» (1921) подчеркивал важность не русификации или вестернизации Азии, но поиска «Востока», «Другого» в себе, призывал не к конструированию или контролю, но к вниманию и рефлексии. В более поздних работах евразийцев нет последовательной демифологизации «Востока», какую последовательно проводит Саид. В них можно встретить штампы об особом отношении «Востока» к духовности и религии. Чуть позже, в личной переписке 1931 г., Н. С. Трубецкой признавался: «Особенно раздражает меня всегда понятие "Востока", – это абсолютно бессодержательное, чисто отрицательное ("не-Европа"), европоцентрическое и не только не научное, но и прямо антинаучное понятие» (Цит. по: [27, с. 43]). Схожую мысль двумя годами спустя высказал английский историк А. Тойнби [31, с. 84], в связи с чем сложно признать за Саидом первенство в попытке деконструировать понятие «Восток».

Подобное высказывание Трубецкого о «Востоке» нельзя считать общим для всего евразийского движения. В начале 1929 г. Трубецкой вышел из его состава, в своем письме он выразил личное мнение. Долгое время «Восток» не считался евразийцами чем-то бессодержательным: они исследовали и анализировали то, что обычно обозначалось «Востоком». В научной литературе распространено мнение, будто классики евразийства, декларируя внимание к «Востоку», в реальности к нему не обращались. «Восток» для них был объектом дискурса, полем идеологического конструирования [15, с. 165]. По нашему мнению, это не так, евразийцы проявляли исследовательский интерес к тому, что часто относят к «Востоку». Выражению такого мнения и посвящена эта статья.

Азия и «Восток»: родственность и дистанция

Некоторые авторы считают евразийцев эпигонами идей Э. Э. Ухтомского, сыгравшего одну из важных ролей в восточной политике царской России на рубеже XIX и XX вв. [30, с. 19, 43]. Будучи приближенным Николая II и сподвижником С. Ю. Витте, Ухтомский стал председателем Российско-китайского банка, содействовал строительству КВЖД. Он считал, что Россия по своей сути азиатская, а не европейская держава. Подобный корпус идей получил название русского «восточничества».

«Восточничество» способствовало возникновению евразийства, но не стало причиной его появления. Параллельно с евразийскими идеями развивались иные смежные направления – «скифизм», «паназиатизм» и др. В отличие от них евразийцы не искали исток российской культуры в Азии, настаивая на особом – не европейском и не азиатском – фундаменте русской культуры.

Однако само внимание к Азии подчеркнута в самом названии движения: исследователи подчеркивают двузначность у евразийцев слова «Евразия» [35]. Им могла обозначаться Россия как «мир в себе»: ни Европа, ни Азия, но нечто третье. Либо же она символизировала синтез двух разных начал, сочетание технического совершенства «Запада» с правильным отношением «Востока» к религии. Такая омонимия напоминает отношение европейских ориенталистов к «Востоку»: то ли как к «Другому», отличному от «Запада», то ли как к «Востоку» (особенно «классическому») как неизбежному прошлому «Запада», его языковому истоку (санскриту) или духовному основанию (христианству). Если первый подход отражал плюралистическое видение мира, то второй – позицию наблюдателя, горделиво рассматривающего все остальные культуры как собственное прошлое, неразвитые формы собственного самопознания.

Как и «Евразия», «Восток» евразийцев также двузначен. Им мог быть «Восток» религиозный (восточное христианство) либо «Восток» этнографо-географический (азиатский). Нас прежде всего интересует второе значение «Востока». Отличался ли азиатский «Восток» евразийцев от «Востока» колонизаторов, был ли он только объектом идеологического конструирования либо был репрезентацией чего-то реального?

Историю раннего евразийства можно представить историей развития отношения к «Востоку». Название первого евразийского сборника 1921 г. «Исход к Востоку» – особенно в свете труда Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920) – звучало призывом к освобождению России от гегемонии Запада. По мнению евразийцев, русской культуре, подобно евреям, исходившим из египетского пленения, нужно вернуться к своим берегам, перестать следовать логике политического и культурного колониализма. «Восток» провозглашался сферой свободы, но не Азией как частью света. «Восток» – это прежде всего восточное христианство, приобретающее после революции 1917 г. особое, спасительное значение не только для эмигрантов, но и новой России. Такое понимание «Востока», безусловно, напоминало о наследии славянофилов и «Востоке Христа» Вл. Соловьева.

Во втором евразийском сборнике «На путях» (1922) «Восток» мог обозначать и восточное христианство, и Азию. В статье П. М. Бицилли «“Восток” и “Запад” в истории Старого Света» содержалась попытка проблематизировать понятие «Восток». Онтологическим целым автор считал «Старый Свет» [2, с. 322]. «Запад» и «Восток» представляли не сущностными, но инструментальными, относительными категориями «Запад» и «Восток». Они суть взаимосвязанные части «Старого Света», сходств между ними не меньше, чем различий, резких границ между ними не существует. Россия – органическая часть «Старого Света», ее «евразийская» миссия – в эпоху духовного кризиса снова связать «Запад» с «Востоком» [2, с. 339-340]. От «исхода этой попытки» – здесь явно отсылка к названию первого евразийского сборника – зависит многое. Таким образом, евразийство для Бицилли не есть восточничество, устремленность к Востоку, но

прежде всего трансляционная идеология: Россия органически связана со своим окружением, в том числе с «Западом».

«Запад» у Бицилли ассоциировался с развитым «центром», «Восток» – с «окраинами», причем не только в географическом, но и в цивилизационном значении: Китай именовался географическим «Востоком» и культурным «Западом» Азии [2, с. 318-319]. Такое видение отражало прежнее, «романо-германское» видение «Старого Света», и остальным евразийцам свойственно не было. Это противоречило позиции Савицкого, утверждавшего уникальность «России-Евразии». Другие евразийцы также скептически относились к Бицилли: Флоровский упоминал о его романо-германских «учено-специалистских» штампах [22, с. 65]. При этом косвенное влияние Бицилли на евразийцев очевидно: Савицкий в статье «Степь и оседлость» вслед за Бицилли подчеркивал: «*без татарщины не было бы России*» [25, с. 342]. Однако Савицкий огрубляет тезис, превращая «татарщину» из «условия», даже «повода» формирования России в непосредственную причину ее возникновения.

Часть тезисов Бицилли нашла отражение в «Наследии Чингисхана» (1925) Н. С. Трубецкого. Последний на рубеже 1921/1922 гг. счел статью Бицилли «интересной» [13, с. 178], но спустя четыре года писал совершенно иначе: «Помните, какая корявая была статья Бицилли в «На путях». Теперь – совсем иное. Наши географико-историософские схемы настолько отшлифованы, что историку стоит только усесться на них и он автоматически покатится, как по рельсам, именно туда, куда нам нужно. Настало время писать учебники...» [13, с. 411]. Перемена отношения к Бицилли объяснима кристаллизацией евразийской историософии. Во второй половине 1920 гг. под влиянием Трубецкого она была развита историком Г. В. Вернадским, Бицилли же отделился от евразийства.

В сборнике «На путях» (1922) также была опубликована статья Трубецкого «Религии Индии и христианство». Ученый, владевший санскритом, рассматривал лишь классические тексты, не анализируя современную ему индусскую религиозную мысль. Автор дисквалифицировал религии «Востока» за их «демонизм», отсутствие идеи личности. «Востоку», по Трубецкому, присуще лишь правильное отношение к религии и культуре: «...в этом укреплении общего на личном, внешнего (культуры) на внутреннем, может быть, заключается главное отличие «восточного» способа разрешать жизненные проблемы от способа западного». Однако «никакой новой веры [в том числе на Востоке] России искать нечего» [33, с. 325-327].

Схожей точки зрения придерживался Л. П. Карсавин, впоследствии прикнувшийся к евразийцам. В статье «Восток, Запад и Русская идея» (1923) он подчеркнул, что «Восток» не выходит за пределы «теизма» и «пантеизма». Именно поэтому религии «Востока» лишь потенциально содержат в себе христианство, поскольку находятся на более низкой стадии развития религиозной жизни. Нехристианские народы Евразии суть «потенциально православные», их культура не может быть выше «православной», поскольку высшая форма культуры невозможна без высшей формы религиозности.

Идея «потенциального православия» народов России во второй половине 1920 гг. стала доминирующей среди евразийцев. Формировалась тесная связь идей о религиозном обращении и цивилизационном перевоплощении. Евразийский востоковед В. Н. Никитин цитировал Вел. Хлебникова: «Ах, мусульмане, те же русские. И русским может быть Ислам. Милы глаза, немного узкие, как чуть открытый ставень рам» [19, с. 6]. Расширив горизонт своего восприятия, мусульмане могут стать православными, а через это – и русскими.

На заре своего существования евразийство сохраняло базовые ориенталистские штампы о неподвижном религиозном «Востоке», нарочито подчеркивая правильное отношение «Востока» к религии. Наиболее резким к «Востоку» отношение было со стороны Трубецкого, стремившегося сочетать культурную и политическую реабилитацию закабаленного «Востока» и его религиозную дисквалификацию. Подход П. М. Бицилли, проблематизировавший соотношение «Запада» и «Востока», не был признан другими, став артефактом конкретного сборника, но повлиял на формирование евразийской историософии.

Евразийцы, считая Евразию особым миром, были вынуждены разделить «Восток» на «внешний» евразийский и «внутренний» евразийский. (Деление на «внутренний» и «внешний» Восток можно найти у Бицилли. Впоследствии этим делением воспользуется исследователь евразийства М. Ларюэль [15, с. 189-190]). На внутренний «Восток» распространялись те же закономерности, что и на «православную» часть Евразии. В связи с этим логично сначала рассмотреть отношение евразийцев к «внешнему Востоку», чтобы затем перейти к «внутреннему».

Евразийство и «Внешний Восток»

Французская исследовательница М. Ларюэль не была права полностью – предметный интерес у евразийцев к Азии, а не только «Востоку» сформировался. Важно увидеть не только наиболее одиозные евразийские тексты, но и другие. Более половины статей пятой Евразийской хроники (1926) посвящались обсуждению проблем Азии: это и статья В. П. Никитина о Персии, его же библиография работ современных ориенталистов, рецензия М. Волгина на «Мы» Вс. Н. Иванова, отзыв Г. В. Вернадского на доклад А. Ринка о паназиатизме и Чингисхане, рецензия П. Н. Малевского-Малевица на книгу А. К. Мэннинга о Достоевском и «скифизме». В V Евразийском Временнике (1927) «Востоку» посвящались статья В. П. Никитина «Иран, Туран и Россия», работа Г. В. Вернадского о монгольском иге и т.д. При этом евразийцы старались дистанцироваться от отождествления России с «Азией», позиции Вс. Н. Иванова, считавшего себя евразийцем и книге «Мы» (1926) заявившем о том, что Азия – дом России, ее основа.

У евразийцев были не только ориенталистские, но и реалистические трактовки Азии. «Колыбель бесчисленных народов и племен, родина кровавых завоевателей, источник мифов и легенд, мать всех религий, почва, питающая

около миллиарда человеческих существ, – такова Азия. На протяжении многих веков она оставалась погруженной в нечто вроде мистического оцепенения, презирала действие, относилась безразлично к прогрессу в тех материальных формах, как мы его понимаем, уделяя внимание только работе ума и философским построениям» [35, с. 5]. Такие типичные ориенталистские штампы можно найти у Э. Хара-Давана – калмыцкого автора, близкого евразийцам и издавшего довольно реферативную работу о Чингисхане. Но среди евразийцев были и те, кто избрал Азию объектом своего научного интереса. К примеру, В. П. Никитин, присоединившийся к евразийству в середине 1920 гг. Евразийство привлекло его тем, что вводило проблематику востоковедения в общественную дискуссию [28].

Более всего В. П. Никитина интересовали Иран и Йемен. С этими странами, во-первых, были связаны его академические и профессиональные интересы. Никитин овладел персидским, арабским, курдским языками, служил дипломатическим работником в Иране, Афганистане и Йемене, был консулом в городах Курдистана [18, с. 37], впоследствии издал на французском языке большую работу о курдах. Во-вторых, именно Иран и Йемен напоминали Никитину «Евразию», срединный мир, причудливый синтез различных начал. «Расположенный на перекрестке трех культурных миров – китайского, индийского и греко-римского, он [Иран] был предназначен играть роль посредника» [16, с. 87].

Для Никитина было важно то, что Иран имел долгую традицию доисламского имперского правления (ахеменидского, парфянского и сасанидского). Автор подчеркивал влияние на Иран греко-эллинской культуры, античной и раннехристианской философии, из-за которых ислам здесь обрел особенные очертания: возник джафаритский мазхаб – шиитский, а не суннитский религиозно-правовой толк, подчеркивающий «разумное» основание в богословии и юриспруденции. Таким образом, Персия не принадлежала лишь к мусульманскому миру, ее влияние распространялось за пределы «Востока»: Никитин вспоминает иранское происхождение названий славянских рек Днестр, Днепр и Дон (от иранского слова «дон», т.е. «вода»). Оседлый Иран всегда влиял на кочевой ираноязычный «Туран». Бицилли считал первый внутренним «Западом» Азии, второй – внутренним «Востоком». В трудах евразийцев упоминалось «об иранских основаниях русского мистицизма» [2, с. 336], Иран ассоциировался с неортодоксальным исламом (суфизмом и пр.), рецепцией греческой философии на «восточной» почве (неоплатонизм) и пр.

Йемен, как и Иран, по Никитину, являет собой особый религиозный мир: в отличие от иных арабийских стран многие здесь принадлежат к зейдитскому (шиитскому) толку, много здесь и иудеев, страна исторически испытывала серьезное влияние Эфиопии [17]. Но в отличие от Евразии Иран и Йемен не автаркичны, хотя и уникальны, это не «мир в себе», каким является Россия.

Лидеры евразийства с осторожностью отнеслись к В. П. Никитину, чей интерес к «Востоку» сформировался задолго до присоединения к евразийству. Трубецкой считал автора знатоком, а не «ученым» [13, с. 523], ругал стиль из-

ложения статьи об Иране 1926 г.: «Вместо популяризации получается поверхностность. А кроме того, – ужасно длинно» [13, с. 380]. П. Н. Савицкий внес правки в статью «Иран, Туран и Россию», насытив изложение евразийской терминологией. Направляя эту работу В. П. Никитина в нужное русло, издатели пятого Евразийского Временника (1927) опубликовали редакционное примечание, где попытались применить к анализу иранской культуры понятие «месторазвития», посредством которого утверждалась уникальность «Евразии»: «Культурно-исторические типы «Ирана» и «Турана», блестяще охарактеризованные В. П. Никитиным, в исторической своей плоскости должны быть определены в первую очередь не как этнические группы, не как группы народов «иранских» и «туранских», но как «месторазвития». Под «месторазвитием» же нужно понимать социально-историческую среду, рассматриваемую одновременно и неотрывно от среды внешней, географической – со всей той совокупностью традиций и преемств, которые вырастают и вкореняются в географический ландшафт» [16, с. 75]. Развивая эту идею, Никитин пишет о «месторазвитии» Ирана, вовлекаясь в которое, бывшие туранцы становятся его защитниками. Блокируя обвинения в географическом детерминизме, Никитин подчеркивает, что ключевую роль в «иранизации» кочевников играет не столько ландшафт, сколько культура.

Иранская историософия Никитина системно вписана в евразийскую схему соотношения Ирана и Турана, намеченную П. М. Бицилли и Н. С. Трубецким: «Иранец [в отличие от туранца, чье мышление отличается «схематизмом»] нам кажется прежде всего проповедником, жрецом, миссионером. Он склонен к спекулятивному мышлению, и нигде, как в Иране, не было столько ересей, выражения протеста в форме религиозной. Он также [как и туранец] создавал крупные государственные объединения, но основой их была не столько доблесть и способность к самопожертвованию, сколько тонко разработанная система администрации, пресловутые “очи и уши” царевы, принцип, проходящий через всю государственную жизнь Персии красной нитью вплоть до наших дней» [16, с. 80].

М. Ларюэль отчасти была права: евразийцам был нужен Иран, поддающийся их когерентным интерпретациям, Никитин следует за суждениями Трубецкого о тюрках, выраженных в статье «О туранском элементе в русской культуре» (1925), хотя и с некоторым возражением по поводу туранского формализма: «Иран может пригнуться очень низко к земле, но он никогда не отдавался завоевателю целиком, а наоборот: терпеливо и незаметно подчинял его своему культурному обаянию. Туран менее гибок, не знает компромиссов, идет напролом. Чувство меры ему менее знакомо» [16, с. 81].

Никитин впоследствии отошел от евразийства, но евразийские штудии повлияли на его творчество. В 1956 г. автор издал во Франции книгу «Курды», перевод которой в 1964 г. вышел в СССР. В ней нет отсылки к евразийству, автор благодарит во введении Л. Массиньона и Н. Марра, повлиявших на методологию исследования [18, с. 42]. В то же время Никитин продолжал переписку с

П. Н. Савицким: к примеру, он объяснял ему небольшое количество своих работ о «Востоке» тем, что он был вынужден около тридцати лет «тянуть банковскую ляжку», совмещая научную работу со службой в банке. Тем не менее востоковедческое наследие Никитина можно в целом назвать научным, как и вклад евразийства в развитие исследований Ближнего Востока, тюрко- и ираноязычных народов.

На основании статьи о религиях Индии исследователи часто делают выводы о негативном отношении Трубецкого и евразийства в целом к «Востоку» и Азии [13, с. 183, 203]. Но подчеркнута негативное отношение к индуизму было связано с тем, что Трубецкой стремился подчеркнуть, что евразийство не связано с псевдовосточными духовными практиками, не призывает к азиатизации православия. При этом он очень внимательно относился к «туранским» языкам, поскольку пришел к филологии через этнографию, устойчивый интерес к северокавказским и финно-угорским эпическим сказаниям. Позднее Трубецкой занимался тюркскими языками, санскритом. Его исследования не были образцами колониальных изысков – работ, сознательно дисквалифицирующих предмет своего исследования, как это могло показаться сторонникам разоблачения ориентализма в науке.

О тюркских языках и о тюрках Трубецкой часто отзывался даже с большей симпатией, чем о славянах и индоевропейских языках. Агглютинативные туранские языки (на которых разговаривают не только жители Евразии, но и, например, турки, уйгуры и венгры), по его мнению, более совершенны, чем флективные романо-германские [32]. Их схематизм пленил автор: американский исследователь А. Либерман даже предположил, что в созданном им образе туранца Трубецкой видел себя [37, с. 361-363] – свою схематичность и стройность мышления, ясность формулировок, склонность к формальной простоте, нежелание видеть крайности, нетерпимость к ереси.

Трубецкой не интересовался антиколониальными движениями стран Азии, не вникал глубоко в процессы деколонизации, был чужд политической практике. Его вклад в освобождение «Востока» выражался в общем, но ясном призыве к свободе. Он также пытался следить за формированием советского востоковедения. В одном из писем он благодарил Р.О. Якобсона за то, что тот переслал ему журнал «Новый Восток» [23, с. 74].

Таким образом, интерес евразийцев к «Внешнему Востоку» не был поверхностным, насильственно-идеологическим. «Евразийские» работы В. П. Никитина стали основой для его дальнейших работ о курдах. Неприятие Н. С. Трубецким индуизма и буддизма не исключало его филологического интереса к санскриту, иным языкам Азии, внимания к этнографическим особенностям народов «Внешнего Востока», которые в силу языковой и религиозной близости были тесно связаны с этносами «Внутреннего Востока». Проблеме внутреннего, «евразийского Востока», а также общим выводам, касающимся «восточных» устремлений евразийцев, мы посвятим статью в следующем номере журнала.

Список литературы

1. Архив Славянской библиотеки Чешской республики. Личная коллекция П. Н. Савицкого. П. 5. Д. 121.
2. Бицилли П. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. Утверждение евразийцев. Берлин, 1922. С. 322.
3. Валиди А.-З. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. 2. Уфа, 1988. С. 288.
4. Васильев Л. С. История Востока: в 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 5-7.
5. Вахитов Р. Р. Валиди и евразийцы: несостоявшееся сотрудничество. Ислам и государство в России. Уфа, 2013. С. 204-209.
6. Вернадский Г. В. Древняя Русь. М., 2004.
7. Вернадский Г. В. Из древней истории Евразии: Хунну // Новый журнал. 1960. № 62. С. 73-83.
8. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Прага, 1927.
9. Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана // Вернадский Г. В. История права. СПб., С. 117.
10. Вернадский Г. В. Против солнца: распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 56-79.
11. Глебов С. Евразийство: между империей и модерном. М., 2010.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5783. Оп. 1. Д. Л. 24-24об.
13. Из писем Н. С. Трубецкого П. П. Сувчинскому // Глебов С. Евразийство: между империей и модерном. М., 2010. С. 178.
14. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 235-244.
15. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004. С. 165.
16. Никитин В. П. Иран, Туран и Россия // Евразийский Временник. Кн. 5. Париж, 1925. С. 75.
17. Никитин В. П. Йемен // Евразия. 1929. № 14. С. 6-7; № 15. С. 5.
18. Никитин В. П. Курды. М., 1964.
19. Никитин В. П. Персия в проблеме Среднего Востока // Евразийская хроника. Париж, 1926. Вып. 5. С. 1-15.
20. О евразийстве // Дни. 1925. № 722 (22 марта). С. 7.
21. Пашуто В. Т. Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
22. Переписка Г. В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921-1924) // Записки русской академической группы в США. 2011-2012. Т. XXXVII.
23. Письма и заметки Н.С. Трубецкого. М., 2004.
24. Руль. 1925. № 1309 (24 марта). С. 4.
25. Савицкий П. Н. Степь и оседлость // На путях. Утверждение евразийцев. Берлин, 1922.
26. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006.
27. Селиверстов С. В. Н. С. Трубецкой в евразийском дискурсе: начало 1930-х годов // Славяноведение. 2009. № 4. С. 40-54.
28. Сорокина М. Ю. Василий Никитин: Свидетельские показания в деле о русской эмиграции // Диаспора: Новые материалы. Вып. 1. Париж; СПб., 2001. С. 587-644.
29. Сото Э. де. Кассовая борьба [Электронный ресурс]. URL: <https://esquire.ru/hernando-de-soto> (дата обращения 13.09.2015).
30. Схиммельпеннинкван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.
31. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.
32. Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 65-77.

33. Трубецкой Н. С. Религии Индии и христианство // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 293-327.

34. Хаген М. фон. Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004.

35. Цымбурский В. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Евразия. Люди и мифы. М., 2003. С. 22-49.

Дата поступления в редакцию: 12.11.2015

Author's Bio

Назмутдинов Булат Венерович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: bnazmutdinov@hse.ru

---

UDK 930.85

**EURASIANISM, «ORIENT» AND «ASIA»: «EASTERN»
ASPIRATIONS IN THE WRITINGS OF EURASIANISTS (part 1)**

B. V. Nazmutdinov

National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Abstract. In the recent years, it is often heard of the turn of Russia to the East, its attention given to Asia, processes of constructing of a sustainable Eurasian space. However, the Eurasianist vector of Russia has started to be conceptualized much earlier. «Exodus to the East» proclaimed by the Eurasianists in the early 1920s, caused a lengthy debate. In order to understand the essence of these disputes, their influence on the present, it is important to see and understand the aspirations to the East in the works of Nikolai Trubetzkoy and his associates. The Eurasianists were not the first to write about the importance of Asia for Russia, but for the first time, in fact, to comprehend non-european grounds of Russian culture. The author problematizes Eurasianists' attitude to the «East», insisting on their research, not ideological interest in Asia and the non-slavic peoples of Russia.

Ключевые слова: oriental studies, history of Russian thought, classical eurasianism, orientalism

---

References

1. Arhiv Slavjanskoj biblioteki Cheshskoj respubliki. Lichnaja kolekcija P. N. Savickogo. P. 5. D. 121.
2. Bicilli P. «Vostok» i «Zapad» v istorii Starogo Sveta // Na putjah. Utverzhdenie evrazijcev. Berlin, 1922. S. 322.
3. Validi A.-Z. Vospominanija. Bor'ba narodov Turkestana i drugih vostochnyh musul'man-tjurkov za nacional'noe bytie i sohranenie kul'tury. Kn. 2. Ufa, 1988. S. 288.
4. Vasil'ev L. S. Istorija Vostoka: v 2 t. T. 1. M., 2010. S. 5-7.
5. Vahitov R. R. Validi i evrazijcy: nesostojavsheesja sotrudnichestvo. Islam i gosudarstvo v Rossii. Ufa, 2013. S. 204-209.
6. Vernadskij G. V. Drevnjaja Rus'. M., 2004.
7. Vernadskij G. V. Iz drevnej istorii Evrazii: Hunnu // Novyj zhurnal. 1960. № 62. S. 73-83.
8. Vernadskij G. V. Nachertanie russkoj istorii. Praga, 1927.
9. Vernadskij G. V. O sostave Velikoj Jasy Chingishana // Vernadskij G. V. Istorija prava. SPb., S. 117.
10. Vernadskij G. V. Protiv solnca: rasprostranenie russkogo gosudarstva k vostoku. S. 4-5.

11. Glebov S. Evrazijstvo: mezhdru imperiej i modernom. M., 2010.
12. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. 5783. Op. 1. D. L. 24-24ob.
13. Iz pisem N. S. Trubeckogo P. P. Suvchinskomu // Glebov S. Evrazijstvo: mezhdru imperiej i modernom. M., 2010. S. 178.
14. Kargalov V. V. Vneshnepoliticheskie faktory razvitija feodal'noj Rusi: Feodal'naja Rus' i kochevniki. M., 1967. S. 235-244.
15. Laruelle M. Ideologija ruskogo evrazijstva, ili Mysli o velichii imperii. M., 2004. S. 165.
16. Nikitin V. P. Iran, Turan i Rossija // Evrazijskij Vremennik. Kn. 5. Parizh, 1925. S. 75.
17. Nikitin V. P. Jemen // Evrazija. 1929. № 14. S. 6-7; № 15. S. 5.
18. Nikitin V. P. Kurdy. M., 1964.
19. Nikitin V. P. Persija v probleme Srednego Vostoka // Evrazijskaja hronika. Parizh, 1926. Vyp. 5. S. 1-15.
20. O evrazijstve // Dni. 1925. № 722 (22 marta). S. 7.
21. Pashuto V. T. Mongol'skij pohod vglub' Evropy // Tataro-mongoly v Azii i Evrope. M., 1977.
22. Perepiska G. V. Florovskogo s N.S. Trubeckim (1921-1924) // Zapiski ruskoj akademicheskoj gruppy v SShA. 2011-2012. T. XXXVII.
23. Pis'ma i zametki N.S. Trubeckogo. M., 2004.
24. Rul'. 1925. № 1309 (24 marta). S. 4.
25. Savickij P. N. Step' i osedlost' // Na putjah. Utverzhdenie evrazijcev. Berlin, 1922.
26. Said Je. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka. M., 2006.
27. Seliverstov S. V. N. S. Trubeckoj v evrazijskom diskurse: nachalo 1930-h godov // Slavjanovedenie. 2009. № 4. S. 40-54.
28. Sorokina M. Ju. Vasilij Nikitin: Svidetel'skie pokazanija v dele o ruskoj jemigracii // Diaspora: Novye materialy. Vyp. 1. Parizh; SPb., 2001. S. 587-644.
29. Soto Je. de. Kassovaja bor'ba [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://esquire.ru/hernando-de-soto>. (data obrashhenija 13.09.2015).
30. Shimmel'pennink van der Oje D. Navstrechu Voshodjashhemu solncu: Kak imperskoe mifotvorcestvo privelo Rossiju k vojne s Japoniej. M., 2009.
31. Tojnbi A. Postizhenie istorii. M., 1991.
32. Trubetzkoy N. S. Mysli ob indoevropejskoj probleme // Voprosy jazykoznanija. 1959. № 1. S. 65-77.
33. Trubetzkoy N. S. Religii Indii i hristianstvo // Trubeckoj N. S. Nasledie Chingishana. M., 2000. S. 293-327.
34. Hagen M. fon. Imperii, okrainy i diaspory: Evrazija kak antiparadigma dlja postsovetskogo perioda // Novaja imperskaja istorija postsovetskogo prostranstva. Kazan', 2004.
35. Cymburskij V. Dve Evrazii: omonimija kak ključ k ideologii rannego evrazijstva // Evrazija. Ljudi i mify. M., 2003. S. 22-49.

Авторская справка

Nazmutdinov Bulat Venerovich, candidate of sciences in law, associate professor of the department of legal theory and history, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: bnazmutdinov@hse.ru

УДК 316:334.3

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В. А. Фокин*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула
(Россия)*

В статье исследуются современные глобальные социальные процессы в мире и России (глобализационные процессы). Приводится социальная статистка социальных процессов и проблем. В центре внимания статьи национальная (социальная) безопасность общества и роль социальной работы в решении социальных последствий глобализационных изменений в мире и России.

Ключевые слова: глобализация, социальные процессы, социальная работа, рынок, миграция, бедность, урбанизация

Современное общество развивается в условиях и под влиянием глобальных мировых процессов в политике, экономике, здравоохранении, экологии, становлении гражданского общества, масштабных природных катаклизмов. Глобальные социальные процессы и связанные с этими процессами последствия, выражающиеся в безработице, алкоголизме, наркомании, увеличении числа ВИЧ-инфицированных, заболевших Эбола, росте преступности, старении населения, необходимости ликвидации последствий терроризма, войн, колоссальных природных катастроф, требуют объединения усилий не только правительств, финансовых органов, служб помощи в чрезвычайных ситуациях, но и социальных работников, призванных помогать людям, оказавшимся в непростой жизненной ситуации.

Глобальные социальные процессы имеют достаточно долгую историю, насчитывающую несколько веков. Их корни уходят во времена индустриальной революции, но многие её последствия проявляются только в настоящее время. Выделим ряд глобальных социальных процессов, которые имеют непосредственное отношение к социальной работе.

Прежде всего, глобализация означает *расширение рынка*. В XXI веке глобализацию отличают быстрота и динамика экономических процессов, которые изменяют общество на разных уровнях. В течение 10-20 лет экономика отдельных стран претерпевает такие изменения, которые раньше осуществлялись за 50 и более лет. Главными составляющими глобальных социальных процессов в настоящее время являются новые технологии, такие как спутниковые системы связи, Интернет и мобильные телефоны. Они делают возможным быстрый обмен информацией. Глобализация обладает интеграционными характеристиками, связывая рыночные экономики в единое целое посредством современных технологий. Глобальные социальные процессы связаны и с таким явлением рынка как *растущий спрос населения на товары в глобальном масштабе*. Наконец, следствием глобализации рынка является *увод корпорациями капиталов из развитых стран в разви-*

вающиеся страны, так как производство товаров и, соответственно, рынок рабочих мест перемещаются в данные регионы. Все эти аспекты глобального расширения рынка способствуют распространению социальных проблем рынка (безработица, бедность, насилие, угнетение и др.), так как корпорации и другие инвесторы пытаются найти такие места для размещения производства и достижения максимальных прибылей, где есть дешевая рабочая сила и ресурсы, а также лояльное трудовое законодательство и регулирование охраны окружающей среды.

Рыночные отношения создают группы победителей и проигравших. Корпорациям выгодно, чтобы имелось больше работников, чем рабочих мест, так как это позволяет держать низкий уровень зарплаты. Для увеличения своих доходов корпорации перекалывают рост цен на плечи потребителя. Затраты на другие аспекты производства (дополнительные выплаты работникам, социальные гарантии, охрана окружающей среды) сводятся к минимуму. Поэтому социальные работники призваны заниматься проблемами тех, кто «выброшен» рыночной системой, исключен из состава рабочей силы или не способен трудиться. Известные политические события на Украине последних двух лет и последующие санкции Запада наложили свой отпечаток на характер социальной работы с людьми, занятыми на производстве, и в России. Многие производства, связанные с украинскими и западными партнерами, были вынуждены перейти на импортозамещение, что потребовало порой коренной оптимизации труда на предприятиях сказалось на усложнении социальных проблем людей, в них занятых. В настоящее время российские социальные работники подключены к решению и социальных проблем граждан, попавших под влияние западных санкций.

Другой глобальный социальный процесс – *миграционный*. В современных условиях усиливается мобильность рабочей силы, что создает большое количество иммигрантов, мигрантов и так называемых «гастарбайтеров», работников, получающих зарплату в одной стране и отсылающих ее семье, живущей за границей. Многие мигранты, иммигранты, гастарбайтеры не имеют доступа к общественным социальным фондам, медицинскому страхованию, образованию, что усиливает необходимость налаживания социальной работы с ними. В условиях миграционного процесса требуется социальная помощь таким клиентам социальной работы не только через пропаганду справедливости, равенства, но и создание равных возможностей, условий для жизнедеятельности всех людей. Это позволит минимизировать негативные последствия, вызываемые перемещениями людей из страны в страну в поисках работы.

Отдельная сторона миграционного процесса – увеличение риска торговли людьми и незаконного перемещения людей в другие страны. Ежегодно от 700 тысяч до 2 миллионов людей незаконно перемещаются в другие страны [1]. Обеспечение благосостояния и прав этих людей становится всемирной социальной задачей. Свой отпечаток на этот процесс и состояние социальной работы накладывают и увеличивающиеся потоки беженцев из стран вооруженных конфликтов в благополучные страны Европы. Мы являемся свидетелями такого многотысячного движения беженцев из стран Сирии, Ирана в страны Европы. В Россию устремились беженцы из Украины, непризнанных Донецкой и Луганской республик.

Всем этим людям, а также жителям непризнанных республик оказывается гуманитарная, в том числе и социальная помощь.

Следующий глобальный социальный процесс – *рост бедности и неравенства*. Бедность – это предсказуемый побочный продукт рынка и форма насилия. Во многих странах бедность поддерживается специально созданными институтами, такими как Всемирный банк и Международный валютный фонд, выдающими кредиты под очень высокие проценты. Греция тому явный пример. Независимо от причин реальность бедности в разных странах мира сохраняется. Вместе с бедностью неизбежно приходят голод, болезни и смерть. Неравенство создает медицинские проблемы, ведущие к преждевременной смерти. Борьба с бедностью и неравенством – ключевые задачи, которые объединяют работников социальной сферы во всем мире. Хотя российское правительство делает все, чтобы минимизировать экономические и социальные потери, которые вызывают западные санкции, от проблем бедности и неравенства российские граждане не застрахованы, что требует совершенствования социальной работы и в этом направлении.

Еще один глобальный социальный процесс – *старение населения мира*. Россия не стоит в стороне от этого процесса. По данным статистики на 1 января 2015 года, в России проживало 146 270 033 гражданина. По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, который собирает сведения по всем странам мира, пожилых людей в России (старше 60 лет) в 2014 году насчитывалось 27,5 миллиона человек (19,4 %). Причем предполагается, что доля пожилых людей будет увеличиваться (2030 год – 23,3 %, 2050 год – 28,5 %) [2]. Мировой процесс старения требует от правительств, социальных учреждений, общества в целом продуманной социальной политики, высокопрофессиональной и компетентной практической деятельности социальных работников в отношении пожилых клиентов, которые нуждаются в социальных услугах.

Понимая это, в конце XX века ООН объявило 1999 год Международным годом пожилого человека. Однако этой международной акции оказалось недостаточно, чтобы привлечь внимание граждан и правительств мира к проблемам стареющего населения. Поэтому в 2002 году усилиями ведущих экспертов и геронтологов мира был разработан Мадридский международный план действий по проблемам старения, который призван стать не просто стратегией социально-геронтологической работы во многих странах, но и определить ведущие и эффективные технологии создания благоприятных условий жизни пожилых людей в современном обществе. К реализации этого Плана присоединилась и Россия, что выразилось с совершенствованием различных направлений социально-геронтологической работы со стареющим населением.

Последним глобальным социальным процессом, но не последним в целом, является *урбанизация*. Большие города во всех странах мира имеют лучшие социально-бытовые условия для проживания людей, чем в сельских районах. Не только в России известны социальные проблемы жителей «умирающих деревень». Жители этих сельских регионов (и старые и молодые), нуждаются в особой, специфической социальной помощи и поддержке социальных работников.

Все сказанное позволяет определить глобальные социальные процессы как совокупность процессов, происходящих в одно и то же время, но с разной скоро-

стью в разных странах и направленных на трансформацию предоставления социальных услуг, управления социальным обслуживанием, поддержкой и защитой клиентов, личного опыта всех граждан, попавших в сложную жизненную ситуацию. Эти процессы в разных странах неодинаковы, но они создают сеть взаимосвязей и взаимодействий по всему миру, объединяя правительства, граждан, включая социальных работников и их клиентов.

Список литературы

1. United Nations Development Programme (2014), United Nations World Migration Report, 2014.
2. Статистика. URL: <https://sites.google.com/site/ruregdatav1/russia>, <http://www.helppage.org/global-agematch/population-ageing-data/country-ageingdata/?country=Russian%20B+Federation>

Дата поступления в редакцию: 27.10.2015

Авторская справка

Фокин Владимир Андреевич, профессор, доктор педагогических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия.
E-mail: fokine@mail.ru

UDC 316:334.3

**GLOBALIZATION OF SOCIAL PROCESSES AND PROBLEMS
OF RUSSIAN SOCIAL WORK IN THE CONDITIONS OF CARING
A NATIONAL SAFETY OF RUSSIA**

V. A. Fokin

TSPU, Tula (Russia)

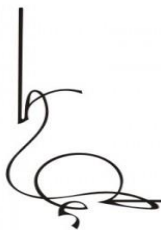
Abstract. In article modern global social processes in the world and Russia (globalization processes) are investigated. The social mute of social processes and problems is brought. In the center of attention of article national (social) security of society and a role of social work in the solution of social consequences of globalization changes in the world and Russia.

Keywords: globalization, social processes, social work, market, migration, poverty, urbanization

---

Author's Bio

Fokin Vladimir Andreevich, professor, the doctor of pedagogical sciences, the Tula State Pedagogical University of L. N. Tolstoy, Tula, Russia. E-mail: fokine@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 930.1:378

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. Н. Павлова

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)

На рубеже XX-XXI вв. российское общество пережило сложные социально-экономические и политические трансформации, что неоднозначно сказалось на мировоззрении молодых людей, формировавшихся в этих непростых условиях, нередко являющихся носителями различного рода историко-социальных мифов. В статье анализируются «сложные вопросы» исторической памяти о Великой Отечественной войне, в том числе на примере Республики Марий Эл. В центре внимания статьи роль исторической памяти в вопросах национальной безопасности страны.

Ключевые слова: мировоззрение, историческая память, исторические мифы, факторы национальной безопасности

Современное российское общество неоднородно не только в социальном, но и в мировоззренческом отношении, поскольку формирование разных поколений происходило в условиях разных социальных систем и разных идеологий. Находясь в условиях префигуративной, по выражению М. Мид [1, с. 359-360], культуры, где представители старшего поколения не являются непререкаемым авторитетом для младшего, выросшего в мире, которого никогда не было раньше, мы сталкиваемся с проблемой передачи не только накопленного знания, но и ценностных ориентаций как важнейшей части культуры. Постмодернистское понимание ценностей, осознанно или неосознанно принимаемое значительной частью современной молодежи, позволяет поставить под сомнение многие традиции социума, в том числе те, которые определяют историческую идентичность этноса. На это накладывается стремление молодого человека освободиться от внешних авторитетов и избыточность информации как характерная примета современного общества. Существует реальная угроза потери исторической памяти, что грозит нарушением не только идентификации отдельных личностей, но и целых поколений.

В этих условиях вещи очевидные для представителей среднего и старшего поколения, чья идентичность в значительной степени формировалась еще в период существования советского общества или сохранения значительной части наследия советской эпохи в системе школьного и вузовского образования, не являются та-

ковыми для молодых людей. Темы, воспринимавшиеся сугубо серьезно, не предполагавшие в прошлом двойных трактовок, для молодых людей могут быть не только предметом размышления и поиска собственных оценок, но и полного отрицания, в том числе как результат слабого знания исторических фактов.

Опыт преподавания отечественной истории в техническом вузе, где большинство студентов уже на момент выбора будущей профессии направляет основные усилия на изучение дисциплин естественнонаучного цикла, свидетельствует о неспособности ряда молодых людей ориентироваться в огромном потоке информации гуманитарного характера. Это создает значительные трудности в плане формирования исторической памяти, самоидентификации.

Вместе с тем задачи технических вузов в области образования не ограничиваются профессиональными компетенциями, но предполагают и формирование общекультурных. Изучение истории в вузе – это не столько знакомство с историческими событиями, сколько умение их анализировать на основе современных методологических подходов, что играет важную роль в формировании мировоззрения студентов.

В последнее десятилетие мы можем говорить о существовании концепции преподавания истории. Но в условиях информационного общества на молодое поколение оказывает влияние множество разноречивых и не всегда обоснованных суждений о различных периодах истории страны, которые не только наполняют интернет и периодические издания, но отчасти находят отражение и в учебной литературе, что создает серьезные трудности в формировании мировоззрения. Все чаще отсутствует контакт между людьми разных возрастов, когда события прошлого передавались как часть семейной истории представителями старшего поколения, позволяя составить максимально многогранное представление, включая бытовые аспекты, что ограничивало возможности для разного рода спекуляций. В двухпоколенных семьях, где дети не имеют такой возможности, восприятие прошлого, в том числе истории повседневности, оказывается серьезным пробелом. Возникающую лакуну заполняют кинообразы или образы компьютерных игр, что приводит к распространению различных исторических штампов, выхолащиванию исторической памяти, отсутствию личностного отношения к прошлому.

Все сказанное относится в первую очередь к истории XX века, где оценки событий, предлагаемые исследователями, значительно разнятся, что затрудняет процесс формирования мировоззренческих установок молодого человека, открывает широкие возможности для манипуляции сознанием. На протяжении длительного времени история Великой Отечественной войны как пример героизма и беззаветного самопожертвования советских людей являлась в нашей стране основой формирования мировоззрения и воспитания подрастающего поколения. Однако в результате фальсификации и мифологизации история Великой Отечественной войны утрачивает свою ценность для некоторых молодых людей; в их сознании происходит размывание хронологических рамок, исчезает эмоциональное сопереживание.

Формирование мировоззрения современной студенческой молодежи предполагает использование методологического подхода, известного в социальной (культурной) антропологии как «включенное наблюдение» или «вживание», предполагающее сопереживание ценностям другой культуры [2, с. 9-10], в данном случае отличающейся от существующей хронологически. С целью наполнить исторические события реальным содержанием, отражающим жизнь предшествующих поколений, в Поволжском государственном технологическом университете разработана программа организации самостоятельной работы студентов, включающая анкетные опросы, которые проводятся с участием студентов, и эссе, подготовленные на их основе. Первоначально в центре внимания оказались события Великой Отечественной войны, воссоздаваемые по воспоминаниям участников и современников событий, среди которых было много «детей войны». Затем составлены анкеты, посвященные реформам 90-х гг. XX в. и событиям середины 50-начала 80-х гг., что позволило охватить основные этапы истории страны от 40-х гг. XX в. до начала XXI в., включая не только важнейшие события, но и изменения в повседневной жизни людей.

Отношение респондентов к происходившим изменениям, пониманию ими их сути – основная задача данных исследований наряду с изучением повседневной жизни людей. Это должно помочь студентам представить «человеческое измерение» прошлого, включая не столь отдаленные события рубежа XX-XXI вв., свидетелями которых отчасти были и они сами в детском и подростковом возрасте. Представляется, что участие в подобной работе может сыграть важную роль в формировании мировоззренческих установок молодых людей, помочь им правильно и непредвзято оценить события прошлого, выработать собственное отношение к ним.

Наиболее важное направление данных исследований – события Великой Отечественной войны, восстанавливаемые на основе воспоминаний ее современников и участников. При составлении анкеты основное внимание уделялось не боевым действиям, в которых участвовали ветераны, хотя и этот момент нашел отражение, а повседневной жизни советского солдата. В анкету включены такие вопросы, как отношения между сослуживцами, солдатами и офицерами, отношение к органам СМЕРШ, что должно помочь студентам разобраться с различными фальсификациями истории Великой Отечественной войны, опираясь на воспоминания самих ветеранов. Значительное внимание уделено вопросам повседневной жизни советских солдат в военных условиях, включая вопросы питания, медицинского обслуживания и пр.

В анкетах, посвященных жизни людей в советском тылу, есть вопросы, отражающие организацию системы образования, трудовую деятельность, повседневную жизнь, включая вопросы питания, жилищные условия и пр., позволяющие понять истинную глубину подвига советских людей, включая жителей тыловых районов, детей и подростков, которые своим трудом приближали победу.

За 2009-2014 гг. собрано несколько сотен анкет, материалы которых частично вошли в три сборника «Живая память о войне. Воспоминания участников Ве-

ликой Отечественной войны и труженников тыла» [3]. География исследований включает Республику Марий Эл, сопредельные районы Кировской области, республики Чувашия и Татарстан. Большинство респондентов к началу Великой Отечественной войны проживало в этих регионах, призывалось отсюда в армию или оставалось на данной территории в годы войны. Среди участников Великой Отечественной войны, опрошенных в ходе исследования, преобладают призывники 1943-1945 гг., которые оказались на советско-германском фронте в период наступательных боев Красной Армии либо стали участниками войны с Японией в августе-сентябре 1945 г. Этим можно объяснить различия в воспоминаниях ветеранов, оказавшихся на фронте в разные периоды войны.

Студенты, участвовавшие в сборе материала, отметили, что они получили возможность представить реальную жизнь советских солдат и понять все величие их подвига, при этом критически взглянув на те оценки, которые можно встретить в литературе.

На фронт многие из респондентов уходили уже в разгар войны, когда, казалось, не было ни сил, ни средств для подготовки новобранцев, но они отметили, что прошли обучение перед отправкой в военные части [4, с. 14, 40-41, 45].

Разумеется, были и различные злоупотребления, которые приводили к гибели людей даже в тылу. На территории Республики Марий Эл недоброе воспоминание оставил военный гарнизон в поселке Сурок [5]. По воспоминаниям И. С. Кузикина, многие умирали от голода и тяжелых условий жизни, так и не успев попасть на фронт [4, с. 28]. Х. Я. Ягуфаров, также находившийся в 1943 г. в гарнизоне поселка Сурок, вспоминал, что ни оружия, ни обмундирования им не выдали, призывники выполняли различные хозяйственные работы, голодали, местные жители тайком подкидывали хлеб. Умерших от голода хоронили в братской могиле [4, с. 58].

Подобные воспоминания показывают сложные взаимоотношения между людьми в военное время, где наряду с взаимопомощью, готовностью поделиться последним соседствовали корысть, недобросовестное отношение к своим обязанностям, пренебрежение к человеческой жизни.

Один из вопросов анкеты, посвященной Великой Отечественной войны, связан с отношением к органам СМЕРШ и НКВД, о которых в последние десятилетия сложилось крайне негативное представление. Считается, что большая часть населения страны подвергалась репрессиям. Однако в воспоминаниях современников событий удалось встретить лишь упоминания о существовании подобных органов, с которыми лично из опрошенных никто не сталкивался.

Таким образом, изучение истории Великой Отечественной войны по источникам, собранным самими студентами, позволило им избавиться от целого ряда исторических мифов и представить истинную цену Победы, свою лепту в которую внесла каждая семья.

В опросе, посвященном событиям рубежа XX-XXI вв., проводившемся с 2010 по 2014 г., приняло участие более 500 человек, живущих в Республике Марий Эл и регионах России. Это позволило воссоздать картину жизни российской провинции в 90-е гг. XX в. и выявить отношение людей к происходившим собы-

тиям [6], далеко не всегда соответствующее оценкам, предлагаемым в учебной литературе. Последнее отметили и сами студенты в своих эссе.

На наш взгляд, подобное знакомство с реальной историей, прошедшей через судьбы людей, зачастую родителей, позволит сформировать правильное отношение к событиям прошлого, выработать твердую мировоззренческую позицию. Последнее в современном мире, где человек оказывается в центре различных, не всегда достоверных, информационных потоков, становится важным фактором национальной безопасности.

Список литературы

1. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. 429 с.
2. Белик А. А. Культурная (социальная) антропология – область научных исследований и учебная дисциплина // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 3-14.
3. Живая память о войне: воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и тружеников тыла. Йошкар-Ола, 2010. 72 с.; Живая память о войне: воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и тружеников тыла. Вып. 2. Йошкар-Ола, 2013. 66 с.; Живая память о войне: воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и тружеников тыла. Вып. 3. Йошкар-Ола, 2015. 156 с.
4. Живая память о войне: воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и тружеников тыла. Йошкар-Ола, 2013. 66 с.
5. Максимова М. В лесах Марий Эл морили голодом солдат. URL: <https://mariuver.wordpress.com/2015/02/19/mog-golod/ya> (дата обращения 3.03.15).
6. Социально-экономическая трансформация России на рубеже веков: взгляд из провинции / Д. В. Васенин, Л. Г. Мокроусова, А. Н. Павлова и др. Йошкар-Ола, 2013. 110 с.

Дата поступления в редакцию: 19.10.2015

Авторская справка

Павлова Анжелика Николаевна, доктор исторических наук, профессор Поволжского государственного технологического университета, Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: PavlovaAN@volgatech.net

UDK 930.1:378

**HISTORICAL MEMORY AND THE WAYS OF ITS FORMATION
IN A MODERN HIGHER EDUCATION INSTITUTION
AS A FACTOR OF NATIONAL SAFETY**

A. N. Pavlova

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Abstract. At the turn of XX-XXI th. centuries Russian society had experienced complicated social, economic and political transformations. That has had multiple valued influences on young people's frame of mind developing in tricky conditions which often happen to be carriers of different kinds of historical-social myths. In articles «difficult questions» of historical memory of Great Patriotic war, including on the

example of the Republic of Mari El are analyzed. In the center of attention of article a role of historical memory in questions of national security of the country.

Keywords: frame of mind, historical memory, historical myths, factors of national safety

---

References

1. Mid M. Kul'tura i mir detstva. M., 1988. 429 s.
2. Belik A. A. Kul'turnaja (social'naja) antropologija - oblast' nauchnyh issledovanij i uchebnaja disciplina // Jetnograficheskoe obozrenie. 2000. № 6. S. 3-14.
3. Zhivaja pamjat' o vojne: vospominanija uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. i truzhenikov tyla. Joshkar-Ola, 2010. 72 s.; Zhivaja pamjat' o vojne vospominanija uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. i truzhenikov tyla. Vyp. 2. Joshkar-Ola, 2013. 66 s.; Zhivaja pamjat' o vojne: vospominanija uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. i truzhenikov tyla. Vyp. 3. Joshkar-Ola, 2015. 156 s.
4. Zhivaja pamjat' o vojne: vospominanija uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. i truzhenikov tyla. Joshkar-Ola, 2013. 66 s.
5. Maksimova M. V lesah Marij Jel morili golodom soldat. URL: <https://mariuver.wordpress.com/2015/02/19/mor-golod/ja> (data obrashhenija 3.03.15).
6. Social'no-jekonomicheskaja transformacija Rossii na rubezhe vekov: vzgljad iz provincii / D. V. Vasenin, L. G. Mokrousova, A. N. Pavlova et al. Joshkar-Ola, 2013. 110 s.

Author's Bio

Pavlova Anzhelika, doctor of history, assistant professor, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: PavlovaAN@volgatech.net

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском и английском языках (философия, социология, история, психология и педагогика). Журнал «SocioTime (Социальное время)» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества. Статьи принимаются в течение года и по итогам экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

2. В журнале «SocioTime (Социальное время)» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, магистранты, соискатели, исследователи-практики, студенты высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежья.

3. Требования к оформлению статей:

- классификационный индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) (в верхнем левом углу);

- инициалы и фамилия автора статьи на русском и английском языках (выравнивание по левому краю, кегль шрифта 10);

- аннотация статьи на русском и английском языке (до 200 слов, выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 9);

- ключевые слова (не более 15, выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 9);

- текст статьи объемом 0,5-1,0 печ. л. (20-40 тыс. знаков, включая пробелы) в формате А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал. Подрисуночные подписи выполняются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. Таблицы набираются 9-м кеглем. На таблицы и рисунки должны быть ссылки;

- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках, в соответствии с требованиями ГОСТ Р.7.0.5.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;

- список использованной литературы на языке издания (кегль шрифта 9) выравнивается по ширине страницы, помещается в конце текста и строится в алфавитном порядке;

- список литературы на русском, на английском языках помещается (кегль шрифта 9) в конце текста;

- сведения об авторах на русском и английском языках (кегль шрифта 8,5): Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы или учебы с почтовым адресом, тел. для связи, E-mail.

Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

4. В редакцию журнала направляются:

- заявление автора на имя главного редактора;

- печатная версия статьи;

- комплект компьютерных файлов;

- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

5. Требования к файлам: в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например: Иванов А. В.); имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например: Рис. 1).

Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Рецензии хранятся в редакционной коллегии журнала в течение 5 лет с даты публикации или даты отклонения рукописи.

6. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

7. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и содержательные электронные варианты журнала представлены на сайте журнала. Режим доступа: sociotime@volgatch.net, ksnt@volgatch.net.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

1. Materials are accepted for publication in Russian and English (philosophy, sociology, history, psychology and pedagogy). «SocioTime» – it is a scientific, multidisciplinary journal of analytical modern social-humanitarian knowledge of actual problems of man and society. Articles are accepted throughout the year and at the end of the examination included in the next issue of the magazine in order of receipt.

2. Articles, exhibiting a high degree of scientific novelty, theoretical and practical significance are published in the journal «Socio Time». The authors of the articles may be scientists, researchers, doctoral students, graduate students, undergraduates, applicants, researchers, practitioners, students of universities and academic institutions in Russia and abroad.

3. Requirements for the articles:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (up to 200 words, justification page, font size 9);
- Key words (no more than 15, font size 9);
- Text of article 8-16 pages (20-40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in alphabetical order;
- References or Resume in English, in the amount of 1000 characters (font size 9 at the end of the text);
- Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and e-mail.

Text of the article submitted on paper and electronic media.

4. Along with the article shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- Print version of the article;
- A set of computer files;
- Recommendation of the supervisor (for graduate students and applicants).

5. File requirements: as a file name to use the surname of the first author in Russian (e.g., Ivanov A.V.); file names must match illustrations with their numbers in the text (e.g. img. 1);

The manuscript can be returned to the author with comments for improvement. Date of receipt of the article is the day of receipt of the final edited version of the article. Reviews are stored in the editorial board for 5 years from the date of publication or the date of rejection of the manuscript.

6. The materials are not designed according to the requirements of the magazine are not considered.

7. Rules for writing articles, example of the documents, the review procedure and electronic versions of the journal are presented on the website: sociotime@volgatch.net, ksnt@volgatch.net.